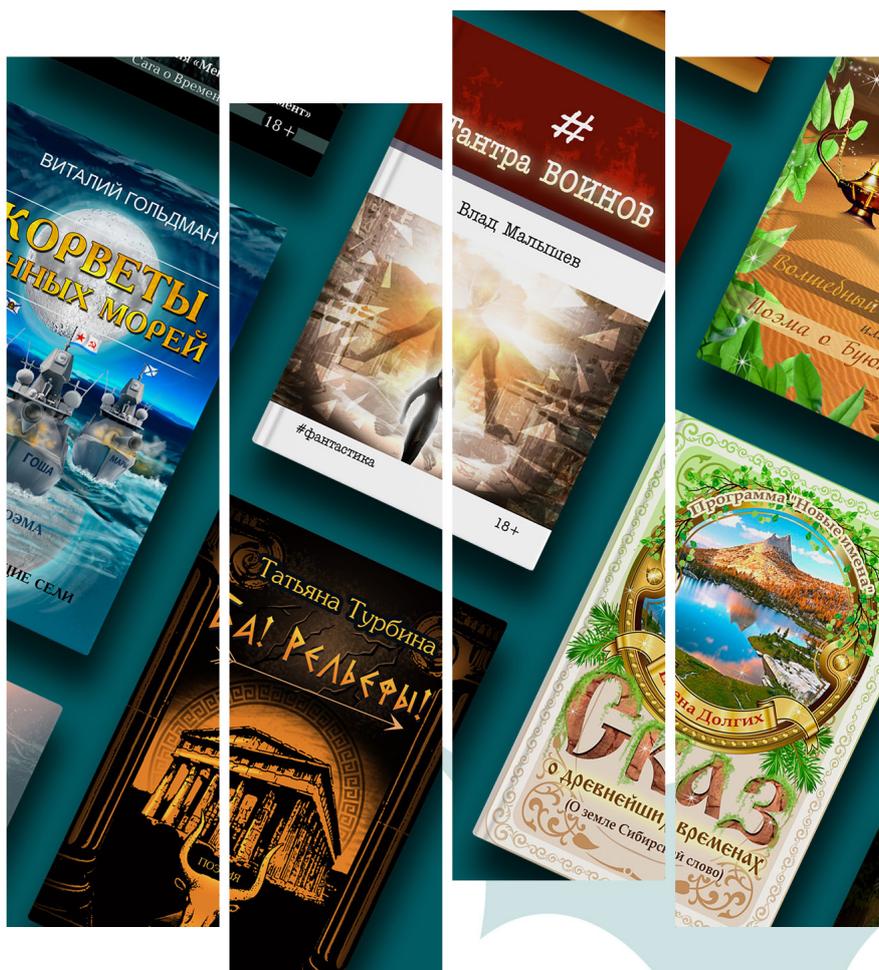

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

Герой номера
Татьяна Турбина

В фокусе
«Случайная жертва»
Ирины Кабановой

Тема номера
Легенды и мифы

Редколлегия

Главный редактор **М. В. Соседко**

Редактор **Н. П. Гаврикова**

Литературный консультант
член **Союза писателей России**

И. И. Малкова

Дизайн обложки и вёрстка: **С. А. Чалый**

Корректор **Г. В. Донина**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС77-44356

от 21 марта 2011 г.

Учредитель и издатель

Суховойко Денис Александрович

Адрес редакции

654063, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30, корп. 4.

Адрес издателя

653039, Кемеровская область,
г. Прокопьевск, ул. Яворского, 24-44.

Для писем

654079, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, а/я 170.

Тел.: 8-800-301-2620

E-mail: sp@izdat-kniga.ru

journalsp.ru
vk.com/journal_sp
izdat-kniga.ru

Все произведения и материалы, опубликованные в журнале, охраняются законодательством РФ об авторских и смежных правах. Воспроизведение публикаций журнала в каком-либо виде без письменного согласия редакции не допускается. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. За достоверность фактов несут ответственность авторы опубликованных материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Редакция оставляет за собой право на литературную правку рукописей, не вступая в переписку с авторами. Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.

Отпечатано в типографии издательства

«Союз писателей»,

Россия, Кемеровская обл.,

г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30/4.

Подписано в печать 06.04.2021

Журнал вышел в свет 15.04.2021

Формат 60x841/8. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура «PT Serif».

134 стр. Тираж 3000 экз.

Цена договорная.

Литературно-художественный журнал

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

№ 2/2021 (112)

Издаётся с 2011 года

Содержание номера

*Литературная весна с поэтами
и прозаиками «Союза писателей»* 3

Литературный календарь

Юбилей..... 4

События 7

Конкурсы..... 8

Герой номера

Мифы в жизни, творчестве и философии

Татьяны Турбиной..... 10

В фокусе

Правда или её сокрытие? 14

Современное материнство.

Автор Наталья Гирлина в ожидании

абсолютной любви. Книга «Селфи

полнолуния»..... 15

Рецензии и критика

Литературные и фольклорные аллюзии

в романе В. Гольдмана «Корветы лунных

морей»..... 17

Психология творчества с Ларисой Агафоновой

Олимпийское спокойствие,

или Вы готовы стартовать? 20

Тема номера

Арсен Геворгян

Севак и Нурия 22

Виталий Гольдман	
<i>Отрывок из романа «Корветы лунных морей»</i>	26
Алёна Иванова	
<i>Стихотворения</i>	28
Александра Ильина	
<i>Демонизация</i>	31
Елена Кёрн	
<i>Нужда</i>	41
Алла Кречмер	
<i>Стихотворения</i>	44
Екатерина Позднякова	
<i>Стихотворения</i>	46

Поэзия

Ирина Алтынова	49
Вадим Верц	50
Владимир Зюкин	51
Арман Комаров	52
Дарья Кучеренко	53
Анастасия Мельничек	55
Юлия Титова	56
Ирина Шумина	59
Наталья Ядохина	62

Проза и публицистика

Лариса Агафонова	
<i>Лидочка</i>	63
Вячеслав Злобин-Алтайский	
<i>Сквозь архаизмы истории</i>	65
Владимир Зюкин	
<i>Вадик и дядя Яков</i>	75
Елена Казакова	
<i>Ранним утром</i>	77
Велта Кирьякова	
<i>Любовь</i>	79
Ольга Севостьянова	
<i>Чацкий</i>	81
Владимир Тюльпанов	
<i>Первый шаг</i>	84
<i>Преступление и наказание — 2</i>	86
Кристина Тюркаева	
<i>Перо Финиста, или Прогулка в стране Синей птицы</i>	88
Игорь Щепёткин	
<i>На Старой Ачинской</i>	92

Неординариум

Дарья Ткачук	
<i>Цена таланта</i>	99

Комната отдыха

Татьяна Зубарева-Гурина	
<i>Где вы были раньше? Воскресный сын...</i>	101
Юлия Рушак	
<i>Девичья баллада</i>	103
Жанна Устинова	
<i>Стихотворения</i>	106

Литстудия «Родники Сибири»

<i>Вести из литстудии «Родники Сибири». Январь 2021 года</i>	107
Татьяна Катрич	
<i>Новогодняя сказка</i>	108
Валентина Устяхина	
<i>Стихотворения из сборника для детей «Игрушки от Кирюшки»</i>	111
Наталья Гордок	
<i>Из повести «Так начинались «Родники»»</i>	115

Детский клуб «Озарёнок»

<i>Всероссийский детско-юношеский литературный конкурс «Защитники Отечества»</i>	119
Григорий Мельников	
<i>Мой отец Николай Мельников</i>	120
Евгений Бондарев	
<i>Крест храбрых</i>	121
Никита Сорокин	
<i>История моего рода</i>	123
Елизавета Казачинская	
<i>Крымский мост</i>	124
Татьяна Жихарева	
<i>Ромашковое поле</i>	125

Цветные зонтики

Лидия Соловьева	
<i>Розовый слоник</i>	128
Жанна Устинова	
<i>Стихотворения</i>	131
Наталья Шарапова	
<i>Пушистик</i>	132

Литературная весна с поэтами и прозаиками «Союза писателей»

Журнал «Союз писателей» — добрая литературная традиция, которую мы с радостью продолжаем этой весной. Вместе с авторами нового тысячелетия, чьи произведения публикуются на страницах, солнце станет ярче, дни длиннее, эмоции полнее, а жизнь более насыщенной.

Чтобы ориентироваться в важных датах и событиях, связанных с любимыми книгами, а также в премиях и конкурсах, в которых можно уже сегодня принять участие, для читателей и писателей подготовлен «Литературный календарь».

Тема выпуска — «Легенды и мифы». Его герой — Татьяна Турбина, чей сборник «Ба! Рельефы!» отталкивается от античной мифологии. За написанием каждой поэмы стоит своя история, которой автор делится в интервью. В своих стихах обращаются к космологии прошлого поэты Алёна Иванова, Алла Кречмер, Екатерина Позднякова и прозаики Арсен Геворгян, Виталий Гольдман, Александра Ильина, Елена Кёрн.

«В фокус» попал детектив Ирины Кабановой «Случайная жертва. Книга 1», о которой речь идёт в статье «Правда или её сокрытие?», и книга о современном материнстве Натальи Гирлиной «Селфи полнолуния». Раздел «Рецензии и критика» представлен обзором «Литературные и фольклорные аллюзии в романе В. Гольдмана “Корветы лунных морей”», который написала Любовь Калинина. Ещё одна важная традиция журнала — колонка «Психология творчества с Ларисой Агафоновой». В статье «Олимпийское спокойствие, или Вы готовы стартовать?» собраны советы о том, с чего начать свой творческий путь.

Как обычно, «Союз писателей» вобрал в себя лучшие стихотворения, которые на-

писали Ирина Алтынова, Вадим Верц, Владимир Зюкин, Арман Комаров, Дарья Кучеренко, Анастасия Мельничек, Юлия Титова, Ирина Шумина, Наталия Ядохина. Большой интерес представляют рассказы, ставшие основой рубрики «Проза и публицистика». Их авторы: Лариса Агафонова, Вячеслав Злобин-Алтайский, Владимир Зюкин, Елена Казакова, Велта Кирьякова, Ольга Севостьянова, Владимир Тюльпанов, Кристина Тюркаева, Игорь Щепёткин. «Неординариум» — это место, где можно помечтать и оторваться от привычной действительности, в чём с радостью поможет Дарья Ткачук. А расслабление в «Комнате отдыха» гарантируют Татьяна Зубарева-Гурина, Юлия Рушак, Жанна Устинова. Юные читатели останутся в восторге от «Цветных зонтиков». Специально для них добавили красок в радугу Лидия Соловьёва, Жанна Устинова, Наталья Шаропова.

Журнал «Союз писателей» ценит крепкую дружбу. Читателей ждут вести из творческого объединения «Родники Сибири» и работы его авторов Татьяны Катрич, Валентины Устяхиной, Натальи Гордок. А ещё мы верим, что будущее литературы в руках молодёжи, и с радостью приветствуем МДЛК «Озарёнок», воспитанники которого приняли участие во Всероссийском детско-юношеском литературном конкурсе «Защитники Отечества». В числе финалистов Григорий Мельников, Евгения Бондарева, Никита Сорокин, Елизавета Казачинская. Наставников клуба на страницах представляет Татьяна Жихарева.

Эта весна будет ласковой и многообещающей вместе с журналом «Союз писателей», его авторами и героями их произведений, способных прогнать тоску и подготовить к лету приключений.

Литературный календарь

Юбилеи

2 мая — 135 лет назад в Путлице родился немецкий поэт **Готфрид Бенн** (1886–1956), который был сначала сторонником, а затем — ярким критиком нацистского режима. Его перу принадлежат книги «Морг и другие стихи», «Анестезия. Пять новых стихотворений», «Искусство и власть», «Фрагменты. Новые стихи», «Старение как проблема для художников» и многие другие.

110 лет назад в Каратаге родился таджикский советский писатель **Мирзо Турсун-заде** (1911–1977). Автор поэм «Солнце страны», «Осень и весна», «Сын Родины», «Невеста из Москвы», «Хасан-арбакеш», «Вечный свет», «Голос Азии» и др., сборника «Стихи», поэтических циклов «Я с Востока свободного» и «Индийская баллада», сценария к фильму «Как велит сердце».

60 лет назад родился австралийский писатель-фантаст **Том Арден** (1961–2015). Наиболее известное произведение Тома — «Орокон». Являлся одним из соавторов повести для сериала «Доктор Кто», которая вышла в 2002 году.

3 мая — 70 лет назад в Ленинграде родилась писательница **Татьяна Никитична Толстая** (1951). Из-под её пера вышли сборники рассказов «На золотом крыльце сидели...», «Любишь — не любишь», «Река Оккервиль», «День», «Ночь», «Изюм», «Круг», «Белые стены» и другие произведения.

6 мая — 100 лет назад в Вене родился австро-британский поэт, публицист, прозаик **Эрих Фрид** (1921–1988). Автор множества книг в разных жанрах, в том числе романа «Солдат и девушка», сборников стихотворений «Оспаривания», «Это то, что есть» и прочих трудов.

7 мая — 345 лет назад в Искителле родился юрист, историк, политический мыслитель, философ, один из крупнейших представителей итальянского Просвещения **Пьетро Джанноне** (1676–1748). Знаковой работой для писателя стала «Гражданская история Неаполитанского королевства», которая поставила его по другую сторону закона своей страны.

245 лет назад родился поэт **Даниэль Берженьи** (1776–1836). Выступал сторонником идей Просвещения, что сказалось в его критике религиозных представлений, утилитарном подходе к поэзии, склонности к моральным поучениям. Единственный сборник стихов, опубликованный Берженьи при жизни, принёс ему огромную славу.

7 мая — 165 лет назад во Фрайберге родился врач-психиатр и психолог, основатель психоанализа **Зигмунд Фрейд** (1856–1939). В качестве примеров его трудов можно привести следующие: «Толкование сновидений», «Психопатология обыденной жизни», «Тотем и табу», «По ту сторону принципа удовольствия», «Психология масс и анализ человеческого “Я”», «Будущее одной иллюзии», «Недовольство культурой». Но это далеко не полный список.

160 лет назад в Калькутте родился индийский писатель, поэт, философ, общественный деятель **Рабиндранат Тагор** (1861–1941). Можно смело утверждать, что именно его творчество сформировало искусство Бенгалии. В 1913 году стал лауреатом Нобелевской премии в области литературы. Это было особым достижением, так как самая престижная награда в мире впервые ушла не к европейцу. Сегодня стихотворения автора являются гимнами

Индии («Душа народа») и Бангладеш («Моя золотая Бенгалия»).

9 мая — 195 лет назад родился колумбийский поэт **Грегорио Гутьеррес Гонсалес** (1826–1872). Среди его работ нужно отметить поэму «Мемориал выращивания кукурузы в Антиокии».

11 мая — 160 лет в селе Софьино Самарского уезда родился русский поэт **Николай Андреевич Панов** (1861–1906). Автор в своём творчестве опирался на фольклор. Наиболее полное прижизненное собрание его сочинений называлось «Гусли звончаты».

115 лет назад в Севастополе родилась писательница **Вера Казимировна Кетлинская** (1906–1976). Наиболее известны её произведения «Мужество» и «В осаде». Является лауреатом Сталинской премии третьей степени от 1948 года.

105 лет назад в Падроне родился испанский писатель **Камило Хосе Села** (1916–2002). Его перу принадлежат произведения «Семья Паскуале Дуарте», «Улей», «Испанские истории» и другие. Много внимания в своём творчестве уделял представителям поколения 1898 года — это устоявшееся название, которым характеризуют группу авторов, остро переживавших в своих историях поражение Испанской империи. Села — лауреат Нобелевской премии в области литературы 1989 года и премии Сервантеса 1995 года. Был членом Королевской академии наук Испании.

14 мая — 210 лет назад родился русский поэт **Иван Иванович Данков** (1811–1844). Автор стихотворных брошюр «по поводу», среди которых комический панегирик «Блины» — к Масленице, «Красное яичко, или Светлодневный подарок москвичам» — ряд колоритных зарисовок о том, как встречают Пасху в Москве, пригороде, деревне, «Семь столов для бедных, в богоблагословенной Москве» — по случаю благотворительного обеда Комитета для призрения бедных и сирот, а также других произведений по жанру и посылу.

15 мая — 130 лет назад в Абахе Кутаисской губернии родился грузинский писатель, филолог, историк-литературовед **Константин Симонович Гамсахурдия** (1891–1975). Автор романов «Улыбка Диониса», «Страницы жизни», «Похищение луны», «Вождь», «Десница великого мастера», «Давид строитель», «Цветение лозы». Также занимался переводами, в частности «Божественной комедии» Данте Алигьери и «Страданий юного Вертера» Гёте.

130 лет назад в Киеве родился советский писатель, драматург **Михаил Афанасьевич Булгаков** (1891–1940). Автор бессмертных шедевров «Мастер и Маргарита», «Белая гвардия», «Собачье сердце» и многих других.

105 лет назад в деревне Заполье Новгородского района Гродненской области родилась белорусская писательница, поэтесса **Нина Михайловна Тарас** (1916–2006). Автор книги «На ўсход ідучы...», «Казкі пра абавязкі», «Наш бор», «У тапаліную замець», «Празь вятры-завеі» и прочих.

16 мая — 80 лет назад в селе Пировском Енисейского района Красноярского края родился русский писатель, поэт и переводчик **Геннадий Мартович Прашкевич** (1941). Автор романов «Апрель жизни», «Тайный брат», «Бык в западне», «Пятый сон Веры Павловны», «Деграданс», «Гуманная педагогика» и др. Является лауреатом литературной премии в области фантастики «Аэлита» 1994 года.

20 мая — 65 лет назад в Зестафони родился грузинский писатель, учёный-японист, литературовед, переводчик, общественный деятель **Борис Акунин** (1956). Настоящее имя автора — Григорий Шалвович Чхартишвили. Также публикуется под псевдонимами Анна Борисова и Анатолий Брусникин. На счету писателя множество популярных произведений, среди которых «Азазель», «Турецкий гамбит», «Левиафан» и другие. Борис Акунин был заместителем главного редактора журнала «Иностранная литература» в период с 1994 по 2000 год.

21 мая — 135 лет назад в селе Николаевский городок Саратовской губернии родился русский поэт и переводчик **Михаил Александрович Зенкевич** (1886–1973). Автор книг «Дикая порфира», «Под пароходным носом», «Набор высоты» и прочих.

22 мая — 130 лет назад в Мюнхене родился немецкий прозаик и поэт, министр культуры ГДР, лауреат Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» (1952) **Иоганнес Роберт Бехер** (1891–1958). Автор антивоенного романа «Люизит, или Единственная справедливая война».

23 мая — 130 лет назад в шведском городе Векшё родился писатель **Пер Лагерквист** (1891–1974). Автор книг «Карлик», «Сивилла», «Железо и люди» и других. Является лауреатом Нобелевской премии в области литературы 1951 года. Ему принадлежит известная цитата: «Я не вмешаюсь в своё творчество».

28 мая — 50 лет исполняется российскому поэту **Алексею Владимировичу Дьячкову** (1971), автору книг «Райцентр», «Государыня рыбка», «Игра воды», «Короткое лето», «Семейство сложноцветных». Регулярно публикуется в литературных журналах. Является лауреатом литературной премии журнала «Арион» (2019).

31 мая — 45 лет назад в Глазго родился шотландский американский писатель и модельер **Дуглас Стюарт** (1976). В 2020 году за дебютный роман «Шагги Бейн» получил Букеровскую премию.

4 июня — 200 лет назад в Москве родился русский поэт **Аполлон Николаевич Майков** (1821–1897). Автор поэм «Две судьбы», «Машенька», «Савонарола», «Клермонтский собор», драм «Два мира», «Три смерти», «Смерть Люция», множества поэтических циклов и сборников стихотворений.

6 июня — 415 лет назад в Руане родился французский поэт и драматург **Пьер Корнель** (1606–1684). Его называют «отцом французской трагедии». Старший брат драматурга Тома Корнеля. Автор произведений «Сид», «Гораций» и прочих.

11 июня — 210 лет назад в Свеаборге родился русский писатель, литературный критик, философ **Виссарион Григорьевич Белинский** (1811–1848), автор трудов «Литературные мечтания. Элегия в прозе», «О русской повести и повестях Гоголя». Был редактором журналов «Телескоп» (1833–1836), Современник (1847–1848), «Отечественные записки» (1839–1846).

16 июня — 90 лет назад в Ленинграде родился советский и российский поэт, прозаик и сценарист, автор стихов к песням для театра и кино, мастер мюзикла, переводчик **Юрий Евгеньевич Ряшенцев** (1931). Автор сборников стихотворений «Очаг», «Часы над переулком», «Дождливый четверг», «Слава Богу, у друзей есть шпаги!..», «Прощание с империей», «Ланфрен-Ланфра» и других, сборника стихов и переводов «Иверская сторона», произведения «В Маковниках и больше нигде», поэмы «Царь горы».

17 июня — 110 лет назад в Киеве родился русский писатель **Виктор Платонович Некрасов** (1911–1987). Среди прижизненных изданий автора «В окопах Сталинграда», «В родном городе», «По обе стороны океана», «Месяц во Франции», «Путешествия в разных измерениях», «По обе стороны Стены» и др.

18 июня — 85 лет назад в Москве родился писатель, экономист **Николай Петрович Шмелёв** (1936–2014). В числе основных произведений автора «Проблемы экономического роста», «Социализм и международные экономические отношения», повесть «Пашков дом», романы «Сильвестр» и «В пути я занемог», сборник повестей и рассказов «Ночные голоса», сборник рассказов «Ты кто?» и другие работы.

235 лет назад в селе Сутоки Духовщинского уезда, Смоленской губернии родился поэт, публицист, прозаик, декабрист **Фёдор Николаевич Глинка** (1786–1880). Автор поэтических сборников «Опыты священной поэзии», «Духовные стихотворения», поэм «Карелия», «Видение Макария Великого», «Таинственная Капля». Среди прозы Глин-

ки можно выделить книгу «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобождённая Малороссия».

21 июня — 100 лет назад в Лисморе родилась австралийская писательница **Патриция Райтсон** (1921–2010). Автор детских фантастических книг «Изогнутая змея», «Темнолуние», трилогии «Песнь о Вирруне» и прочих произведений.

24 июня — 225 лет назад родился поэт, фольклорист и этнограф, член общества филоматов **Ян Антони Чечот** (1796–1847). Редактор сборника народных песен, который включает девятьсот пятьдесят семь произведений.

25 июня — 95 лет назад в Клагенфурте родилась австрийская писательница **Ингеборг Бахман** (1926–1973), автор произведений «Малина», «Синхрон», лауреат Большой государственной премии Австрии по литературе.

26 июня — 90 лет назад в Лестере родился английский писатель **Колин Генри Уилсон** (1931–2013). Из-под его пера вышли книги «Мир Пауков», «Космические вампиры», «Ритуал в темноте», «Истоки сексуального желаний» и другие. Всего в копилке автора более восьмидесяти книг в области литературной критики, музыки, криминологии, социологии, истории, сексологии, философии, оккультизма.

28 июня — 75 лет назад в Сент-Джонсе (штат Мичиган) родился американский писатель-фантаст **Роберт Асприн** (1946), подаривший миру произведения «Мифы», «Разведчики времени», «Шуттовская рота» и др.

29 июня — 275 лет назад в Дензене родился немецкий педагог, издатель, писатель и филолог **Йоахим Генрих Кампе** (1746–1818). Популярность автору принесла адаптированная версия «Робинзона Крузо». Автор произведений «Открытие Америки» и «Феофрон». Его перу принадлежит тридцать восемь томов «Детской библиотеки» и девятнадцать томов «Странных описаний путешествий».

120 лет назад в Острогожске Воронежской губернии родилась писательница **Елена Ильина** (1901–1964). Настоящее имя автора — Лия Яковлевна Прейс. Наиболее известно произведение «Четвёртая высота».

30 июня — 110 лет назад в Шетени родился польский поэт, переводчик, эссеист **Чеслав Милош** (1911–2004). Автор произведений «Поэма о застывшем времени», «Дневной свет», «Долина Иссы», «Континенты», «Человек среди скорпионов», «Заколдованный гучо» и др. Является лауреатом Нобелевской премии в области литературы 1980 года.

События

2 мая — 410 лет назад (1611) была впервые издана санкционированная в Англии версия Библии — «Библия короля Якова».

3 мая — 30 лет назад (1991) в столице Намибии подписана «Виндхукская декларация», призывающая правительства государств всего мира обеспечивать свободу прессы и её демократический характер. Также за этой датой закреплён Всемирный день свободы печати. Отмечается ежегодно, начиная с 1994 года. Провозглашён Ге-

неральной Ассамблеей ООН в специальной резолюции от 20 декабря 1993 года.

5 мая — 205 лет назад (1816) опубликован первый сонет английского поэта Джона Китса.

95 лет назад (1926) в связи с Днём печати на Тверском бульваре в Москве открылся первый книжный базар, ставший традиционным.

7 мая — 115 лет назад (1906) Александр Блок написал стихотворение «Незнакомка».

8 мая — 70 лет назад (1951) своё первое стихотворение опубликовал украинский поэт Иван Драч.

16 мая — День биографов. Дата выбрана не просто так. 16 мая 1763 года произошла встреча английского филолога, литературного критика и поэта Сэмюэла Джонсона со своим биографом Джеймсом Босуэллом. В результате была написана книга о жизни Джонсона.

22 мая — 20 лет назад (2001) вышел роман Чака Паланика «Удушье».

25 мая — День филолога. Является наследием Дня славянской письменности и культуры. В России приурочен к Дню Кирилла и Мефодия, которые создали кириллицу.

27 мая — Общероссийский день библиотек. Дата проведения приурочена к 200-летию юбилею основания Императорской публичной библиотеки в 1795 году. Отмечают, начиная с 1995 года, когда особый президентский указ закрепил праздник в перечне памятных событий государства.

6 июня — День русского языка. Праздник приурочен к дню рождения Александра Сергеевича Пушкина и закреплён президентским указом от 2011 года.

8 июня — 95 лет назад (1926) Анна Ахматова развелась с В. К. Шилейко. При разводе впервые официально получила фамилию

Ахматова (ранее по документам носила фамилии своих мужей).

75 лет назад (1946) основана Международная организация журналистов.

10 июня — 100 лет назад (1921) основан Государственный музей-усадьба Льва Толстого «Ясная Поляна».

16 июня — 205 лет назад (1816) после вечера с рассказами о призраках, проведённого на берегу Женевского озера в компании Гордона Байрона и Перси Биши Шелли, девятнадцатилетней Мэри Шелли приснился кошмар, который лёг в основу её романа «Франкенштейн, или Современный Прометей».

17 июня — 145 лет назад (1876) министерство внутренних дел Российской империи запретило печатать учебные и научно-популярные книги на украинском языке.

40 лет назад (1981) в Москве начался суд над Виктором Браиловским, одним из ведущих еврейских активистов. Он обвиняется в изготовлении самиздатского журнала «Евреи в СССР» и подписании коллективных писем президенту США Картеру.

19 июня — 20 лет назад (2001) вышел роман Нила Геймана «Американские боги».

24 июня — 90 лет назад (1931) в «Правде» напечатана статья Максима Горького «Об антисемитах».

Конкурсы

Всероссийский литературный конкурс «Жемчужное ожерелье»

Актуально до 1 мая

Могут участвовать все желающие в возрасте до 35 лет.

Номинации:

- проза;
- поэзия;
- эссе (публицистика).

Тематика поэзии и прозы: «Моя малая родина», «Это жизнь!». Эссе: «Перечитывая Н. Лескова», «Перечитывая Л. Андреева». Принимаются оригинальные работы на русском языке. Для лауреатов конкурса предусмотрены грамоты, гран-при — сертификат на издание книги.

Подробности: soyuznitsateley57.pf/zurnal/oz1.pdf

Литературная премия «Юность» им. В. Катаева

Актуально до 1 мая

Могут участвовать все желающие. Принимаются только произведения, официально опубликованные в течение 2020 года (премиальный сезон). Объём — до 30 000 знаков. Каждый автор может выдвинуть не более одного рассказа.

Призовой фонд премии составляет 300 000 рублей.

Подробности: kataevprize.ru/polozhenie-o-premii

Конкурс «ФР#ФРАЗЕОЛОГИЯ»

Актуально до 16 мая

Могут участвовать все желающие.

Конкурсантам предлагается подобрать русские аналоги к финским фразеологизмам, представленным на сайте организаторов, и написать стихотворение. Объём работы — не более двенадцати строк.

Подробности: www.plahu.fi/wp/ru/фрфразеология

III Всероссийский литературный конкурс «Огни золотые»

Актуально до 1 июня

Могут участвовать все желающие старше 18 лет.

Принимаются рассказы, очерки, стихи, песни, раскрывающие тему детства в одной из двух номинаций: «Произведения о детях», «Произведения для детей».

Работы лауреатов будут опубликованы в альманахе.

Подробности: rsp-souz.ru/konkursy/591-ogni-zolotye-2020-21.html

Конкурс на соискание премии Игоря Шевчука «Лёгкое перо»

Актуально до 1 июня

Могут участвовать все желающие старше 18 лет.

Принимаются поэтические произведения для детей младшего школьного возраста. Предпочтение отдаётся игровым стихотворениям, в которых присутствует словесная игра, игра со смыслами слов, а во главу произведения поставлена сюжетность.

Общий призовой фонд в размере 600 000 руб. разделят между собой авторы, занявшие первые три места.

Подробности: www.codiv.ru/index.php/konkurs-legkoepero

Литературный конкурс «О России с любовью»

Актуально до 30 июня

Могут участвовать пишущие на русском языке авторы, проживающие **вне** Российской Федерации.

Принимаются произведения в любых жанрах, связанные с Россией или с людьми, которые проживают на её территории. Каждый конкурсант может предложить два стихотворения в номинации «Поэзия», рассказ или повесть объёмом не более двух авторских листов в номинации «Проза», пьесу объёмом не более четырёх авторских листов в номинации «Драматургия».

Награждение победителей состоится во время проведения трёхдневного фестиваля в Праге.

Подробности: rossia.love/f.html

Мифы в жизни, творчестве и философии Татьяны Турбиной

Давным-давно в распоряжении человечества не было техники, с помощью которой оно могло исследовать мир. Знания о вселенной были малы, разрозненны и ничем не подтверждались. Но то, что люди были не способны объяснить с точки зрения логики, они трактовали, прибегая к богатой фантазии. Так родились мифы и легенды, которые перекликаются у разных народов. Через истории, которые мы сегодня привыкли воспринимать как сказки, наши далёкие предки делились своими знаниями, верованиями, мечтами с буду-

щими поколениями. В них скрыта космология мира, загадочного и непонятного, но яркого, красочного, неповторимого. Они полны философии бытия и психологии личности, которая не так уж сильно изменилась за все минувшие столетия.

Спустя тысячи лет люди, некогда восторженные, наивные, эмоциональные и ищущие истину, стали рационалистами, скептиками и циниками. Они больше не верят в богов ни на небе, ни на Земле. Но всегда есть те, кто хоть ненадолго, но хотел бы вырваться из оков технократии и расширить границы восприятия действительности. Такова писательница Татьяна Турбина, выпустившая сборник поэм «Ба! Рельефы!». Пресс-службу издательства «Союз писателей» заинтересовало, откуда пришла идея создания книги и какое значение мифы играют в жизни, творчестве и философии автора.

— Татьяна, давайте перенесёмся во вселенную мифов и легенд и поговорим о Вашей книге «Ба рельефы!» Как родилась идея написания поэм?

— Мы никогда не знаем, как во времени отзовётся, казалось бы, неожиданное знакомство. В 2016 году на фестивале фантастики «РОСКон-2016» я познакомилась с писателем Надеждой Колышкиной, человеком ярким и высокообразованным. Наше короткое знакомство (мы жили в одном номере в течение трёх дней) переросло в дружбу. Надежда в далёких двухтысячных работала редактором в издательстве «Прогресс». В настоящее время она автор серии книг, которая вот уже несколько лет

выходит в издательстве «Международные отношения» и называется «Споры богов». В настоящее время серия состоит из десяти книг, которые есть на сайтах «ЛитРес» и «Читай-город». Во время ковидных «выходных» Надежда успела написать три пьесы на мифологическую тему. В мае в Лондоне будет премьера одной из них — «Туфелька, утерянная по дороге к Концу Времени». Но вернёмся к началу. Конечно я была очарована современным видением далёкого прошлого, которое так замечательно ложится в события настоящего.

— Все могут прочитать Вашу книгу. Но что было вначале? Поделитесь историей созданий Ваших произведений.

— В две тысячи восемнадцатом году Надежда предложила Ирине Анастасиади пригласить меня принять участие в форуме «Визит к музам» в рамках фестиваля «Гомер», темой которого было исследование «По следам аргонатов». Так родились первые три стихотворения, которые стали основой поэмы «Мойры». Ко времени проведения фестиваля в Тбилиси поэма была дописана. Фестиваль интересен своей многогранностью, в нём принимают участие археологи, учёные, художники, писатели, драматурги. Мы посетили пещерный город Уплисцихе, раскопки в Вани, пещеру в Колхиде, музеи в Тбилиси. Прослушали интересные доклады учёных из Греции, Грузии, России и выступления русскоязычных писателей. География участников фестиваля была обширна. США, Россия, Германия, Грузия, Израиль, Азербайджан. Я заняла второе место в фестивале «Гомер».

— Насколько серьёзно Вы увлекаетесь мифологией? Мифы каких стран кажутся Вам наиболее привлекательными? Чем обусловлен выбор?

— Как видно, близкое знакомство с историческими местами глубоко проникает в сердце и подвигает к творчеству. Благодаря таким соприкосновениям мифы уже не кажутся далёкой сказкой — вымысел обретает почву и вызывает желание поиска новых материалов по Древней Элладе. Как и Надежда, я пытаюсь дать современ-

ную трактовку событиям прошлого. В моей библиотеке появилось много литературы, связанной с темой, а так как меня очень интересуют философия и психология, а не только мистика и эзотерика, то я увидела в героях древнегреческих легенд людей, близких нам по духу. Поэма «Мойры» была опубликована в электронном виде на сайте «9 Муз» и в печатном издании альманаха, вышедшем по итогам фестиваля в Грузии.

В 2019 году темой форума «Визит к музам» стал «Лабиринт», благодаря ему я всё глубже погружалась в мифологию.

Раньше в моём творчестве преобладали библейские и евангельские темы, поэмы «Иона» и «Пур» были написаны мной в 2004 году, но и то, из чего вырос монотеизм, не могло оставить меня равнодушным, это и Веды и сказки... Накопленный материал преобразовался.

— За что Вы любите древнегреческие легенды? Повлияло ли знакомство с культурой Эллады на Вашу жизнь?

— Знакомясь с историей Древней Эллады, я осознала старую истину... «Сказка ложь, да в ней намёк — добрым молодцам урок!» Народ Эллады подарил миру одну из величайших культур — труды Гомера, Гесиода, замечательные произведения искусства, скульптуры, архитектуры. Я крымчанка, а в Крыму проживает много этнических греков, легенды Крыма также рассказывают нам о временах, когда этот отважный народ пришёл в наш край, принеся с собой свою культуру...

В 2019 году форум проходил на острове Крит в Ираклионе, где мы посетили пещеру Зевса, Кносский дворец — лабиринт, в котором обитал Минотавр, музей Ираклиона. Мифы преобразовались в поэмы «Синергия» и «Приключения Эллинов». Итогом моих изысканий стала книга, вышедшая в издательстве «Союз писателей», — «Ба! Рельефы!».

Работая над поэмой «Приключения Эллинов», я увидела во сне фриз Пантеона. Когда он приблизился и мраморные фигуры увеличились, герои стали рельефными и, оживая, делали шаг вперёд — ко мне

Фестиваль «РосКон-2019». На фото — авторы Александра Окатова (I место «Премии Белинского»), Татьяна Турбина («Сквайр фантастики и детской литературы — 2019»), Виктория Левина (II место «Премии Белинского») и Марина Линник («Дама фантастики — 2019»)

и рассказывали свои истории. Мистическое видение...

Ещё в школе мне нравились легенды о богах Олимпийцах, их грандиозность, всемогущество и близость к людям.

— Как Вы считаете, кто-то из героев, воспеваемых в Элладе, действительно ходил по Земле или всё это лишь выдумки и суеверия?

— Биографию Тесея нам описывает Плутарх. Тесей с его отвагой, милосердием и бесшабашностью близок мне по духу.

— Доводилось ли Вам читать художественные произведения классиков или современников, основанные на мифах, которые запали в душу? Приведите примеры лучших творческих работ.

— Классики А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов впитали в себя азы этой культуры, в стихах зарубежных авторов встречаются герои мифов Эллады: боги, полубоги, титаны, наяды, кентавры — образы яркие и запоминающиеся. Я понимаю, что обилие незнакомых имён создаёт некоторое неудобство при чтении произведений, хотя в конце книги есть мифологический

словарь, но достаточно заглянуть в Интернет, в Википедию и обогатить себя новыми знаниями, и, поверьте мне — все они станут вам отличными друзьями, лучше, чем покемоны и прочая нечисть.

Более всего меня впечатлила книга Голосовкера Якова Эммануиловича «Сказания о Титанах»; необычно яркий образный язык у автора. Нравится поэма М. Цветаевой «Ариадна».

— А что насчёт кино: видели ли Вы интересные экранизации по теме? Могли бы порекомендовать читателям какие-то из них?

— Неплохо ознакомиться с двенадцатью мультипликационными фильмами о героях Эллады. Очень эффектный фильм «Ясон и аргонавты» 1963 года погрузит зрителя в атмосферу мифа. Неплохо посмотреть более современные фильмы — «Одиссей» 1997 года, «Воины Эллады» 2008 года, «Битва Титанов» 2010 года.

— Как Вы думаете, не случится ли так, что наши сегодняшние знания и представления об устройстве мира через несколько тысячелетий потомки, обла-

дающие новой информацией, назовут мифами и станут изучать в школах? Или, на Ваш взгляд, информация, которой мы обладаем, достаточно точная и правильная, а потому нет шансов, что её оспорят и из области науки переведут в категорию мифов?

— Наше рациональное время такого не дозволит. Старое доброе время хранило устное предание, которое от пересказа к пересказу обрастало новыми красочными подробностями, превращаясь в миф. К великому сожалению, человеку свойственно разрушать сказку своим скептицизмом. Между тем учиться видеть, а не только смотреть — великое искусство.

Увы, мы не обладаем полнотой информации, и поэтому в нашем мире не всё так просто, как кажется. Невидимые и параллельные миры постоянно преподносят сюрпризы человечеству. Это почва для исследования и обсуждения. Например, в 2019 году на фестивале «Роскон» я присутствовала на словесной дуэли Романа Сенчина, главного редактора альманаха «Традиция и Авангард», и современного фантаста Вадима Панова. Обсуждались темы «Почему я пишу фантастику» и «Почему я не пишу фантастику». Разгорелись интересные дебаты, затрагивающие проблемы публикации для современных авторов, взаимоотношения фантастики с различными науками, изучения космического пространства.

А вообще открываются необъятные просторы видения. Поэтому будем учиться смотреть вперёд, накапливая и расширяя потенциал человеческих возможностей в постижении мира.

— **Дайте рекомендации читателям, с чего им начать знакомство с мифологией Эллады? К каким источникам обратиться?**

— Рекомендую «Мифы Древней Греции». Эти народные сказания, пришедшие к нам из далёкой древности, полны поэзии и глубокого смысла. Пересказала для детей

эти мифы русская советская писательница Вера Васильевна Смирнова (1898–1977).

«Мифы Древнего мира» от автора Карла Фридриха Беккера, «Мифы и легенды народов мира. Древняя Греция» в изложении Немировского Александра Иосифовича. «Мифологический словарь» 1986 года, вышедший в издательстве «Просвещение», Москва. Эти книги дают возможность познакомиться с героями мифов.

— **А что насчёт Ваших новых книг? Будут ещё вариации на мифологическую тему?**

— Обязательно! Я готовлю к публикации в издательстве «Союз писателей» книгу в жанре мистики и эзотерики, в ней читатель сможет встретиться с персонажами мифов и легенд.

— **Знакомство с мифами — это как путешествие во времени. Возможно, читатели, познакомившись с Вашими «Ба! Рельефами!», захотят узнать больше и отправятся на поиски информации, которая станет для них порталом в чудесный и загадочный мир, где боги живут среди людей, а герои совершают свои подвиги.**

Екатерина Кузнецова, корреспондент пресс-службы издательства «Союз писателей»
Фото: Тамара Антипина

Правда или её сокрытие?

На что готов человек ради правды... или её сокрытия? Эту тему писатели начали развивать уже на заре появления детективного жанра и даже раньше, делая её орнаментом для литературных произведений в других направлениях. Ирина Кабанова на страницах детектива «Случайная жертва. Книга 1. Смерть в законе» возвела ответ на вопрос на новый уровень. Её история — это смесь психологической составляющей и действия, реализма и романтики.

Ирина Кабанова демонстрирует чёткое знание работы криминалистов, специфической профессиональной терминологии, методик исследования улик и ведения сыскной работы. Это знание помогает ей добиться убедительности там, где непременно провалился бы автор менее сведущий, пытающийся домыслить то, что не потрудился уточнить. Однако текст не перегружен непонятными словами. Он живой, как и люди, которых нарисовала автор на страницах.

Писательница провела чёткую линию между тем, что кажется, и тем, что есть, замесив на этой закваске тесто сюжета. Она создала амбициозную героиню, мечтающую о первом настоящем деле на новом месте, а вместо долгожданной возможности проявить себя столкнулась со смертью знакомого, которую коллеги трактуют как передозировку, самоубийство или случайность. Но она-то знает — здесь скрыто намного больше. На лицо первая дилемма — рискнуть карьерой и попытаться разобраться или пойти на поводу у тех, кто уже всё решил и готов поставить точку в этом инциденте?

Итак, правда или её сокрытие? Чтобы сделать верный выбор, надо иметь смелость. Ирина Кабанова не стала бы писать

целую книгу о слабой личности, идущей на поводу у начальства и опасющейся последствий своих поступков. Начинается расследование. События закручиваются. Сперва этот процесс происходит медленно, затем — всё быстрее. Появляется больше новых персонажей, которые вовлекаются в действие. Уровень опасности нарастает уже не в алгебраической, а в геометрической прогрессии, всплывают старые тайны, криминальный мир отворяет двери, позволяя заглянуть на своё тёмное дно.

Читатели встречают наркоторговцев, ищущих новые каналы сбыта. Они сталкиваются с уголовниками, объявившими вендетту за гибель главаря. Им приходится рисковать, выпрашивать, участвовать в перестрелках, стараться мыслить логически, когда нитей становится слишком много и каждая из них ведёт в своём направлении. Но не совершить ошибку всё равно не получится. Где-то есть подвох. И до последнего слова неясно, где именно. Чувство недосказанности упорно нарастает даже тогда, когда кажется, что это лишено смысла.

Книга Ирины Кабановой — загадка в загадке. Внутри каждой следующей сюжетной петли спрятана новая. Какая станет последней? Не прочитав — не узнать.

Современное материнство.

Автор Наталья Гирлина в ожидании абсолютной любви. Книга «Селфи полнолуния»

Испокон веков основополагающей задачей женщины было рожать. Женственность являлась синонимом материнства. Альтернатив не было. Читая о прошлом, невольно думаешь, что психологические кризисы просто не существовали.

Что теперь? С близкими, психологами, в социальных сетях и литературе можно делиться переживаниями и рассчитывать на полезные советы или жизненные примеры. Одиночество было и есть сейчас, но как здорово, что теперь есть возможность об этом поговорить. Книга Натальи Гирлиной «Селфи полнолуния» легко и откровенно повествует о насыщенной жизни самостоятельной женщины. Понятные и современные иллюстрации комично визуализируют мысли и состояние героини (см. иллюстрацию). Преодоление неизбежных кризисов во время жизненного роста каждого не ленивого человека можно почувствовать в хлестких словах автора. Пристрастия, эгоизм, зависимости и много других актуальных для нашей эпохи вопросов беспрепятственно обсуждаются Натальей, давая возможность читателю взглянуть на внутренний мир современницы и окружающую её действительность.

Находясь на пороге перемен, человек ищет примеры, подсказ-

ки или чувства, схожие с собственными. Они есть на страницах «Селфи полнолуния» — книги, которая будет интересна не только женщинам, но и мужчинам, стремящимся понять своих спутниц и узнать то, о чём они, возможно, молчат. Благодаря таланту писательницы, её тонкому стилю и прекрасному чувству юмора, находящемуся в балансе с реальностью, все проблемы, как объективного, так и субъективного толка, предстают в новом ракурсе и начинают восприниматься разрешимыми.

Книга Натальи — дневник беременной женщины, находящейся под окситациновой пеленой.

Он рассказывает об изменениях её тела и души. События детства, взросления и становления не просто перечисляются, а играючи анализируются в саркастических выводах и заключениях. Период жизни автора, о котором идёт речь на страницах, выпал на карантин 2020 года. Он освободил время для размышлений, учений и возможности посмеяться, в частности, над собой.

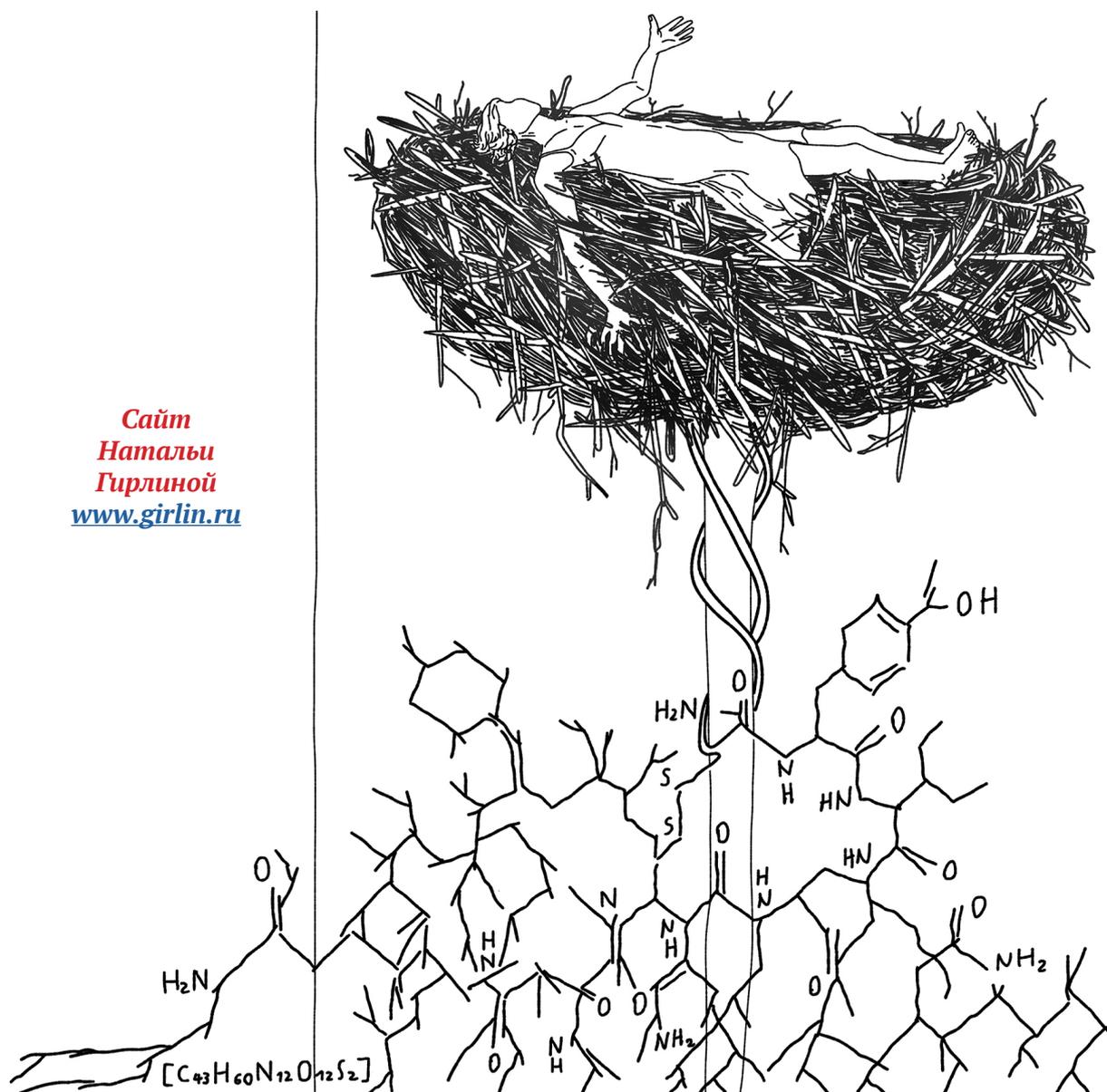
Обзор жизни современной женщины с её радостями и всевозможными ситуациями, попавшими в фокус, трогает за живое, и гармонично увязывается с её сомнения-

ми, страхами и фантазиями. В словах Натальи всё узнаваемо и в то же время неожиданно и интересно. Удивительно спокойно её истории примеряются на себя. Это способствует не только отдыху за чтением, но и анализу собственного «я», будто читатель и есть герой этой книги.

«Селфи полнолуния» — это настольная книга для сильных женщин, которые в момент своей хрупкости нуждаются в оптимизме и в разговоре по душам для исполнения своей основной миссии — дарить любовь.

Екатерина Кузнецова, корреспондент пресс-службы издательства «Союз писателей»

Сайт
Натальи
Гурлиной
www.girlin.ru

Литературные и фольклорные аллюзии в романе В. Гольдмана «Корветы лунных морей»

Книга В. Гольдмана «Корветы лунных морей» вышла в издательстве «Союз писателей» в 2020 году. На данный момент она включает три тома: «Памяти дрейфующие сели», «Студёная рябь времён», «Пламень, пожирающий причалы».

Роман сразу привлекает внимание необычным сюжетом, особым слогом, идейно-композиционным, тематическим своеобразием. В произведении удачно соединились черты романтизма и реализма, что определило его жанр (роман-поэма) и отразилось в названии.

В тексте книги встречается множество аллюзий, которые, безусловно, оценит интеллектуальный читатель.

Аллюзию мы рассматриваем как стилистический приём, который заключается в отсылке на общеизвестный факт, закреплённый в текстовой культуре или в разговорной речи. В данной рецензии мы остановимся лишь на некоторых фольклорных и литературных аллюзиях в романе-поэме, а также выявим их функции.

Традиционно выделяют следующие функции аллюзий: оценочно-характеризующая (оценка и сравнение), окказиональная (воссоздание атмосферы определённой эпохи), текстоструктурирующая (осуществление внутритекстовой связи), предсказательная (позволяет читателю предугадать дальнейшие события).

Обратимся к анализу наиболее важных литературных аллюзий, использованных В. Гольдманом в романе-эпопее.

Прежде всего хочется выделить особый композиционный приём — «скрепы» — повторяющиеся предложения, завершающие

одну главу и начинающие следующую. Например, первая глава первого тома заканчивается строчками: *«Наставал день, и рассветал свет...»*, а вторая глава начинается этими же словами: *«Настаёт день. Рассветает свет. Иисус Христос спускается на землю...»* Эта «перекличка» глав вызывает в памяти читателя известный роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Данный приём позволяет автору провести нить между прошлым и настоящим, выявить их аналогию, повторяемость. Так осуществляется текстоструктурирующая функция аллюзии.

В сюжете произведения тесно переплетаются три временных пласта. Художественное пространство романа, его композиция представляют три мира, находящие отражение один в другом. В. Гольдман сжимает время и пространство, переносит читателя из семнадцатого века в двадцатый, а затем в шестнадцатый и снова в двадцатый; из села Мары на рязанской земле бросает в Москву, из Москвы — в лютеранскую деревню в Германии, затем снова в Москву. Представляется, что и такая композиционная особенность является аллюзией к произведению «Мастер и Маргарита», в котором современные («московские») страницы перемежаются с ершалаимскими. В романе М. Булгакова главным героям дана возможность преодолеть границы времени и пространства, соединить прошлое и настоящее. Точно так же в романе-поэме В. Гольдмана (во второй и особенно в третьей книгах) границы между тремя временными и пространственными пластами стирают-

ся, повествование из семнадцатого века постепенно переходит в восемнадцатый, девятнадцатый и, наконец, в двадцатый век, из села Мары — в Малаховку, на Сахалин и в Москву, из Германии — в Нидерланды, Испанию, Бразилию. Таким образом, роман В. Гольдмана охватывает четыре века и не ограничивается рамками двух государств. Примечательно, что все нити повествования сходятся на образе Гоши. Думается, что в этом случае реализуется предсказательная функция аллюзии, так как читатель стремится связать события, происходящие в разные эпохи с разными людьми, предугадать их развитие.

Фольклорные аллюзии нашли отражение в образе Лорелеи. Этот глубоко поэтический образ воспет в немецких легендах. Прекрасной деве, заманивающей своим пением рыбаков и губящей их в пучине вод, посвящены произведения многих немецких поэтов и писателей: Брентанса, Гейне, Эйхендорфа, Лебена и др.

В. Гольдман раскрыл этот образ по-своему. Лорелея — нежная жена, заботливая мать, страстная, любящая, живущая инстинктами. Ключевой момент повествования, с которого началось превращение еврейской девушки Лоры в Лорелею, — появление сельдяного короля. Образ сельдяного короля получился мистическим — огромная рыба, неизвестно как доплывшая из глубин океана до Рейна, передаёт силу и знания Лорелее: *«Лорелея наклонилась к голове рыбы. Огненно-рыжая копна её волос слилась с королевским плюмажем такого же цвета. Это был прощальный поцелуй Лорелеи с морским драконом, специально приплывшим в пресные воды Рейна, чтобы передать свою несокрушимую силу избраннице»*. Сельдяной король вызывает представления о драконе — фольклорном образе, понятном каждому. Неслучайно также то, что сельдяной король стал единственной пищей для Лоры и ее сына: *«Лорелея ела только эту сочную мякоть, а ребёнок*

с наслаждением сосал её грудь — и оба почти не принимали другой пищи». Сельдяной король, отдавая себя, возрождается в новом облике: «Мы рыбы, рыбы! Мы уже давно не с вами. Мы будем жить столько, сколько захотим, и не состаримся перед смертью. Мы умрём лишь тогда, когда насытимся жаждой погони и потеряем интерес к волнам...» Символом силы является гребень, который ассоциативно связан с плюмажем сельдяного короля: «...В лучах холодного осеннего солнца блеснул гребень на голове русалки, вынырнувшей на зов односельчан. Её волосы, столь же золотые, как и гребень, были аккуратно зачёсаны кверху и уложены в огромный пучок. Гребень сиял на нём, как корона на голове Сельдяного короля». Можно убедиться, что в образе Лорелеи ярко проявляется оценочно-характеризующая функция аллюзии.

Необыкновенно сочен язык повествования, который также можно рассматривать как аллюзию — отсылку читателя к определённой эпохе. Например, удачно передан стиль семнадцатого века: «*Марей как-то спросил у Полоцкого:*

— *Отче, чего ради Библию и Рим древний на вирши перекладаешь?*

— *Того ради, — отвечал иеромонах, — да присвойственною себе сладостию сердцам читателей приятнейши суци.*

И добавил:

— *Аки нуждею влекут я ко читанью частейшему и удобнее памятью содержаться могут».*

Для сравнения приведём пример фрагмента, в котором повествование переносится в начало двадцатого века: «*Семён взял бумагу, бережно свернул вчетверо и положил в карман галифе:*

— *А не дознаемся?.. Филареткин — кремень. Георгиевский кавалер. Всю империалистическую прошёл. В ревтрибунале сам знаешь, что делал. Язык за зубами держать сумеет».*

Аллюзии в данном случае отсылают читателя к эпохе, в которую происходит действие, и показывают бережную работу писателя со словом. В этом проявляется окказиональная функция (воссоздание атмосферы определённой эпохи).

Таким образом, литературные и фольклорные аллюзии в романе-эпопее В. Гольдмана «Корветы лунных морей» являются важным стилистическим и выразительным средством. Они вызывают эмоциональное и интеллектуальное удовлетворение читателя от узнавания образов, мотивов, языковых конструкций, помогают лучше понять чувства героев и отношение автора к ним. Аллюзии вводят читателя в атмосферу определённой эпохи и используются для усиления эмоциональности, образности и связности текста.

Л. А. Калинина, канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко»

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

с Ларисой Агафоновой

Олимпийское спокойствие, или Вы готовы стартовать?

Вы уверены, что вас никто не ждёт на литературной арене?

Вы устали надеяться, что читатель постучится к вам в дверь / найдёт именно вашу страницу в социальной сети / из сотен книг отыщет вашу новенькую книгу в книжном магазине?

Вам кажется, что все места в современной литературе давно заняты маститыми и именитыми поэтами и прозаиками?

А что если вы заблуждаетесь?

Вы ведь знаете, что спортсмены готовятся к олимпийским играм четыре года. И они абсолютно не уверены, что в сложных соревнованиях станут первыми, вторыми или даже третьими на лыжной трассе, на велотреке или на дорожке в бассейне. И всё равно идут к своей цели.

Потому что знают свою цель в лицо.

- ◆ А вы знаете, чего хотите?
- ◆ Уверены, что выбрали творческий путь неслучайно?
- ◆ Вам есть, чем поделиться с другими?
- ◆ Вы порой видите себя во сне, раздающим автографы восторженным читателям, но никому об этом не говорите?

**Мифами земля полнится.
И творческая — тоже. Но ведь мифы
на то и мифы, чтобы их развеивать.
Готовы? Приступаем!**

**Лариса Агафонова —
кандидат психологических наук,
доцент, практикующий психолог, коуч**

Миф 1. Я затеряюсь среди других талантливых людей.

Зайдите в социальные сети, а если вы оттуда не выходили, то просто оглянитесь и присмотритесь. Что вы видите?

- Много способных (или не очень) людей, пишущих и прозу, и стихи, и даже сказки.
- Хвалебные отзывы/отклики/комментарии, порой исчисляемые сотнями, под небольшими чужими четверостишиями или небольшими зарисовками.
- Сотни подписчиков у других авторов.

Только не вздумайте впасть в отчаяние с возгласом: «Куда мне до этих активных пользователей социальных сетей! Уступлю другим доро-

гу!» Далеко не каждый окажется впереди вас в творческой эстафете.

Ведь кто доходит до финиша? Только тот, кто не останавливается, не отвлекается, не распыляется по пустякам и не опускает руки. И таких единицы.

Миф 2. Места́ на творческом пьедестале заняты.

Вы смотрели олимпийские игры? А чемпионаты мира? А городские соревнования? Очень часто тройка победителей меняется. Так почему бы и вам не стать следующим претендентом на золотую/серебряную/бронзовую творческую медаль?

- Творческий пьедестал уникален тем, что количество призовых мест может быть намного больше, чем привычные нам три. Хотите проверить? Действуйте!

Миф 3. Чужие творческие успехи затмевают мои собственные.

А это точно успехи? А какое отношение они имеют к вам?

Каждый день вы так или иначе будете сталкиваться в творческой среде с теми, кто в данный момент выиграл конкурс, издал новую книгу, получил грамоту или сертификат. Но это только их жизнь и их победы.

- Перестаньте сравнивать себя с другими, с завистью (белой, конечно) высчитывая количество комментариев и лайков под чужими литературными шедеврами. При сравнении своих успехов с чужими (настоящими или мнимыми) у нас падает самооценка и появляются явные признаки неуверенности в себе.

- Не спешите критиковать себя. Это обязательно сделают другие. Ваша задача — быть своим другом, а не злобным критиком.

- Помните, что каждый автор, равно как и каждый человек, уникален. Никто и никогда не напишет того, что можете создать вы. Пора начинать!

Миф 4. Мой первый литературный блин (рассказ, стихотворение или конкурс) оказался комом.

Вы постоянно оглядываетесь назад, на собственные промахи и неудачи и думаете, что второй попытки не будет. Будет, и вторая, и третья, и даже двадцать третья.

- Сколько строчек/строф/авторских листов вы написали за последнюю неделю/месяц/квартал? Талант — это, конечно, замечательно, но ведь и трудолюбие никто не отменял.

- Что вы сделали, чтобы ваше творчество увидели, услышали, оценили? Этого достаточно? Уверены? Возможно, именно сейчас время опубликовать свежий пост с новым рассказом или стихотворением.

У каждого из нас свои опасения, сомнения и тревоги. Поделитесь своими тревожными мыслями в комментариях к журналу в социальных сетях. И среди ваших творческих друзей обязательно найдётся тот, с кем можно обменяться опытом, кто развеет ваши опасения и поможет посмотреть на ситуацию с другой стороны.

Друзья! Смотрите вперёд и сохраняйте олимпийское спокойствие! И пусть вашей наградой станет признание благодарных читателей.

Арсен Геворгян

Одинцово,
Московская обл.

Севак и Нурия

*Когда любишь, то в своих
рассуждениях об этой любви
нужно исходить от высшего,
от более важного, чем счастье или
несчастье, грех или добродетель
в их ходячем смысле, или не нужно
рассуждать вовсе.*

Антон Павлович Чехов

Помню, на лекции у Нуретдина Имановича Батурова мы обсуждали, что, с продюсерской точки зрения, будет интересно тюркским народам. Какова будет новая уникальная тюркская история, не идентичная классическому «Манасу» или Айтматовской «Джамиле»? Таков был поставленный мастером вопрос. Конечно, это не совсем тюркская история, а скорее, очерк о большой любви и большом горе, которое доказывает, что добро побеждает не всегда в суровой реальности.

Разные, противоречивые миры, разные боги и взгляды на жизнь, но сердца, бьющиеся в унисон. Мир Севака и мир Нурии. Однако бесчеловечная жестокость способна разрушить счастье как в браке, так даже и в раю. Но, в отличие от других планет, мир Севака смог преодолеть безмерную катастрофу и психическую боль. Видимо, Божественная сила не покидала его мир. Другая же планета, кажется, была закована в оковы Хроноса навсегда, но, высвободив

мистическую энергетику, награждая Севака безграничным творчеством и бесслёзным горем...

Печаль охватила душу Севака. Ведь известно, что сама печаль, как ребёнок из младенца, растёт больше по уходу. Это настоящая история любви, вдохновлённая реальными событиями. Наверное, знаменитый советско-армянский режиссёр Сергей Параджанов и представить себе не мог, что его первая любовь — татарская девушка Нигяр, станет цветком вдохновения в написании рассказа о «пронзительной истории любви», не подобной любви между Узбек-Ханом и Тайгудлы-Хатун.

— Запустите к просмотру «Сердце Сильвиу».

— Но ведь мы планировали посмотреть рабочую версию «О странствиях Вакулы», и к тому же «Сердце Сильвиу» было снято три года назад, надо потрошить архив, — с улыбкой сказал ассистент Владимир.

— Иногда бывает, чтобы осознать суть и анатомию нового, нужно пересмотреть хорошее старое. Найди, Володя, — убедительно попросил его режиссёр

— Ну хорошо, — ответил ассистент.

Молодой режиссёр Севак Саркисов уже работал в студии «Киев-фильм» третий год. И хотя к запуску готовился его новый фильм по мотивам гоголевских рассказов, душа просто болела от недостатка того света, который он воплотил в фильме «Сердце Сильвиу». Как глоток свежего воздуха и, не побоюсь выразиться, морфий для морфиниста, нужны были эти визуальные сцены прекрасной и чистой любви для его сердца.

Неожиданно к Саркисову подошла девушка с обаятельной восточной внешностью. В её лице хватало всего: и печали, и любви, и тоски. Севак уже хотел протянуть ей руку и сказать пару слов, как вдруг тишину нарушил мужской голос:

— Нашёл!

— Ох, Володя, быстро так, а я уже заснул, вовремя меня разбудили, ну давай мотор, — взбодрившись, ответил режиссёр.

И вот плёнка пошла. Точнее, две плёнки, одну из которых Севак Сергеевич крутил в своём уме, коматозно, направляя свой взор на экран, но сконцентрировавшись на недрах своего разума.

Разум Саркисова словно прошёл через экран в иное измерение. И вот в этом измерении стоит юноша посреди потока людей настоящего торгового квартала Москвы. Уже в третий раз он приходит в ГУМ, где проводит своё свободное от учёбы время. Несколько часов прогулки по одному из самых символических мест города отнюдь не способ, чтобы снять стресс или помедитировать в потоке горожан. Наоборот, юноша со сжимающимся сердцем внутри оказался очарован красотой молодой продавщицы в бутике парфюмерии ГУМа. Но как с ней познакомиться, как признаться, что нравится? А ведь она даже его не знает. Согласится ли пойти на прогулку с незнакомым встречным из приморского городка Батуми? «Но кто не рискует, тот не пьёт шампанское», — подумал юноша и пошёл в ближний бой.

— Здравствуйте, а знаете, что меня интересует? — с улыбкой сказал девушке парень.

— Могу догадаться, — легко и позитивно ответила девушка.

— Я знаю, что может быть прекраснейшей вашей парфюмерии.

— И что же?

— Непревзойдённая женская восточная красота.

— И где же она?

— А прямо передо мной.

— Вот как!

— Позвольте представиться, меня зовут Севак Саркисов, я студент ВГИКа. Вы необычайно красивы. Позвольте вас проводить до дома, если вы не против.

— Я вас запомнила, вы уже три дня наблюдаете за этой красотой, рабочий день уже закончен. Даю своё согласие, — так же легко и с позитивом сказал девушка.

И вот они вышли из ГУМа и пошли на Красную площадь. Девушку звали Нурия.

Она была татаркой по отцу, а по матери имела молдавско-гагаузские корни. Родом они были из Кишинёва; с очень консервативной ментальностью и строго идущие по национальным канонам, они были простыми пролетариями. А Севак был чистокровным армянином. Родился в Батуми в семье выходцев из западной Армении, из города Карса, спасшихся во время геноцида армян в 1915 года. Ныне его родители жили в Тбилиси. Работали ювелирами. Национальные традиции были крепки в их семье, но отец, Сергей Львович Саркисов, хотел, чтобы сын был счастлив, и отпустил его, хотя клял почти всю жизнь его за то, что он не стал ювелиром и не продолжил дело семьи.

Во время прогулки они рассказали друг другу свои истории и поняли, что у них есть много общего.

— Хотела бы я, чтобы мои родители так же отпустили меня, как вас ваши. Хотелось бы жить своей жизнью, не отворачиваясь от родителей, но и не быть у них в подчинении.

— Никто не говорит, что нужно от них отворачиваться, просто зачем такая патриархальность в наше время? Крайности никогда не приводят к хорошему.

— Думаю, вы правы, а что, по-вашему, главное в человеке?

— Чтобы он был человеком для человека, я полагаю, чтобы просто шли рука об руку вместе и думали, исходя из Высшего!

— Пожалуй, да. Хочется просто жить.

Севак довёл её до дома, где она жила в коммунальной квартире. На прощание Севак погладил кисть её руки. Взаимная улыбка, как лучина утреннего солнца, прошла в унисон одного сердца на двоих. «До встречи!» — сказали они друг другу и попрощались. Так их встречи продолжались в последующее время. Они полюбили друг друга. Севак читал Нурии стихи Пушкина, Лермонтова. В домашней обстановке ставил спектакли, где исполнял роли сильных мужских персонажей и героев-романти-

ков. Позже она переехала к нему в общежитие ВГИКа. Жили они вдвоём.

Всё хорошо бы, если бы не родители. Ни родители парня, ни девушки не были в курсе отношений. А у Нурии была очень тяжёлая ситуация. Семья, для которой было важно лишь выдать её замуж, причём, по этнонациональным традициям, уже заплатили калым за неё готовому жениху — капитану Советской армии Равилу Валлиулину. А Севак не был в курсе этого. Нурия не любила Валлиулина, но боялась, что Сево из-за своей порядочности будет очень расстроен, узнав это, и бросит её.

И вот в один день случилось то, чего не ожидал никто из них.

Был летний вечер. Севак работал со сценарием своей дипломной работы, в которой хотел задействовать и Нурию. Неожиданно дверь в их комнате выбили и послышались тяжёлые шаги. Сево увидел перед собой двух молодых людей, одетых в стиле уличных авторитетов 60-х годов.

— Я Айрат, а это Вахид, мы братья Нурии.

— А зачем дверь выбивать, что это за бесцеремонное вторжение?

— А за тем, что ты, несчастный кинорежиссёришка, увёл уже помолвленную девушку!

— Что вам надо?

— Ну раз уж на то пошло и хочешь жить с ней, то плати нам выкуп за неё. Заплатишь выкуп в размере 10 тысяч советских рублей, считай, что про вас мы забыли.

— Что за глупости? Во-первых, это слишком много, во-вторых, какой ещё выкуп, на дворе 20-й век и советская власть!

— Слушай ты, пацанчик! Если не хочешь проблем, то делай, как сказали. Не выпладишь, пожалеешь очень сильно! Усёк?! — грозно сказал Айрат, схватив Севака за лацкан пиджака.

Молодой человек пригрозил Севаку, показав ему финку. Севак понял, что не до шуток. Айрат и Вахид ушли.

Позже пришла Нурия. И крайне насторожилась, увидев подавленного Севака.

— Что случилось?

— Твои братья приходили, почему ты мне ничего не рассказала?

— Сева, — так называла его Нурия, — я не могу жить так, как они хотят, я не хочу быть чьей-то собственностью. Я не любила и не люблю того человека, с которым меня заставили пойти на помолвку. Но теперь ты всё знаешь, что же теперь мне будет?! — заплакала Нурия

— Ничего не будет. Мы пойдём и распишемся в загсе. Назло им. Я дам и калым, и они не заберут тебя!

— Ты не знаешь их, они могут причинить тебе вред, а то и хуже.

— Ничего не будет, а будет фильм, в котором ты снимешься, — сказал Севак и обнял свою любимую.

Так и вышло. Они поженились, но калым не получилось выплатить. Отец Севака просто наотрез отказался помочь сыну, хотя, в отличие от родителей Нурии, не поставил клеймо на него.

Время шло к съёмкам дипломного фильма. Севак отснял часть фильма, и всё приблизилось к сцене, где должна была играть Нурия. На студии ждали её.

— Ну где же она? — трепетно повторял Севак.

— Севак Сергеевич, это вам, — подошёл ассистент и вручил ему какую-то записку.

За одно мгновение молодому режиссёру перекрыло дыхание. «Нурия погибла» — было написано на мятом листе. Её тело было найдено на одицовской станции электричек. Кто-то толкнул бедную девушку под поезд...

Сергей не мог прийти в себя долго. Смерть Нурии перечеркнула многое. Севак был уверен, что это дело рук её братьев с одобрения их отца, проклявшего свою дочь навек.

Однако прямых улик об их виновности не было, и возбудить уголовное дело не получилось. Дипломный фильм пришлось снимать без Нурии. Отсняв его и закончив режиссуру во ВГИКе, Севак

сошёл с ума и попал в московскую психиатрическую клинику № 1. В течение полугода он всё время видел Нурию перед собой, пытался поговорить с ней, но она тут же исчезала...

После лечения Севак получил предложение из Киева и стал режиссёром киевской киностудии.

— Ну вот, конец фильма. Позвольте включить рабочую версию?

— Нет, давайте завтра.

Севак и Владимир закончили просмотр. Закончился фильм на том, что молодой бессарабский музыкант Сильвиу сидит в поле, играет на своей алеуте и вспоминает о том, как он пытался бороться за справедливость в отношении него и его друзей, которые хотели открыть школу лаутаров в своём родном городе, но не смогли и так остались бродячими музыкантами. Володя

ушёл, а Севак сидел в проектной зале ещё некоторое время. Тут ему снова явилась Нурия. Своими выразительными, излучающими вечную доброту глазами она давала ему понять, что она с ним. «Мне так много надо сказать тебе», — произнёс медленно Севак.

Нурия, как обычно, не ответила ничего. Изнурённый недрами своего сознания, режиссёр хотел притронуться к ней, но она снова исчезла. Севак собрался с мыслями о Нурии. Эти мысли будут с ним всю его жизнь и приведут ко многому: потерям, счастью, триумфу. Но это уже другая история.

Страница автора
vk.com/id578574677

По ту сторону реальности

Серия сборников мистики и фантастики

Каждому человеку интересно ощутить себя за гранью этого мира, и мы предлагаем вам открыть портал в мир, который создавали для вас более тридцати авторов. Добро пожаловать за грань вашего сознания, в мир, наполненный мистическим духом и фантастическими технологиями! Позвольте своему разуму окунуться в атмосферу, далёкую от привычной. Пусть каждая страница этого сборника впитает в себя ваши эмоции и переживания. И поверьте: читая этот сборник, вы сможете ощутить себя «по ту сторону реальности».

Твёрдый переплёт

От 208 до 292 страниц

Виталий Гольдман

Москва

Отрывок из романа «Корветы лунных морей»

Том 2
Студёная рябь времён

Глава 6
Предыстория Лорелей. Свадьба

— Это и есть шафран, — пробубнил себе под нос пастор Йордан, вдыхая аромат экзотического зелья, привезённого папашей Баррухом с городского базара для приправы кусков Сельдяного короля. — Крокус. Так, кажется, по-латыни прозвали эту пряность испанцы?.. Ну, им видней... Они любую гадость к нам в Германию тащат, благо кораблей настроили, чтоб заморские страны грабить...

После венчания народ валом валил из кирхи, направляясь к усадьбе пастора. Пастор, фрау Анна и братья Йорданы поспешили вперёд, чтоб встретить гостей. Каждому из них было отведено за столом во дворе определённое место. Невесту и жениха усадили между родителями Йорданами и сватами Баррухом и Хавой. Родня и городские гости произносили недлинные поздравления, но первым сказал своё слово пастор Йордан, отец семейства со стороны жениха. Папаша Баррух рад был не высываться со своим «красноречием» перед гостями, и этому никто не стал препятствовать. Хватало других ораторов, которые желали молодым долго жить, рожать здоровых детей, трудиться, чтоб было богатство в доме, почитать родителей, жить одной семьёй с братьями и сёстрами, вместе со всеми односельчанами переносить горе и радости. Так желали всем и во все

времена добрые родственники и односельчане. В промежутках между пожеланиями дружно пили и ели, постепенно хмелея. Разговоры и шум за столом становились неуправляемыми.

За дело принялись музыканты. Молодёжь, да и пожилые, кто покрепче, принялись танцевать. Озорно и в то же время немного манерно среди общего веселья, застольной бражности и парохватостости, когда неизвестно, кого за какое место ухватишь и окажется ли это место мягким. Народные танцы как-то этому не мешали. Сами собой складывались пары, которые, оттанцевавшись, старались и за столом держаться вместе. А вместе не получалось, и занимали чужие места, нарушая установленный хозяевами порядок. Но никто уже не обращал на это внимания.

Праздником овладевал тот настрой неразберихи и стихийного застолья, который один и являлся вождёленной целью гостей, знавших, как абы выпить вдурку, поговорить, облобызаться с тем, кто тебе противен, поклясться ему в вечной дружбе и любви, а потом харкнуть в мерзостойкую морду, ухватить первый попавшийся под руку табурет и шарахнуть им по голове так, чтобы от новоиспечённого друга мокрого места не осталось.

«Живоначально ведёте себя, товарищи!» — подумал пастор Йордан, предвидя исторически скорое появление на свет некоего семинариста Джугашвили.

А Лорелея в это время шепнула на ухо сидящему рядом Людвигу:

— Вот смотрю я на танцующие парочки и всегда выбираю, какие бы я хотела себе ножки. Думаю, что мне бы подошли вот как у этой танцовщицы...

В разгар веселья к усадьбе пастора подкатила крытая повозка. Отец Йордан вышел за ворота узнать, что нужно приехавшим. Он пробыл за воротами недолго и возвратился улыбающийся, с тяжёлой ношей, завёрнутой в парусину. На землю со свёртка капал тёмный сок. Подвыпившие гости не обратили на пастора должного

внимания. Ну ходил и ходил к каким-то визитёрам ненадолго. Наверное, подарок привезли. Вот хозяин и доволен.

А Лорелея не сводила со свёкра глаз. Было видно, что ей овладело беспокойство. Пастор прошёл к кухонной постройке, аршинно переставляя ноги под чёрной сутаной. Лорелея поднялась из-за стола и сомнамбулически проследовала за пастором. У порога кухни она чуть замедлила шаг, оглянулась на гостей во дворе и, коротко взвизгнув, опустилась на колени, обхватив руками живот. Людвиг кинулся к Лорелее, поняв, что преждевременно начинаются роды, и перенёс её на кухню, где уже находился пастор.

Музыка и танцы не сразу прекратились во дворе. Гостям стало неловко лишь тогда, когда они поняли, что невеста с женихом удалились по непонятной для них причине. Они молча взирали на распахнутую дверь кухни, откуда вскоре появился пастор с засученными по локоть рукавами.

Он нёс огромную иссиня-чёрную рыбу, чешуя которой вспыхивала на солнце радужным алмазным сиянием сотен крупных кристаллов соли. Рыба была ещё живая. Она уставилась ледяными глазами на гостей и булькнула, широко разинув зубастую пасть:

— Ludwig... Ludwig der Kleine ...

Гости с ужасом поняли, что это рыба так представилась им, а пастор подумал, что она назвала имя рождающегося на кухне ребёнка.

Сутана пастора была мокрой спереди до колен, и вид отца Йордана напоминал восставшего из пучины моря утопленника. Мимо кухни пробежала серенькая пасторская кошка. Она остановилась, почуяв желанный её обонянию рыбий запах, усеялась, опершись задними лапами и хвостом о землю, правой передней лапкой военным образом охватила голову, как бы отдавая честь, и удивлённо мяукнула:

— Mamanja!

Корветы лунных морей. Том 1. Памяти дрейфующие сели

Роман-поэма

17-й век. Россия. Мирные трудовые будни села Петрово. Учёный казак Марей вернулся с царской службы домой... Германия. Размеренный быт лютеранской деревни. Красивая история любви Лорелеи и Людвига Йордана... 20-й век. Москва. Интеллектуальная жизнь столицы: Рождественский, Вознесенский, Евтушенко... Педагоги и участники ансамбля Локтева... И — судьба главного героя Гоши. Времена, события, люди оказались тесно переплетёнными на страницах первой части романа-поэмы Виталия Гольдмана «Корветы лунных морей». Книга насыщена литературными и историческими аллюзиями, она открывает поразительно незнакомый знакомый мир.

Каждый читатель найдёт страницы, которые отзовутся в сердце ностальгическими воспоминаниями, но особенно интересна будет книга интеллектуальному читателю.

Алёна Иванова

Озёрск, Челябинская обл.

Фантазия

Снаружи истошно страшно:
Лом копий и бой посуды,
Шквал брани на поле брани
Заклятых родных корон.
Малютка-принцесса в башне
Отчаянно верит в чудо:
Не впустит беду охранник,
Привратник её дракон.

Пусть накрепко ставни-веки,
Пусть наглухо двери-уши,
Лукавы язык и гаджет,
А искренний зов смешон —
Девчушка-принцесса метки
Находит среди звёзд-жемчужин
И знает: ответ подскажет
Советник её дракон.

Вдали где-то рыцарь стонет
Фальшивой шарманкой дольче¹.
От страха и от упрёков
Скорей на свободу, вон.
Девушка-принцесса помнит:
Есть чувство сильнее и долше.
Летит над землёй пороков
Любимый её дракон.

Мощнее проклятий ведьмы,
Прочнее дубины тролля
Воздушные стены замка,
Песчаный его донжон².
Сеньора-принцесса бледным
Надеждам дарует волю.
Их проблеск вознёс из мрака
Хранитель её дракон.

Наряды не в духе моды,
Наив не в струю кошмарен...
Узрит бриллиант за стражом
Лишь мастер в роду людском.
Чудачка идёт сквозь годы,
А рядом — причудник-парень.
Косит на неё он глазом
С драконьим прямым зрачком.

¹ Дольче — нежно (о характере исполнения музыкального произведения).

² Донжон — главная башня средневекового замка, стоявшая отдельно, в самом недоступном месте, и служившая убежищем при нападении врага.

Два лика Луны

Леди Луна в зачарованном замке небес
Правит полуночный бал-маскарад самовластно.
Маска двулика будит живой интерес.
Видимый облик, обратный... А сущность опасна.

Граф и виконт — кавалеры лукавой Луны —
Поздних гостей приветчают радушно в воротах.
Сладок соблазн: все невзгоды забыв у стены,
Вечное счастье вкусить в пламенеющих сводах.

Светлый и тёмный — два лика Луны:
Разны по виду, по сути равны.

Стройный блондин. Полнолуние. Пылкий виконт.
Томный любимец Луны, утончённый романтик
С первого взгляда пленяет прогневший бомонд.
Молкнет пред шармом его убеждённый догматик.

Он — беспощадный правитель кошмарного сна.
Маревый свет бледных сумерек ластится к шее.
Вспышка — и меркнет. О, ложная нежность точна!
Маска страшна. Слабоволие в чём-то страшнее...

Светлый и тёмный — два лика Луны:
Разны по виду, по сути равны.

Статный брюнет. Новолуние. Чувственный граф.
Трепет Луны, горделиво идущий сквозь тени.
Чуткий провидец, изведавший бездну, он прав.
Манит задумчивый профиль во мраке владений.

Он — беспощадный правитель, кошмар наяву.
Стало кровавым затмение, плащ багрянеет.
Ложной галантности чары — лишь дань естеству.
Маска страшна. Легкомыслие в чём-то страшнее...

Светлый и тёмный — два лика Луны:
Разны по виду, по сути равны.

Граф и виконт словно древний двуглавый дракон:
Сумрак едва на юнца опускает завесу,
Дева уходит во мрак. Нерушимый закон.
Что же, их гости — не-рыцари и не-принцессы.

Зависть, интриги — иллюзия. Сын и отец
Оба сильны, но едины. Рассвет не проснётся.
Снова к не-мёртвым в ворота стучится пришлец
В зимнем подлунном краю, где забыли о солнце.

Бумажный журавлик

В рассветном просторе, что луч золотит,
Бумажный журавлик над жизнью летит.
Несёт он в подарок, от сердца рождён,
Восточную мудрость из древних времён:

Послание радости — близкой, простой,
Способной поднять над мирской суетой
И вызвать улыбку совсем нехитро,
Являя незыблемость веры в добро.

Послание мира в душе и судьбе —
Залога побед в ежедневной борьбе,
Цветением сакуры пышущих лет
И сил самурайских, чья истина — свет;

Он символ надежды-всему-вопреки.
Скитальца стремнины житейской реки
Бумажный журавлик укроет крылом,
Излечит целебным сердечным теплом.

Послание лёгкости дерзкой мечты —
Затейницы-музы творцов красоты,
Зовущей с собой вдохновенный талант
К вершине, где вспыхнет его бриллиант;

Из солнца ладони, от пальцев-лучей
Струится напутствием ясный ручей.
Неся безмятежного счастья хрусталь,
Журавлик летит в озарённую даль.

Героям забытых легенд

Мой голос, к героям забытых легенд
Лети сквозь туманы времён!
Сожги, вольный стих мой, забвения тлен
Живительным ярим огнём.
Пролей же на летопись истины свет!
Разбей, словно цепи оков,
Невежд и завистников чёрный навет —
Величья извечных врагов.
Героев не стубит молчанье глупцов:
Поёт о вас верный филид¹.
Пусть гордая песнь о деяньях отцов
Отныне в веках зазвучит!
Воспрянет во славе ваш доблестный труд,
Чью цель вероломство разит.
Герои забытых легенд не умрут:
Их память времён воскресит.

¹ *Филиды* — в средневековой ирландской культуре поэты, хранители сакральной и исторической традиции; в сагах изображаются как провидцы, приобщённые к магическому знанию.

Александра Ильина

Санкт-Петербург

Демонизация

Пролог

Хорошо ли вы знаете близкого вам человека? Ваших жену, мужа, родителей или лучшего друга? Знаете ли вы их повадки, чувства, мысли? Можете ли предугадать их действия, эмоции, смену настроений? Предсказуемы ли они для вас?

На все эти вопросы можно твёрдо ответить «нет». Многие могут пытаться с этим поспорить и с пеной у рта доказывать обратное, утверждая, что когда находишься с другим человеком в тесном контакте, то начинаешь его «чувствовать». На самом же деле это, увы! — глубочайшая иллюзия. Нам хочется в это верить и думать, что мы читаем человека, как открытую книгу. Мы говорим кому-то: «Я тебя понимаю», но — нет, мы ни черта не понимаем, а попросту пытаемся спроецировать на себя наши же чувства в той или иной ситуации. Максимум — каждый из нас может только предположить, что чувствует тот или иной человек в разных ситуациях, но на деле же мы имеем достаточно смутные представления об этом.

«То есть — как?» — спросят наиболее упрямые спорщики и приведут аргумент, что, зная повадки, биографию, интересы человека, можно понять, что его расстроит, а что — обрадует. Что ж, так-то почти правильно... Да только вот неправильно! Вдумайтесь: ведь всегда, когда вы подбирали подарок для кого-то, руководствовались в первую очередь своими чувствами и мыслями. Видя подходящую вещь, мы думаем: «Ей/ему бы понравилось!» Да, в этот момент мы анализируем именно интересы и повадки, и, сделав выводы, наш мозг уже рисует нам идеалистические картины счастливого лица получателя подарка. Только вот понравился подарок в самом деле или же — нет... Этого вам напрямую всё равно не скажут. Конечно, из этой ситуации есть один выход — узнать, что человек давно хотел, и преподнести ему эту вещь, тогда радость будет неподдельной. В остальных же случаях всегда возникают вопросы: «Тебе правда нравится? Честно? Я угадал?», и из этих вопросов последний — самый верный. Ведь не будь этой игры в угадку, не было бы никаких сомнений. Ну — что? Вы ещё думаете, что «чувствуете» другого человека?

Чужая душа — потёмки. Если бы это было не так, в мире не существовало бы недопонимания, ссор на почве «попадания под горячую руку», да и в любых отношениях царили бы мир и гармония. Поскольку этого не происходит, сам собой напрашивается тривиальный вывод: мы не знаем близких нам людей и не чувствуем никого, кроме себя (хотя даже с этим иногда возникают проблемы). Да, каждый из нас может угадать, попасть под настроение, сказать подходящую фразу в нужное время, но на этом — всё. Поэтому все эти фразы — «мы знаем друг друга как облупленных», «мы понимаем друг друга с полуслова» и прочие — ничто иное как апофения. Умение придумывать вещи, которых не существует.

К сожалению или к счастью, ни один человек не сможет до конца изучить дру-

гого, проживи они вместе хоть сто лет. А все наши «знания» — не что иное, как коллаборация наших же умозаключений, наблюдений и изучений другого человека. Только и всего. Поверьте мне: я знаю, о чём говорю.

Мы познакомились с моей будущей женой в старшей школе. Она перевелась к нам из другого района, потому что её класс расформировали и ученики были вынуждены дополучать школьное образование, разбредясь кто куда. Кроме того, выбор пал именно на нашу школу из-за переезда её родителей, которым из нашего района было удобней добираться на новую работу.

Наверное, можно подумать, что как только я увидел её, то был сражён наповал её красотой и тут же пронзён стрелой Амура, после чего не находил себе места ни днём ни ночью, а маялся от любви, не в силах ей признаться в своих чувствах. Спешу расстроить: всё было не так. Конечно, она была симпатичной, но совсем не в моём вкусе. Хотя, если уж совсем честно, я поначалу и не обратил на неё никакого внимания.

Я никогда не грезил о высоких и глубоких любовных отношениях и был уверен в том, что от женщин слишком много проблем. Не готов был исполнять чьи-то капризы, кому-то уделять внимание и всё своё свободное время, ведь у меня и без этого было чем заняться. Тем более я не собирался впускать никого в свою жизнь настолько близко, чтобы потом жить с этим человеком до конца своих дней. Короче говоря, в то время я был убеждённым холостяком, и отношения полов меня волновали не больше, чем вашего кота волнует загазованность окружающей среды.

Всё началось на вечеринке в честь дня рождения одноклассника. Его родители услужливо предоставили в наше распоряжение весь дом, а сами укатили подаль-

ше от всей этой предстоящей вакханалии. Не знаю, чем они руководствовались, предполагаю, той мыслью, что восемнадцать лет бывает лишь раз в жизни, но алкоголя в тот вечер было — хоть залейся.

И вот в разгар веселья, будучи уже изрядно подшофе, я и увидел её. Она сидела совсем одна и казалась какой-то потерянной на фоне всеобщего веселья. Видимо, в результате выпитого мой организм почувствовал себя отравленным, и ему срочно потребовалось найти пару — потому что иначе я своё поведение объяснить не могу. Нет, разумеется, я не хотел с ней переспать, но что именно возжелал — ускользает от моего понимания. Итак, я пошёл к ней и прямо сразу включил всё своё обаяние самца. Со своими бесконечными шутками, кривляньями и всяческими прочими стараниями произвести впечатление я выглядел как полноправный член семейства гоминидов. Удивительно, что это не оттолкнуло её. Она смеялась над моими шутками и довольно благожелательно относилась ко всему остальному. Похоже, что я ей даже понравился.

Однако моим паясничествам пришёл конец, когда она объявила, что ей пора домой. Конечно, будучи джентльменом, хотя и весьма сомнительным, я вызвался в провожатые, и мы вместе вышли в вечернюю октябрьскую прохладу. На улице мой разум слегка проветрился, и я стал вести себя куда более сдержанно.

По дороге к её дому мы вели различные, ни к чему не обязывающие разговоры — о школе, о доме, обо мне, о ней и о всяком таком, что можно забывать, повторять, а потом снова забывать. Когда же мы дошли, я с чего-то решил, что кульминацией этого вечера должен стать поцелуй. Довольно странно: ведь раньше я и не задумывался о том, чтобы кого-то поцеловать (я же был убеждённым холостяком, да-да), но и с чего бы вдруг мне это делать? Да и зачем? Я всегда считал, что такие поступки должны нести в себе какой-то вы-

сокий смысл, а не делаться просто потому, что захотелось. Многие могут сказать, что я мёрзну на вершинах своих моральных устоев. Но тут дело не в морали, а в том, что ты не можешь ответить для себя на вопрос: зачем совершать то или иное действие, тем более — направленное на другого человека. В любом случае я тогда решил, что это — самое разумное, что я сделал за тот вечер. Нетрудно также догадаться, что это был мой первый поцелуй. Она не отстранилась, и мы довольно долго стояли и целовались. Напоследок решив, что это — не просто так и мы будем встречаться, мы разошлись по домам.

Собственно, с этого вечера мы и стали парой. Вопреки моим убеждениям, эти отношения не вызывали у меня дискомфорта и не были обузой. Но, несмотря на то, что она мне нравилась, я не был в неё влюблён, хотя наши отношения и дожили до конца школы. Честно признаться, я не дорожил ими в то время. То есть я просто к ней привык, но не чувствовал ничего такого, что люди называют любовью. Нам было комфортно и весело вместе. Но — не более того. Так, во всяком случае, мне казалось до одного события.

Это было летом. Мы только закончили школу и временно отдыхали, чтобы окончательно определиться со своими планами на жизнь. Жарища стояла невыносимая, и мы с моей подружкой решили сбежать из города на лоно природы. Я знал одно прекрасное для этого место в часе езды от города. Там было всё — и живописные виды, и жаждающая принять нас в свои объятия речка, и, самое главное, — уединение.

В тот период я уже порядком устал от людей, которые мельтешили перед глазами, словно дотошные мухи. Будучи интровертом, я быстро понял, что нет в мире ничего более раздражающего, чем люди, а в ту пору к этому ещё и присоединялось необычайное давление со всех сторон на тему «Ты должен подумать о своём будущем». Лично я не хотел ни о чём ду-

мать. Только что сбросив с себя кандалы обязательного среднего образования, я не спешил заковать себя в новые ещё как минимум на пять лет. Мне была необходима передышка от всего этого. Я хотел хорошенько отдохнуть перед тем, как ворваться в первую стадию взрослой жизни.

Итак, мы решили провести день вместе вдали от шумной цивилизации. Для нашего крошечного побега я упросил родителей дать нам машину, чтобы не пришлось трястись в автобусе, а потом ещё и тащиться по жаре. Благо, тот день был выходным и родители намеревались провести его в прохладе четырёх стен нашего дома.

По дороге мы болтали о том о сём, но не затрагивали наболевшую тему «а что дальше?». Она так же, как и я, очень устала от этого. Тем более что между собой мы уже всё давно обсудили и ни к чему было опять переливать из пустого в порожнее. Поэтому разговоры были лёгкие, как щебет птиц, а музыка, лившаяся из динамиков, приятно дополняла атмосферу блаженного отдыха.

Прибыв на место, мы вытащили полотенца, на которых будем лежать, быстро разделись и побежали в манящую воду, будто маленькие дети. Нас даже не смутило, что мы видели друг друга полуголыми в первый раз. Да, несмотря на продолжительность, наши отношения носили довольно целомудренный характер. Я считал, что секс должен быть по любви — вот такой я зануда! А поскольку ничего такого я к ней не чувствовал, то и особого желания тоже не возникало. Её вроде тоже всё устраивало, хотя я и не мог знать наверняка, ведь мы никогда не поднимали эту тему. Мы вообще мало говорили о наших отношениях, чувствах и совместном будущем, а точнее, не говорили вообще никогда. Возможно, именно поэтому мы так долго и продержались вместе, просто плывя по течению и принимая всё как данность.

Вода в реке была тёплой, но давала то ощущение прохлады, которого я так жа-

ждал. Мы резвились и играли в воде, словно две быстрые рыбки. В тот момент я чувствовал себя в крайней степени свободным и счастливым, как никогда раньше. Создавалось ощущение, будто ничего больше в этом мире не существовало, кроме этой тёплой водички, меня и её. Сейчас она выглядела дивной русалкой и изумительно плавала. У меня даже создалось впечатление, что сейчас она запоёт и утянет меня на дно этой речки, но на самом деле она вытащила меня на берег, чтобы мы отдохнули и обсохли.

Когда мы расположились на наших полотенцах, я заметил, как красиво на её шее поблёскивал кулон, который я подарил ей в честь окончания школы перед выпускным вечером. Несмотря на моё относительное равнодушие, выбирал я подарок очень тщательно. Мне хотелось преподнести ей что-нибудь эдакое, не тривиальное, и в итоге я остановился на этом кулоне.

Я знал, что она хочет выучиться на ветеринарного врача и питает слабость к лисицам. Я имел честь множество раз лицезреть её любовно собранные статуэтки и игрушки в виде лис, а вершиной её коллекции была большая шарнирная лиса, выполненная на заказ и подаренная ей родителями на день рождения. Она ею очень гордилась и любила больше всего на свете. Настолько, что при каждом удобном случае не выпускала её из рук, что придавало ей сходство с ребёнком, который не представляет своей жизни без любимой игрушки. Эта лиса была для неё настоящим сокровищем.

Так вот, выискивая подарок, который затмит всё и вся, я заглянул в ювелирный магазин. Внимательно осматривал товар, и мой взгляд упал на серебряную, свернувшуюся клубком лисицу. Кулон был в единственном экземпляре, как и многие украшения в этом магазине, и я решил купить его, несмотря на довольно высокую цену. Когда я продемонстрировал ей свой подарок, она хоть и пребывала в некотором замешательстве из-за того, что не додума-

лась тоже что-нибудь мне подарить, но не скрывала своего восторга.

Кулон настолько пришёлся ей по душе, что она носила его не снимая. Вот и сейчас он был на ней, придавая ей сходство с той самой лисичкой, уютно устроившейся в лучах жаркого солнца.

Так мы и сидели, пока она вдруг не стала одеваться. Ей захотелось пойти в лес — набрать немного ягод в качестве десерта на ужин. Я не стал возражать, но с ней не пошёл, потому что не фанат таких прогулок. Пообещав, что далеко уходить не будет и вернётся через полчаса-час, она удалась.

Проводив её, я снова принял горизонтальное положение и закрыл глаза. Видимо, я задремал, поскольку, открыв глаза в следующий раз и посмотрев на часы, увидел, что прошло уже три часа, а она так и не вернулась. Полный беспоконья, я быстро встал, оделся и пошёл на поиски моей спутницы. Время от времени я кричал и звал её, но в ответ мне доносилось лишь эхо. Я очень волновался и продолжал искать, но не находил её. В голову уже начали прокрадываться плохие мысли о том, что с ней могло что-нибудь случиться и ей срочно нужна помощь.

И в этот момент я осознал, насколько она на самом деле мне дорога. Я понял, что моё безразличие было напускным, а может быть, даже и своего рода самоубеждением. Оказавшись в ситуации, когда мог её потерять, я открыл для себя истину, что не представляю своей жизни без неё и на самом деле очень люблю эту девушку. Это всё сидело во мне, но я попросту не хотел замечать очевидного и почувствовал это только сейчас. Открывшиеся мне чувства подстегнули меня найти её побыстрее, прижать к себе и сказать ей всё то, что я осознал только сейчас. Я хотел, чтобы она об этом узнала, приняла и мы были вместе всегда. Но я всё ещё не мог её найти...

Отчаявшись, я решил вернуться на место нашей стоянки и подумать, куда лучше

обратиться за помощью. Вернувшись к машине, обнаружил, что никакая помощь не требуется: она стояла в мокрой одежде и отмывала с себя комья налипшей грязи. Я спросил, что же с ней случилось, и она стала рассказывать.

Несмотря на договорённость, она отошла довольно далеко от нашего импровизированного лагеря и наткнулась на поросль голубики. Решив набрать побольше ягод, она так увлеклась, что не заметила, как оступилась и увязла в болоте. Ужас подкатил к горлу, когда она поняла, что её засасывает. Пришлось лихорадочно вспоминать школьную программу и искать ответы в курсе уроков выживания. Так, лучше свести свои движения к минимуму, но необходимо посмотреть, нет ли рядом чего-нибудь, что могло бы ей помочь. Осторожно поворачивая голову, она обнаружила недалеко от себя довольно прочную на вид корягу. Понимая, что это — её единственный шанс, она попыталась добраться до коряги. При каждом шаге или резком движении болото жадно засасывало её в своё чрево.

К счастью, её успело затянуть лишь по грудь, когда она добралась до коряги. Теперь же предстояла ещё одна нелёгкая задача — зацепиться и вырвать себя из склизкого плена. Ей очень повезло, что она не соскользнула, ведь тогда она бы полностью утонула в болоте и уже никто и ничто не смогло бы ей помочь. А ещё коряга могла оказаться трухлявой и треснуть в самый неподходящий момент, что закончилось бы так же бесславно. Но всё обошлось. Она выбралась, и ей уже не нужно было ничего, кроме как помыться. Она всё ещё не до конца успокоилась и очень устала. Ей хотелось поскорей покинуть это место и вернуться домой. Встав на ноги, очень аккуратно прощупывая перед собой почву, она вышла на ту тропинку, по которой сюда пришла. Ей казалось, будто на её сражение с болотом ушло всего несколько минут, хотя на самом деле с момента её ухода прошло уже целых пять часов!

Уже начало темнеть. После мытья она переоделась в сухую одежду, которую мы взяли с собой. Мы наскоро перекусили сэндвичами и сели в машину, собираясь двинуться в обратный путь. Я включил печку, чтобы она быстрее обсохла и не простудилась.

Тут-то меня и накрыл тайфун чувств. Несмотря на то, что ей самой пришлось пережить, борясь за свою жизнь, я вывалил на неё ещё и весь поток бушующих во мне эмоций. Я рассказал ей, как искал её, как переживал и что при всём этом чувствовал. Ощущая себя беспомощным, я открывал ей свою душу и сердце. Я хотел, чтобы она меня поняла и приняла. Она слушала с мягкой, будто лисьей, улыбкой, сжимая мою руку, ещё больше пленяя и околдовывая меня.

Когда я взял себя в руки настолько, что мог вести машину, мы уехали в город, чтобы заниматься как насущными делами, так и поступлением в высшие учебные заведения. На обратном пути у меня возникло решение, которое я должен был как-то сообщить родителям. Я решил жениться.

Конечно, родители с обеих сторон были против нашего брака, но я упорно стоял на своём, и они сдались. В итоге через месяц после произошедшего, мы поженились.

Нечего и говорить, что первые несколько лет нашего брака были не сахарными. Мы учились, денег, соответственно, было немного. Несмотря на то, что подрабатывали, мы еле сводили концы с концами. Жить с родителями мы не захотели, и они не стали настаивать, сняли нам отдельное жильё.

Нам вообще повезло с родителями. Несмотря на столь ранний брак, они нас поддерживали и помогали чем могли, хотя иногда это давалось им с трудом. Всё дело в том, что мы считали, что справимся сами, и из гордости не хотели ничего от них принимать. Однако наши мудрые родители явно были хитрее нас, ещё совсем детей, и под разными предлогами приезжали

к нам, оставляя при этом еду или деньги. Меня это выводило из себя, и я часто с ними ругался, говоря, что у нас и так всё хорошо и мы не нуждаемся. Но на самом деле мы нуждались — и ещё как! Надо было быть идиотом, чтобы это отрицать, но тем не менее я это успешно делал.

Как оказалось при переезде на съёмную квартиру, вещей у нас было немного. Меня искренне удивило, что многочисленная коллекция лисиц моей супруги не переехала вместе с нами. На вопрос, почему она их не взяла, прозвучал довольно сухой ответ: она их выбросила, потому что надоели.

Мне было жалко отправлять на помойку такое сокровище, и я тайком позвонил тёще — узнать о дальнейшей судьбе коллекции. Мои опасения были напрасными. Моя супруга действительно все свои горячо любимые ранее экспонаты отправила в мусорное ведро, назвав ненужным хламом, но её мать бережно вытащила коробку и перенесла на чердак — до лучших времён.

Также я заметил: жена больше не носит кулон с лисой, но, услышав от меня вопрос по этому поводу, она слегка озадачилась, будто не понимая, о чём идёт речь, а потом будто что-то вспомнила и сказала, что, скорее всего, где-то его потеряла. Она предложила подарить ей любой другой кулон и обещала носить его более бережно и аккуратно. Я согласился, но опять же подивился её реакции, ведь она не снимала кулон с лисой с той самой минуты, как только я ей его вручил, а теперь говорит так, будто он не имеет абсолютно никакой ценности в её глазах!

Этим изменения в поведении моей жены не ограничились. С недавних пор она пристрастилась к тофу, причём с таким безумным фанатизмом, что могла есть его целыми днями и больше ничем, кроме него, не питаться. Хотя я точно помню: когда мы однажды ходили с её семьёй в ресторан, она выловила тофу из всех своих

блюд и отдала мне, сказав, что терпеть его не может.

Я не придавал этим изменениям большого значения, потому что знаю: вкусы у людей могут поменяться. В конце концов, может, она распробовала тофу и он пришёлся ей по вкусу, а лисы попросту надоели, и она решила стать взрослее и порвать со своей привязанностью к игрушкам и статуэткам. В любом случае если ей было хорошо, то с какой стати я должен забивать этим голову?

Время шло. Мы закончили наше обучение. Я выучился на врача, а моя жена, несмотря на то что собиралась стать ветеринаром, в один день резко передумала и стала вэб-дизайнером. Обосновывать своё решение она никак не стала, сказав только, что ветеринарным врачам меньше платят. Также, дабы избежать споров и моих возможных попыток её отговорить, она заявила, что собирается работать из дома, аргументировав это тем, что так ей лучше и помимо работы она сможет взять на себя все обязанности по дому. Я не возражал, поскольку сейчас очень много времени проводил в больнице и приходил домой выжатый как лимон, а то и вовсе был на дежурстве. Она же в свою очередь прекрасно со всем справлялась и ни на что не жаловалась, и я это очень ценил.

После того как мы начали жить вместе, моя жена стала резко негативно относиться к гостям, походам куда-либо с друзьями, предпочитая проводить время либо вдвоём, либо, когда меня не было, в одиночестве. Я был поражён такими переменами: ведь раньше она не прочь была встретиться с подругами, повеселиться или пойти куда-то с кем-то. Она не возражала против моих походов и встреч, но, как только вставал вопрос пойти вместе, она неизменно придумывала отговорку, чтобы не идти. То у неё много работы, то устала, то нет настроения, то ещё что-нибудь в этом роде.

Когда мы сами начали неплохо зарабатывать, то купили свой дом, освободив

съёмную квартиру. Наша жизнь становилась всё легче и лучше. Я уже говорил, что мог быть на дежурстве, которое длилось сутки. Поэтому на новоселье, как раз перед таким своим уходом из дома, я принёс жене парочку крыс, чтобы ей было о ком позаботиться и чтоб они скрасили её досуг в моё отсутствие. Мой дар был принят очень волнительно. Казалось, эти существа настолько поглотили её внимание, что она даже не заметила, как я ушёл, лишь буркнула что-то мне на прощание. Я был рад и очень доволен собой, что додумался до такого подарка.

Однако, вернувшись домой и решив посмотреть, как чувствуют себя крысы, обнаружил, что клетка пуста. Меня это несколько озадачило, но я решил выяснить всё позже — после того как немного посплю. Смена выдалась нелёгкой, и я был на пределе своих сил.

Жена что-то готовила на кухне, но я не поинтересовался, чем она будет меня потчевать, ведь сейчас только одно имело для меня значение — добраться до кровати и уснуть сном младенца. Когда я проснулся и спустился в кухню, запах жареного мяса ещё до конца не выветрился, однако на обед у нас был мой любимый томатный суп-пюре. Я спросил у супруги, куда делись наши крысы, и после пары секунд молчания она сказала, что они умерли.

Я видел, что она расстроена, и решил не задавать лишних вопросов. В конце концов, потом я подарю ей животное получше, которое уж точно не умрёт так скоропостижно, как эти крысы.

Вечером жена предложила мне заказать что-нибудь из ресторана, потому что ей не хотелось сегодня готовить, хотя я думал, что она подогреет пожаренное с утра мясо. Я спросил, что же она тогда жарила с утра пораньше, и пошутил: уж не тех ли самых крыс она пожарила себе на завтрак вместо яичницы? Она внезапно побледнела, и я, решив, что перегнул палку, извинился. Больше мы тему о крысах не поднимали.

Чем дольше длился наш брак, тем чаще я стал задумываться о детях. Мне очень хотелось, чтобы у нас родился малыш, и я не единожды представлял себе нашу семейную идиллию. Мне виделось, как ребёнок подрастает, делает первые шаги, говорит первое слово, как мы вместе с женой его нянчим и вдвоём невероятно счастливы. Однако, когда я поднимал эту тему, моя супруга становилась крайне раздражительной, будто то, о чём я говорил, было ей неприятно. Поначалу я настаивал, но, видя, что из-за раздражительности она становится апатичной и вялой, решил, что оставлю её в покое. Мне показалось, что она ещё не готова к материнству, и я решил её не торопить. Мне оставалось лишь надеяться, что когда-нибудь она сама заговорит об этом.

...Время неумолимо летит вперёд. Подумать только: когда-то я был убеждённым холостяком, однако уже 10 лет женат на лучшей в мире женщине. Я счастлив и считаю, что принял тогда верное решение. Так размышлял я, проснувшись радостным и бодрым, и строил грандиозные планы: мы будем дружно идти по жизни рука об руку с любимой и отмечать ещё множество годовщин.

Моя жена ещё спала, а я, несмотря на выходной, в который мог бы подольше понежиться в постели, встал и пошёл завтракать. Мне предстояло ещё съездить и выбрать подарок для неё, чтобы отметить наше десятилетие совместной жизни, полной гармонии.

Я спустился на кухню, поставил чайник и сел читать газету, ожидая, пока вода закипит. И тут моё внимание привлекла заметка, где говорилось про наш город. Про него вообще-то не часто писали, так как у нас здесь всё было спокойно, да и сам городок был небольшим. Именно поэтому меня так заинтересовала статья. Я начал читать:

«При осушении болота в пригородном лесу был найден труп девушки, предпо-

ложительно восемнадцати лет. Исходя из поверхностного осмотра, прибывший на место судебно-медицинский эксперт установил, что тело пролежало на дне болота не более десяти лет. Личность погибшей пока не установлена. Полиция просит всех, кто обладает информацией, способной помочь в опознании девушки, обратиться в ближайший отдел. На теле был найден кулон в виде свернувшейся в клубок лисы. На данный момент тело передано в морг городской больницы».

Я дочитал заметку и всмотрелся в снимок, где был запечатлён кулон, о котором говорилось в статье, и меня пробил холодный пот. Я будто сросся со стулом, на котором сидел, и не мог привести в порядок хаос моих мыслей. Я пытался поймать хоть одну из них, но они неизменно ускользали от меня, оставляя лишь путанные обрывки вопросов: «как?», «что?», «возможно ли?». Я почти не мог дышать. Время словно остановилось.

Наконец вереница мыслей немного утомилась и ясно сформулировалась одна-единственная: «Я должен увидеть тело».

Я быстро натянул на себя то, что первым попало под руку, и стремглав помчался в больницу. Я работал в ней и мог без труда договориться с сотрудниками морга, чтобы они допустили меня к телу. Что я, собственно, и сделал. Когда они прикатили каталку и труп предстал перед моими глазами, у меня чуть было не подкосились ноги и я не упал, лишившись чувств. Передо мной была она! Та, которая десять лет назад стала моей женой. Поскольку тело находилось в болоте, а именно во влажной среде, лишённой воздуха, произошёл процесс омыления. Тело было словно покрыто тончайшим воском, но в нём без труда узнавались те черты, которые я видел практически каждый день.

Я был в ужасе и панике. Не понимая, как такое вообще возможно, я не находил ровным счётом никакого рационального объяснения увиденному. Дабы оконча-

тельно разрушить мой и без того пошатнувшийся мир, один из работников морга показал мне кулон, который я узнал бы из тысячи. Лиса, свернувшаяся клубком. Это было именно то украшение, которое я подарил своей любимой перед выпускным вечером!

Я должен был успокоиться, поэтому пошёл в больничную кафетерий и взял себе кофе. Мысли путались, и я уже начал сомневаться, не сыграло ли моё воображение со мной злую шутку. Ведь под впечатлением от прочтённой газетной заметки я мог напридумывать всевозможных небывлиц. И это всё попросту было невозможно. Я решил дать мозгу отдохнуть, а затем вернуться в морг, чтобы взглянуть на тело ещё раз. Моя работа научила меня проверять всё множество раз, ведь от меня зависела чья-то жизнь и я не имел права на ошибку. Напиток немного помог мне прочистить мозги, и, хотя сейчас я очень хотел ошибиться, чуда не произошло. Когда я снова спустился в морг, передо мной всё так же лежал труп моей жены. Я вспомнил её рассказ о том, что она чудом спаслась из болота, когда собирала ягоды. Судя по всему, спастись ей всё же не удалось.

Оставался только один вопрос: если она здесь, то с кем, чёрт побери, я жил эти десять лет?!

Поднявшись из морга, я прошёл через холл, вышел из больницы и сел в машину. Мысли по-прежнему путались. В это время я должен был быть дома, со своей женой. Мы должны были отмечать нашу годовщину и наслаждаться этим днём. Вместо этого я шарюсь по моргу белый как мел и разглядываю её труп, который лежал в болоте десять лет. Мне захотелось выть и орать. Ну и где же мой здравый смысл и рационализм, которыми я так гордился? Где моё хвалёное чувство логики? Куда всё это подевалось, когда я больше всего в этом нуждаюсь?!

Я выдохнул. Конечно, такого открытия я не ожидал, но решил оставить его при себе.

«В конце концов, — убеждал я себя, — это всё невозможно, с какой стороны ни поверни. Твоя жена не может лежать в морге, потому что только сегодня утром ты проснулся с нею рядом в постели. Ты не мог на ней жениться, если она умерла в тот день, десять лет назад. Сам подумай: это же бред какой-то! Просто так совпало. Девушка просто похожа на твою жену, вот и всё. Труп, в каком бы идеальном состоянии ни прибывал, он всё-таки труп, а это значит, что при разложении черты лица могли исказиться. А кулон? Твоя жена сказала же тебе, что она его потеряла. Вполне вероятно, что эта погибшая девушка просто нашла его и забрала себе. Такое возможно? Во всяком случае, намного более вероятно, чем то, что в морге лежит твоя жена и что ты просто съехал с катушек, напридумав себе всю свою счастливую семейную жизнь».

Дойдя до этого умозаключения, я совсем успокоился и принял свои же объяснения случившегося. Конечно, червь сомнения меня продолжал слегка подтачивать, но он уже был почти неразличим. Его раздавливали мои железные аргументы, и ему было не выжить под их натиском.

Я вспомнил, что хотел купить своей жене подарок. Это было самым важным делом на сегодня. Я решил подарить ей собаку, которая внешне была похожа на её любимых лисиц. Когда она их выкинула, я решил, что её любовь к ним не прошла, просто она не хочет выглядеть смешно в окружении всех этих игрушек и фигурок. Как же я раньше не додумался до этого! Я нашёл для неё молодого красного финского шпица, хозяевам которого пришлось срочно от него отказаться, поскольку у дочери внезапно началась аллергия на четвероногого друга. Я уже заранее договорился о встрече и должен был сегодня за ним заехать, пока девочка спала. Было 9.30 утра, и я решил, что ещё успею.

От больницы до дома хозяев собаки было 30 минут езды. Я с облегчением

вздыхнул, узнав, что ребёнок ещё не просыпался, но это могло произойти с минуты на минуту. Мы усадили шпица ко мне в машину, и я внимательно изучил справки от ветеринара, наличие прививок и прочие документы, полагающиеся на собаку. Подписав все бумаги, получив инструкции по уходу, дрессировке и прочему, я заплатил, поблагодарив бывших хозяев, и мы с нашим питомцем тронулись в путь. Он был роскошный. Красивый рыжий молодой пёс, с торчащими кверху ушами и вытянутой мордочкой. Он понравился даже мне, и я надеялся, что один вид этого малыша приведёт мою супругу в восторг.

Когда я подъехал к дому, моё утреннее злоключение почти полностью выветрилось у меня из головы. Я вышел из машины и направился к дому, ведя на поводке нашего красавца-пса, в ожидании счастья в глазах моей прекрасной жены.

Эпилог

Ему полностью удалось избавиться от утренней тревоги и сомнений, и он, полный радостных предчувствий, вошёл в дом. Однако вошедшая следом собака внезапно насторожила уши и сосредоточилась, будто что-то или кого-то учуяла. Она вся вытянулась, как по струнке, но вела себя тихо. Это напряжение передалось и мужчине. Он вопросительно глянул на пса и тут же понял, что что-то не так. Стараясь ступать как можно тише, они ходили в поисках его жены. На часах к тому моменту было уже 11:30, и она совершенно точно уже должна была проснуться.

Она сидела в своём кабинете, уютно устроившись в кресле.

«Почти как та лиса с кулона», — непроизвольно подумал мужчина.

Она хотела было улыбнуться своему мужу, как всегда это делала, когда он возвращался домой, но утробное рычание пса у его ног превратило её лицо в восковую маску.

«Она сейчас выглядит, как тот труп в морге! Почти такое же лицо!» — промелькнула ещё одна непрошенная мысль.

Всё будто застыло. Пёс по-прежнему продолжал угрожающе рычать, а она замерла на месте. Только глаза её всё больше расширялись от невообразимого молчаливого ужаса. Казалось, это будет длиться вечно, пока мужчина не сделал к жене шаг, а собака не разорвала тишину громогласным лаем, пытаясь сорваться с поводка и напасть, будто видела перед собой угрозу. Женщина вскочила и рывком отступила назад. Мужчина, изо всех сил удерживая собаку, не сразу услышал, что жена кричит. Её полные страха мольбы наконец-то дошли до его ушей: она просила убрать собаку. Когда наконец до него дошло, чего она хочет, он бросил все усилия на то, чтобы выволочь пса за дверь. Мужчина привязал его к лестнице и поспешил обратно, а пёс продолжал лаять, и казалось, не успокоится никогда.

Однако, вернувшись в кабинет, мужчина больше не увидел своей жены. Её одежда лежала на полу, а на ней сверху сидела пятихвостая лиса. Её глаза горели такими обжигающими его болью и ненавистью, что мужчина всё понял: это и была его супруга.

Теперь всё встало на свои места, и все те звоночки, от которых он так легко отмахнулся, теперь были ясны как божий день: и сувениры-лисы, выброшенные в мусор-

ное ведро, и особая любовь к тофу, и тяга к уединению, и нежелание иметь детей, и отказ становиться ветеринаром из-за боязни собак. И его тогдашняя шутка про жареных крыс оказалась попаданием в «яблочко»: она действительно убила их, пожарила и съела. Поэтому пахло жареным мясом, и вот она — причина её бледности и испуга.

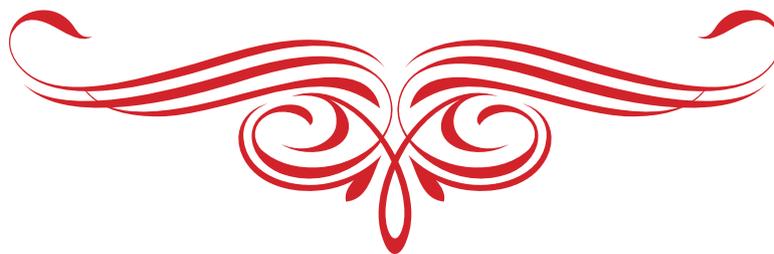
Он десять лет был женат на кицунэ — лисе-оборотне, в то время как его настоящая девушка утонула и всё это время лежала в пучине болота.

Мужчина содрогнулся от этой мысли, и в это мгновение кицунэ молниеносно прыгнула на него, острые клыки хищника крепко сжали его горло. Кровь брызнула фонтаном, и мужчина тяжело осел на пол. Последнее, что он слышал, — удаляющийся женский смех.

...Когда его нашли, было уже слишком поздно. У него была прокушена сонная артерия, и он быстро умер от потери крови. На теле покойного были найдены следы зубов, поэтому всю вину за произошедшее свалили на пса и забрали его для усыпления.

Пропавшую жену полицейские так никогда и не нашли.

Страница автора
vk.com/club200781105

Елена Кёрн

Россошь, Воронежская обл.

Нужда

Дом стоял на отшибе, рядом с околицей. Был неказист, с обветшалой крышей и кое-где осел. Во дворе, кряхтя и понося весь свет, возился мужичок в старом кафтане и штанах с заплатками. Рядом одиноко стояла тощая корова и обречённо смотрела на дорогу.

За покосившимся забором на завалинке сидела Нужда и щёлкала семечки. Мимо бегали стайки детей, проходили редкие селяне, не обращая на неё ни малейшего внимания. Изредка соседи качали головами, выражая жалость к мужичонке. Нужда же искоса поглядывала на селян и криво усмехалась.

— Ах ты, убогая. Когда же ты избавишь меня от себя? — ругался мужичок на корову, вытаскивая упрямо животное за ворота.

Нужда наблюдала молча.

Выпихнув корову на улицу, мужичок отёр лоб и потащил её к ближайшему холму за околицей.

— Аким, опять ты свою скелетину потащил народ пугать, — окликнул мужичка сосед.

— Ты за собой следи. А в мою сторону нос не суй! — зло огрызнулся мужичок.

Нужда расхохоталась, стряхнула шелуху и зашла во двор. Двор был не ухожен, как и всё остальное. Нужда прошла и зашла в дом. Через некоторое время вышла с маленьким стульчиком под мышкой и принадлежностями для письма, устроилась рядом с забором, чтобы видеть прохожих, и стала записывать что-то в огромную тетрадь.

В это время вернулся мужичок, опять в сердцах костеря свою животину. И начал носить дрова в сарай, которые были свалены кучей. Калитка открылась, и во дворе показался другой сосед. Мужичок повернулся, на его лице читалось: «Что вам всем от меня нужно?». Но, когда увидел Нико-

дима, лицо его просветлело и появилась улыбка.

Нужда оторвалась от своих записей и недовольно посмотрела на соседа. «Он всё всегда портит», — недовольно поджав губы, подумала она.

— Здорово, соседка, — громыхнул весёлый голос над ухом.

Нужда резко захлопнула тетрадь и вскинула голову.

— Канцелярией занимаешься?

На неё смотрел здоровенный детина. Его улыбка отражалась в глазах, русые волосы падали до плеч.

— Чего ты припёрся? — Нужда зло на него посмотрела. — Опять мне палки в колёса вставлять будешь?

— А то, — хохотнул Достаток. — Надо же истреблять таких, как ты. — Он подмигнул ей.

В это время Аким вытащил стол и два стула во двор, Никодим же неспешно уставлял его снедью. Корзинка, принесённая им, опустела, и два друга заняли свои места.

— Вижу, Аким, дела у тебя никак не поправятся? — пропустив рюмку, спросил Никодим.

— Не могу я. Как остался один, так и преследует меня тоска, а нужда за ручку с нею пришла, — сокрушался Аким, опрокидывая рюмку.

— Посмотри, полсела живёт бобылём. Ведь живут.

Аким в знак согласия кивнул.

— Я, справлюсь, — в который раз сказал он.

— Ты, говоришь мне это уже третий год, — зло стукнув рюмкой, вспыхнул Никодим. — Уже пора менять что-то в своей жизни.

Аким только опустил голову на руки. Как только его друг приходил в гости, вот уже два года, он заводил один и тот же разговор. Жизнь для мужичка оборвалась, когда он остался один. Он не мог пережить потерю и постепенно терял желание к жизни. Ушёл блеск и азарт, остались только тоска о прошлом и механическая работа по дому.

Отсюда нужда и запустение. Соседи постепенно отвернулись и махнули рукой на

него. Он стал одинок, если бы не друг Никодим. Один он не забывал, захаживал и подбадривал. А иногда вот как сегодня ругался. А Аким всё отговаривался и обещал.

Нужда довольно улыбалась, глядя на реакцию своего подопечного.

— Всё хорошо, так и должно быть, — бормотала она себе под нос, довольно потирая руки.

— Ох, и вредна ты стала, мать, — неожиданно прозвучало рядом.

— Тыфу на тебя! — от неожиданности Нужда вздрогнула. — Шёл бы ты, братец. Не чего тебе тут делать.

Достаток нахмурился, но промолчал, зашёл во двор и сел рядом с Никодимом. Стал слушать, о чём разговор.

Собственно, разговора как такового не было. Никодим потчевал друга наставлениями и рассказами о возможностях жизни. Тот же просто кивал и опрокидывал рюмку за рюмкой. Под конец Никодим высказал предложение вместе заняться столярным делом. Ведь Аким когда-то был хорошим плотником. Но к этому моменту друг уже был в полусне и бормотал себе под нос истории из прошлой жизни.

День клонился к вечеру. Никодим давно ушёл, дрова так и валялись на прежнем месте. Мужичок открыл мутные глаза, осмотрелся, чертыхнулся и нетвёрдым шагом потащился за околицу за коровой. Повеселевшая Нужда опять села на завалинке лузгать семечки.

Дни шли за днями. Аким жил всё так же, а иногда и хуже. Корова его не толстела и всегда смотрела обречённо. Животина чувствовала, что хозяину скоро надоест водить её в холмы и он избавиться от неё.

Мужичок же, напротив, и не думал о той скотине, она была частицей его механической работы. Он всё вспоминал, как он жил раньше. Как дом был полон света и людей. В такие моменты его глаза лучились светом и он улыбался. Нужда начинала ёрзать и нервничать. Но эти светлые моменты проходили быстро, и мужичок опять возвращался в своё понурое состояние.

Так прошли лето, осень, заканчивалась зима. Первые тёплые деньки только вступали в свои права. Ранняя капля всё больше захватывала ветви деревьев и длинные сосульки под крышей. Двор превратился в мессиво чёрной земли и оставшегося снега.

Первая трава стала нерешительно пробиваться из-под земли. Аким потянул животину из сарая. Та упиралась и не хотела выходить из тёплого помещения.

— Ах ты, треклятая, — ругался он на корову. — Давай уже, опять упёрлась!

Корова стояла и не желала подчиняться хозяину, заунывно мыча. Измучившись с коровой, мужичок сел рядом на пенёк и утёр шапкой пот со лба.

— Ну чего ты, убогая, упираешься? — Мужичок горестно посмотрел на корову. — Я ж тебя не к мяснику веду. А хочу, чтобы ты в холмах попаслась. Ведь, небось, сено-то надоело за зиму-то. — Он опять глянул на корову. Она же внимательно его слушала. — Ну, не желаешь, Бог с тобой. — Мужичок в сердцах бросил шапку и направился к сараю.

Не успел он дойти до двери, как в спину его боднули, а возле уха пронеслось возмущённое «Му!». Повернувшись, он увидел, что корова вышла из сарая и ждёт его.

Выйдя за ворота, впервые корова дала спокойно отвести её на место, где она паслась. Аким молча удивлялся такой перемене в поведении животины.

Возвращаясь обратно, на подступах к селу мужичок встретил оборвыша. Малец сидел на большом камне, возле него на замызганной тряпке лежал кусок сухаря и яйцо. Сам он был похож на большой комок грязи.

В глазах Акима промелькнула жалость.

Проходя мимо, он поймал недобрый взгляд мальчика, но не остановился, а пошёл дальше. Утро вступало в свои права, солнце уже стало припекать, потекли ручейки. Аким во дворе колол дрова. Но это получалось у него сегодня неумело. Всё время у него бродили мысли о мальце, которого он видел. Нужда обеспокоенно ходила во-

круг мужичка чувствуя опасность, но не находя её.

В конце концов Аким бросил дрова и вышел со двора. Ноги несли его туда, где он увидел оборванца. Сам себе он не мог объяснить, зачем он туда идёт. Но был убеждён, что по-другому поступить не может.

Малец был всё там же, но уже спрятался за валун, услышав приближающиеся шаги. Аким подошёл и остановился вблизи. Мальчик посмотрел на него с обречённостью и злобой. Внутри мужичка пошло давно забытое движение. Чем больше он смотрел на мальчика, тем решительнее ему хотелось привести его к себе.

— Как тебя звать? — Аким, кряхтя, присел на валун.

Мальчик напрягся, подобрав свои лохмотья, готовый дать дёру. Но мужичок не сдвинулся с места, молча ожидая ответа.

Увидев, что ему ничего не угрожает, мальчик немного расслабился и тоненьким слабым голосом ответил:

— Федя.

— Значит, Фёдор. — Аким замолчал, обдумывая следующий вопрос. — Как же здесь оказался, Фёдор?

Мальчик молчал, было видно, что досталось ему сильно. Не доверяет теперь он людям. Аким уже решил, что напрасно ждёт, но тут Фёдор заговорил:

— Сирота я, дядечка. Потерялся. — Мальчик опустил глаза.

Аким невольно сжал кулаки. Несладко жилось таким. Больше сомнений не было, Аким решительно поднялся и протянул руку.

— Пойдёшь со мной. Я тебя познакомлю с Рыжухой.

Мальчик постоял в нерешительности, но двинулся за мужичком. Так они и шли, Аким и малец, по улице. Соседи недоумённо провожали их взглядами, за спиной крутя пальцем у виска.

Нужда вся извелась, ожидая мужичка. Увидев, что вернулся он не один, не на шутку разволновалась. Ей совсем не понравился мальчик. Между тем Аким начал

топить баню, поставил на печку чугунок с картошкой.

Когда малец избавился от грязи и ненужной длины волос, он оказался на редкость обаятельным существом с добрыми голубыми глазами и светлыми волосами. Яростно накинулся на картошку. Аким сидел рядом и молча смотрел. Наевшись, Федя стал клевать носом.

Аким неспешно встал, расстелил единственную кровать и аккуратно перенёс ребёнка. Прикрыв его старым одеялом, бросил взгляд вокруг.

— Нужно прибраться, — пробормотал он сам себе.

Нужда пришла в ужас.

Прошло два года.

— Здоров, соседка. Собралась куда-то? — Достаток с весёлой улыбкой окликнул Нужду.

Она со своим рюкзачком медленно шла по улице села, заглядывая в окна изб. В глазах появилась нескрываемая злоба.

— Да уж твоими стараниями, — выплюнула она в ответ.

— А я тут при чём? — опять хохотнул Достаток. — Что, твой подопечный турнул тебя?

— Да как будто не ты приволок этого оборванца на околицу, — фыркнула Нужда. Достаток скрыл улыбку.

— Что, всё так плохо, мать? — в голосе звучало сочувствие, перемешанное со смехом.

— Тьфу на тебя, — Нужда плюнула в сторону Достатка. — У них-то теперь всё хорошо. Развернули с Никодимом плотничество. Малец бегаёт розовый и довольный. Аким строит планы на будущее. Да только меня нет в этих планах! — зло выкрикнула Нужда.

Достаток только молча посмеивался.

— Ну, бывай, мать. Видно, дорога далёкая у тебя, — махнул рукой здоровый детина, направившись к избе Акима.

Нужда ещё раз зло фыркнула на него, подняла свой мешок и скрылась за околицей.

Алла Кречмер

Нетания, Израиль

Кассандра

Я вижу знаки в небесах высоких:
Откроют боги вечности окно.
Ах, если б люди верили пророкам,
Но им ни знать, ни видеть не дано

Того, что мне показывает случай.
И тяжесть знаний давит, как гранит.
Вновь недоверья груз меня измучил,
И горько от проклятий и обид.

Нелепо, страшно, пусто, одиноко
Быть против всех, не отступив на шаг.
Кому дано услышать глас пророков,
Того хранит вселенская душа.

В степи у моря не одно столетье
Стоит наш город, окружён стеной,
Но вижу я, как гонит пламя ветер,
Что хлынет вдруг безжалостной волной.

Кричу: «Обман, предательство, измена!»
А мне в ответ: «Безумная, молчи!»
От почерневших злаков пахнет тленом,
И от пожара зарево в ночи.

В осаде, говорите, устоим мы,
Незыблем строй, законы все ясны.
Но знаю я: не пережить нам зиму
И лягут в землю лучшие сыны.

Ждёт горожан позор и разоренье,
И горький плен, и горькая нужда.
В толпе царит всего одно лишь мненье,
Что захватила сердце слепота.

И тонет зов мой в громогласном рёве,
Хоть предсказаний опыт слишком мал,
Но вижу я, что два потока крови
Текут, как вина, в золотой бокал.

Витязь на распутье

Дорогой правды ты хотел идти,
Но где она лежит, никто не знает.
Ты на развилке долгого пути
Стоишь один, душе своей внимая.

А тёмный лес тебе грозит бедой;
Напомнит поле брани — близко сеча.
Болото напоит в лесу водой,
И будешь тайным знаком ты помечен.

Возрадуется навь — спюют они
Какой-то мерзкий гимн, до слёз порочен.
Неверные болотные огни
Останутся светить глубокой ночью.

Спасёшь коня, но, витязь, сгинешь сам,
В трясине лжи и грязи ты увязнешь.
Есть путь другой — по чащам и полям
Искать земель и подчиниться власти.

Поставит Рарог жгучее клеймо,
Ты будешь верен князю и дружине;
Послушен и безгласен, как немой,
И жизнь свою растратишь на чужбине.

Ты кровь прольёшь, чужую и свою:
Такая у тебя, о витязь, доля.
Лишь только враг предаст страну огню,
И ты нужду познаешь и неволю.

Твой конь прядёт ушами и хрипит,
Предчувствует — не миновать разлуки;
Уронишь ты слезу на круглый щит;
Прощаясь с другом, ты опустишь руки.

Направо и налево нет пути,
А прямо — дебри, тьма и волчьи тропы.
Отсюда вам обоим не уйти,
И слышится из чаши вой утробный?

Но ворон распластал свои крыла:
Дорога правды скрыта в лжи извивах.
И где она лежит, в каких краях...
В горящих вечерами зорь разливах?

Иди, ищи её хоть день-деньской,
Но в мире зла ты не дойдёшь до сути.
Иди своей дорогой, не чужой...
Стоит в раздумье витязь на распутье.

Афродита

Из пены рождённая утром,
Вся в розовом свете лучей,
На ракушке из перламутра
В просторе небес и морей,

Богиня, нежна и красива,
Скользит по поверхности вод,
По глади зеркальной залива
К пылающим скалам плывёт.

Опять дуновенье Зефира
И лёгкая рябь на волнах.
Играет мелодию лира
У трепетной музы в руках.

В воде разноцветные блики
Доходят до самого дна.
Прекрасною и многоликой
Богиня любви рождена.

Да, сколько страстей и обличий,
И клятв на крови, и измен.
Порою она Беатриче.
Порою — цыганка Кармен.

Порою Снегурочкой тает:
Любовь её жжёт изнутри.
А грешная или святая?
Дарами полны алтари.

Юлия Руцак

И снова о любви я рассказать хочу

Сборник лирических стихотворений

Поэзия Юлии Руцак — лиричная, искренняя — раскрывает перед читателями все секреты девичьей души — нежной, романтической, временами немного взбалмошной, но неизменно любящей.

Твёрдый переплёт

92 страницы

Екатерина Позднякова

Тверь

В экстагической близости к силам додревним,
Средь холмов меловых и реликтовых сосен
Попросись на ночлег в одичалой деревне,
Окунувшейся в осень.

В купаже ежевичных сортов новолуний
Оживают и в плоть облакаются мифы,
И танцуют под звёздами цвета латуни
Утончённые нимфы.

Ты услышишь их сказки о дальних границах,
Где оранжевый месяц свежей круассанов,
И о том, как приятно весной заблудиться
В кипарисах Тосканы.

Ты узнаешь из песен, как раньше фрегаты
Утопали в ямайском разбавленном роме,
Как в заморских тавернах грустили пираты
Об утраченном доме...

Как на выжженных склонах потухших вулканов
Расцвела впервые японская вишня...
Но... журчание речи к рассвету смолкает,
Наступает затишье.

Под смарагдовой мшисто-вельветовой крышей
Временные как будто изогнуты оси.
И заря, обернувшись красавицей рыжей,
Утром спросит: «Спалось ли?»

Саламандровая ночь

Надевай капюшон из муаровых сумерек синих —
Здесь реальность тонка, будто нить шелкопряда,
Я почти ощущаю ногами беспечно босыми
Волшебство Атлантиды, из бездны подъятой.

Надвигается ночь с проступающим факельным светом —
Саламандрой в оранжевых огненных пятнах.
В зачарованный лес мы уходим за дýхами следом,
Без особой надежды вернуться обратно.

Искры белого кварца выносит на берег небесный —
Держим путь по привычке на альфу Дракона¹,
По дороге вплетая в старинные кельтские песни
Одержимость желанием жить... по-другому.

Избежать ритуальных сожжений
закатных небес... невозможно,
Занялись облака с инкрустацией огненной нитью —
Будто жар отгремевших сражений
расцвёл под пергаментной кожей,
Озаряя поля фиолетовых войск аконита².

Пики гор вдалеке исступлённо
впиваются в солнце, сверкая
Точно хищные зубы голодных хтонических чудищ.
Проходя по заросшим зелёным
тропинкам волшебного края,
Ты не знаешь, кого из мифических тварей разбудишь,

По крупицам не ищешь в пещерах
сокрытых в петроглифах знаний,
Но поймёшь, почему в отлучённом от магии мире
Даже тех, кто несведущ в священном
искусстве шаманских камланий³,
Манят дух приключений и дикие земли Сибири.

¹ Около 5000 лет тому назад (в период 3500–1500 гг. до н. э.) среди ярких звёзд Тубан (альфа Дракона) был наиболее близок к северному полюсу мира и был для землян Полярной звездой.

² *Борец*, или *Аконит* (лат. *Aconitum*) — род многолетних травянистых ядовитых растений. Лепестки жёлтые, синие, фиолетовые, сиреневые или белые. Одно из названий дано растению за сходство цветка со шлемом с опущенным забралом.

³ *Камлание* — ритуал, сопровождающийся пением и ударами в бубен, во время которого шаман, приходящий в экстатическое состояние, общается с духами.

Вьюги разносят на сахарно-снежных устах
Тихий напев колдовской колыбельной Марены,
Будто корабль, безнадежно затёртый во льдах,
Дом, погребённый в сугробах, не выйдет из крена.

Дремлет хозяин под толстым тулупом до пят,
Словно оживший в тепле ископаемый мамонт,
Чуть уловимо в сенах половицы скрипят,
Корчатся в печке обрывки берёзовых грамот.

Жмутся по лавкам скелеты плетёных корзин,
Травы сушёные под потолком разметало.
Копятся в теле морозы всех прожитых зим,
Как ядовитые соли тяжёлых металлов —

Хоть помирай, за деревней в землицу ложись,
Самое время примерить места на погосте,
Но... есть нюанс — он влюблён до безумия в жизнь.
Кажется, это взаимно. Ему девяносто.

Екатерина Гусейнова

Хрустальное сердце

Это не просто фантастический роман — в нём есть нечто большее. Люди, живущие на Земле, определяют своё место в Вечности, пытаются или не пытаются прожить свою жизнь по законам веры, надежды и безусловной любви. Описание ада основано на реальном свидетельстве Владимира Илюхина, пастора Волгоградской церкви, прошедшего через клиническую смерть и посвятившего после этого свою жизнь служению Господу.

Твёрдый переплёт

232 страницы

Ирина Алтынова

Москва

Конфуций

(Стихотворение из исторической серии)

В Китае жил мудрец Конфуций,
Который много повидал,
И обобщая опыт предков,
Своё ученье он создал.
Он говорил: не надо делать
Другим того, что чуждо вам.
Учил он жить на свете мирно
И этим близок был всем нам.
Не забывать велел советов
Родных и близких никогда,
И память светлую хранить им,
Чтоб жили в памяти всегда.

Турция

(Стихотворение из цикла «Страны»)

О, Турция — страна из роз!
С морской свежестью прибою.
Ты покоряешь царством грёз,
Я отдыхаю тут с тобою.

Ночной прохладой твоей
Ты позволяешь насладиться.
Здесь светит месяц в тишине
И невозможно не влюбиться.

Бродя по городу вдвоём,
Везде мы слышим плач мечети,
Её истошный, громкий звон,
Что наполняет думы эти.

Да, город полон старины,
В камнях хранит легенд преданья,
И, замедляя жизни ход,
Он дарит нам плоды познания.

Marbin sun

Арабская плясунья,
Звнящая мечта,
Изящна, грациозна,
Красива и проста.
Звнящие монеты
На ней везде висят,
На бёдрах чуть приспущен
Сверкающий наряд.
Арабская плясунья,
Ты сердце мне разбила
И чёрными глазами
Навеки покорила.
Теперь хожу, страдая,
Ночами мне не спится.
В арабскую плясунью
Так сложно не влюбиться.

Порой нам кажется, что счастье
В чужой, далёкой стороне,
Но почему домой вернуться
Гораздо радостнее мне?!
Порой нам кажется, что лучше
Нам будет там, где нету нас.
И сами мы не понимаем,
Что надо жить здесь и сейчас!

Стихи о Москве

Моя милая Москва,
Улицы да скверы,
Всею душой люблю тебя —
Ты мой символ веры.
Много улиц и проспектов,
Да Бульварное кольцо,
Перезвоны колоколен —
Это всё твоё лицо.
Знаю, ты не подведёшь,
Всех радушно встретишь,
Хлебом-солью одаришь,
На привет ответишь.

Вадим Верц

Киев, Украина

Восьмая нота

Что я понимал,
 Когда в любви признался
 Без видимой причины,
 Первой для себя,
 Сто первой для кого-то.
 Глядя на тебя,
 Благодарю я Бога,
 Что был рождён мужчиной.
 Музыка моя,
 Моя восьмая нота...

Старей красиво

Во тьме спокойно двоим, уютно,
 Любовь незрима, но обоюдна.
 Цветы душистей, и стены мягче;
 Котёнок снова гоняет мячик.

Мечта внутри, а рубцы снаружи;
 Стихи на завтрак, обед и ужин.
 В кофейной гуще — любая правда;
 И бог доволен, и черти рады.

Уже не ангел — опали крылья,
 Всего-то пледом тебя укрыл я.
 Каким бы вихрем не уносило,
 Держи осанку, старей красиво.

Городок

*Для всего городка
 Ночь была коротка.*

В коньячно-сигаретном ритуале
 Погибли неизведанные дали,
 А подступы к светилам небосвода
 Закрыли банкоматы и заводы.

Как призраки, закутанные в тряпки,
 Играли в неосознанные прятки;
 Немыслимо шаблонная погода
 Для большинства казалась непригодной.

Пока высотки шурились устало,
 Нашла, взяла под руку, воспитала
 И родинки рассыпала на тело
 Сама Случайность, как того хотела.

*От вершин и до дна
 Ночь была холодна...*

Рассеянный снег

Столь рассеянный снег не уляжется ровно,
 И деревья мои не настигнут небес.
 Не узреть в белом хаосе знаки и тропы,
 Чтоб дойти до финала, с тобою и без.

Позади купола и несущие стены,
 Самодельные рамки вгоняют в портрет.
 И друзья, и враги чередуются, верят:
 Что кому-то во благо — другому во вред.

Будто не было смысла минутою раньше
 Образцовое прошлое знать наизусть.
 Да, рассеянный снег не уляжется ровно,
 Но теперь это титры. Идёт — ну и пусть.

Страница автора
www.facebook.com/vertsvadim

Владимир Зюкин

Белгород

Девочка из Анжерки

Солнечно-рыжая,
ты мне в Камышенке
лучиком солнца была.
Гибкая, тонкая,
пением звонкая,
в память мою ты вошла.

Время отрадное...
Где ты, закатное
солнышко первой любви,
яркой, возвышенной,
сердцем расслышанной?
Где это? Где-то вдали...

Телефон молчит

Мало пожилых нас на сей мир глядит.
Друг не отвечает — телефон молчит.

Гóлоса не слышу, видно, вдалеке
Время... Наше время — волны на реке.

Говорят, не нужно прошлым жить. Но как,
Если раньше солнце, а в грядущем мрак?

Если ярким светом будоражил глаз,
Этот свет делился много-много раз?

А сегодня днём, да будто бы в ночи,
Позвонил я снова, телефон молчит.

Была ль со мной

Я строки посвящал тебе
в былых стихах.
Их скромный свет в твоей судьбе
пронзал ли мрак?

Читала ли их в тишине
хотя б порой?
Тянула руки ли ко мне?
Была ль со мной?

Лось

Легко он ранен; злоба тигра
взыграла в мышцах, полных сил.
Опасные затеял игры
стрелок, коль сразу не убил.

Сквозь чащу — слабую преграду —
лось станет за стрелком бежать.
На дерево не лезь, не надо:
зверь корни будет подрывать.

Он так же плавает отменно.
Роня пену с кровью, лось
бежит, бежит, чтоб непременно
убить, излив на жертве злость.

Июль 1941. Ромашки

Цвет красный у ромашки,
как будто бы горит,
военная фуражка
среди трав в крови лежит.

Бойцы вокруг молодые,
о, много тут солдат...
Защитники России
в крови вокруг лежат.

Цветов нет белых краше,
когда плетём венки.
Но нынче среди ромашек
бредут на Русь враги.

Серебро

Жжёт вьюга, жгут морозы —
суровая пора.
Осыпала берёза
крупицы серебра.

Но снова долгой ночью,
раскрыв сундук с добром,
мороз январский мощный
принёс в лес серебро.

Арман Комаров

Москва

Прощание

Ой, луна над тобой источает золото,
 Позади, мой князь, — Полота.
 У Москвы и Вильнюса зубы точены
 На тебя, любовь-новгородщина.
 Ой, зачем мой милый на сечь отправился,
 Вижу небо седое в багровых завесах,
 Засмеялись в лесах совушки,
 Ой, ворог напьётся любимой кровушки.

Ах, ночью темноокой
 Я выхожу из дома
 И жду ветров с востока
 Под вызревшей луной.
 За чёрною весной
 Уводит в лес дорога,
 Она мне незнакома.
 Там встреча ждёт с тобой.

И на вздетые ресницы
 Слетает пыль созвездий,
 И хочется молиться
 И выстенать строку.
 В серебряном логу
 Я вижу злые лица.
 Несёт дурные вести
 Кукушка на суку.

Скоро так, чтоб не думалось ни о чём,
 Ветром стать или стать ручьём,
 В Ладогу впасть, по полям нестись.
 Коль увидишь, то — перекрестись.
 За душу брать тишиной в три до,
 Быть лебедой да водой со льдом.
 И когда на небе смыкается клеть,
 Не сказать об этом, а лучше — пропеть.

Жизнь коротка, длинна дорога.
 М. Рантович

Отравлен ветер, зла позёмка,
 Она бежит вдоль городов,
 И неба мутная клеёнка
 Не дарит мне ни снов, ни слов.

О, как уйти от смерти к лесу,
 Увидеть сны, писать слова,
 Увидеть кедров муть-завесу,
 Чтоб не болела голова.

Пазлы памяти собирать...
 Помню брата, отца и мать,
 Мятный чай, шоколад в фольге,
 Кошку, льнущую вновь к ноге,
 Дачный домик, трескучую речь печи,
 Мамин фартук, мамины калачи...

...Рай — отчётливее теперь —
 Цветёт улыбками матерей.

Нет, не осталось боли —
 Только хмурая мутная тишь,
 Я стою посредине взгорий
 И чувствую — ты молчишь.

На угольном камне вмятин
 Больше, чем слёз в ручьях,
 Молчание хуже проклятий,
 Нашёптанных при свечах.

Дарья Кучеренко

Херсон, Украина

Сириус

В этой любви я — бессмертна,
 Как будто мы Кай и Герда,
 Как будто я бесконечна.
 И безмятежно, беспечно
 Волною перетекаю
 Между ни адом, ни раем,
 Простая, святая, нагая,
 И каждый раз, как Нагайна,
 В предвкушении близкой самадхи
 Я сбрасываю остатки
 Змеиной и старой кожи.
 Ты тоже.

Закат красив и тревожен,
 Почти невозможно.

Как будто мы вечно юные
 Кем-то были задуманные,
 Герои библейских историй.
 Как будто мы стали морем,
 Впадающим в океан
 Космических непостоянств.

Выйдем с тобою босыми
 В самом открытом космосе,
 Гулять по огненным звёздам,
 Как будто это так просто,
 Как будто это возможно.
 Сделай нас лёгкими, Боже,
 Направь нас в нужное русло,
 Пробуди великое чувство,
 И мы растворимся в нём.

Покажи наш далёкий дом:
 В созвездье Большого Пса,
 Отражается в наших глазах —
 Звезда — раскалённая, жаркая,
 Где течёт энергия яркая,
 Энергия жемчужно-белая,
 Я чувствую музыку тела —
 Такое престо и скерцо! —
 Мы — пламя вселенского сердца.

Сновидцы

Мне снился сон.
 Мне снился сон.

Мы птицами переродились,
 Взлетели ввысь.
 Проснись! Проснись!
 Нам сны такие снились,
 Что лучше всякой яви,
 Лучше всякой правды,
 Был на неведомом ландшафте
 Наш мир проявлен.
 Где говорили мы во снах —
 Там родилась моя душа.
 Не двигаться и не дышать.
 Вселенная отражена в зрачках —
 Густой галактик смог.
 Как наваждение моё!
 И целый мир увидел Бог,
 Когда вода текла ручьём
 Из наших звёздных глаз,
 Оставив острые следы.

А мы стояли у воды,
 И воды поглощали нас.

Святая всех святых

Быть перестану смертной,
Моя любовь — святая всех святых.
Я сердце открываю ветру.
И звёзды хлынули из ран моих.

И стрелы хлынули из ран моих,
Не достигающие цели,
И чувства наши на прицеле,
И смерть ликует в нас самих:

Не то безмолвствует, как правда,
Что очевидна и горька,
Не то глядит с улыбкой фавна,
Как Мона Лиза. А река

Бежит немислимо и быстро,
Свергая в бездну старый мир.
Мы не находим больше пристань.
Любовь, как вымысел, как миф.

Хвала! Хвала воображенью
За все усилия мои.
Я принимаю поражение
Из рук — ниспосланных — твоих

Каким-то высшим, бóльшим смыслом,
Которого мне не понять.
Любовь внезапная, как выстрел,
Как серп, вонзившийся по рукоять.

И от такой сердечной раны
Не выжить и не уцелеть.
Нездешний свет Альдебарана,
Как пепел, продолжает тлеть

На дне ночного небосвода, —
Благословляющий далёкий шар.
Любовь — Великая Свобода,
Любовь и есть наш высший дар.

Пока поют нам херувимы «аллилуйя»,
Сатурн судьбы вращает колесо,
И я умру от поцелуя,
Что в сладость превращает соль.

Моя любовь была как выстрел,
А смерть — святая всех святых.
Я обрела сакральный смысл,
И звёзды хлынули из ран моих.

Август

Расцветали ночью звёзды,
Августом пропитан воздух,
Предрассветною тоской.
Я — святая. Ты — святой.
Перед новым воплощеньем
Между смертью и рожденьем
Расцветали мы с тобой.

Танец яростный, как бой:
Ивы пляшут над водой.
Молнии взрезают небо.
Мне никто так близок не был,
И тебе — никто другой.

Нимб Луны над головой.
Небо выгнулось дугой,
Наполняясь облаками.
Свет искрится между нами —
Серебристо-золотой.

Ливень хлещет грозовой,
Пряча огненные звёзды.
Августом пропитан воздух
И нездешнею тоской.
Я — святая. Ты — святой.
Мы — небесное цветенье.
Между смертью и рожденьем
Расцветали мы с тобой.

Страницы автора

www.facebook.com/daria.kucherenko262

vk.com/daria.k.poetry

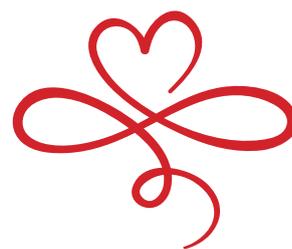

Анастасия Мельничук Минск

Муза художника

Вновь месяц ноябрь стоит на дворе,
Шарф шерстяной на банкетке,
Ливни приходят на смену жаре,
Не видно влюблённых в беседке...
Лежит на мольберте в дальнем углу
Набросок с ликом любимым.
И в мыслях художника ночью и днём
Образ невинный и милый.
Творческий в доме его антураж:
Свечи с аромамаслами,
Маки на блюде, воск и гуашь,
Птица на вазе с цветами.
Он занавеску слегка приоткрыл,
Чувствуя в сердце волнение,
Увидел до боли знакомую тень –
Своё роковое влечение.
Там на скамейке сидела ОНА
В шляпке из красного фетра.
Нежна, элегантна и в меру скромна,
Желанна и столь же запретна...

Давно между ними невидимый мост,
Разрушить который не в силах.
Хранит его чувства маленький холст,
Что виден в музейных витринах...

Встреча

Во Франции, в бывшем рыбацком посёлке,
Который зовётся сейчас Сен-Тропе¹,
Женщина, словно с журнальной обложки,
Вальяжно сидела в прибрежном кафе.
Кожа как глянec, красивые руки,
Скрыт под вуалью мечтательный взгляд,
На стройных ногах – старомодные брюки,
А раньше – сверкал эlegantный наряд.
В прошлом она танцевала в пуантах,
В цирке, что звался тогда «Шапито»,
И обладала бесспорным талантом,
Не мог в мастерстве с ней сравниться никто...
Она заказала блюдо из птицы,
Паштет фуа-гра и сыр камамбер,
А на десерт – профитроли с корицей,
Мокко-фраппе и пирог Тарт Татен².
Всё это принёс ей гарсон³, улыбаясь,
И прошептал очень нежно: «Je t'aime⁴.
За счёт заведения, прошу, угощайтесь...
Ты не изменилась, родная, совсем...»
Один только взгляд – и она обомлела,
Всплыла паутина обманов и слёз...
Простила давно, потому что любила
Того, кто однажды стал символом грёз.
Он молча вручил ей букет из пионов
И брошь небольшую с четой голубей...
Все эти года он жил только надеждой
Встретиться вновь с балериной своей...
Во Франции, в бывшем рыбацком посёлке,
Который зовётся сейчас Сен-Тропе,
Женщина, словно с журнальной обложки,
Сидела с мужчиной в прибрежном кафе...

¹ Сен-Тропе – прибрежный город на юго-востоке Франции.

² Фуа-гра, камамбер, мокко-фраппе, профитроли, Тарт Татен – блюда французской кухни.

³ Гарсон – официант.

⁴ Je t'aime (франц.) – Я люблю тебя.

Юлия Титова

Москва

Любовью белою обнявши...

Любовью белою обнявши,
Лежат снега.
Земля, себя зиме отдавши,
Во сне пока.

Бреду одна по пуху снега,
Мороз трещит.
Краснеют щёки, солнца нега
Не опалит.

Блестит покров, брильянтов россыпь
Мне режет глаз.
Покуда слякоть не испортит,
Зима у нас.

Зима — такое время года,
Когда душа,
Как вся российская природа,
В тиши дыша,

Проходит жизни осознанье
Не торопясь,
Слезами смыв свои терзанья,
В лицо смеясь

Всему, что было, есть и будет
За годом год.
В весну умчит, всё позабудет,
За поворот.

10 апреля 2019 г.

Мартабрь

Грущу...
Погода, серость, сырость...
В подушках с головой зарылась
В них солнце с небом позабылось.

Ищу...
Слова... а может, звуки,
Что мысль займут без муки скуки,
Глаза, а может быть, и руки...

Стащу...
Плед или одеяло,
Свечу зажгу, светлей чтоб стало
И чтоб на сердце полегчало...

Скажу...
В унынии толку мало,
И вот в душе заклокотало.
Прощусь с кем стало места мало.

Смогу...
Быть может, слишком много,
Границу преступлю порога,
И увлечёт собой дорога.

Вперёд...
Туда, где неизвестно,
Где незнакомо и прелестно,
Где счастье, смех, где снова детство...

11 марта 2019 г.

Страницы автора
www.facebook.com/julextitova
vk.com/public200469230

Я не всегда была зимой

Снежинка шепнула на ухо метели:
«Когда поседеть мы с тобою успели?
Вчера лишь родились, ни дня не болели
И всё ж с головы и до ног побелели».

Метель призадумалась, выть перестала,
Подумав немного, снежинке сказала:
«Ты помнишь рождение своё только сутки,
И в памяти жизни другой ни минутки.

Однако неправда за мыслью таится,
Лишь смелый завесу открыть не боится.
Рождение и смерть закрывают собою
Бессмертную душу и память порою.

Седы мы веками, давно поседели.
А помню весенней капелью мы пели,
Ручьями бежали, резвиться хотели
И паводком бурным весною ревели.

Дождями лились, ветром влажным свистели,
Совались везде, находя всюду щели.
Мы часто бежали и редко сидели
И под ноги наши тогда не смотрели».

Метель умилялась в подробных признаньях,
Как вновь проживала свой век, но в терзаньях
О том, что так глупо куда-то примчалась,
А самое важное в прошлом осталось.

«Тебе я, снежинка, скажу не стеснясь,
Что самое страшное в мире есть зависть.
Я помню так много, как мало ты знаешь.
Я вою с тоски, ты пушинкой летаешь.

Ошибок мы много тогда натворили,
Кто нас полюбил, мы того не любили.
Боролись напрасно, сдавались не поздно,
Мешали коктейли, хватались за звёзды.

Боялись, бывало, а всё ль мы успели?
Не видели чудной весны акварели,
Глухи были к летним звучаньям свирели
И сказочной осени джаз пролетели.

Куда привели нас сует карусели?
Скажу тебе, милая, в лужу мы сели.
Покуда на пляже на солнце потели,
Подёрнулись инеем зимние ели.

Мы стали постарше, но вряд ли мудрее.
Мы стали помягче, но стали ль добрее?
Нас жизнь словно мячик усталый кидала,
А всё мы считали, пора не настала.

Стремилась, бесились, лежали в сторонке,
Всё ели подряд, пили лишь самогонку.
Ненужным считали, бросали с ухмылкой.
И что же мы видим? Лишь хвост жизни пылкой.

В беспамятстве скрылись сосулек капли,
И в прошлом остались соловушки трели,
В полях колокольчики там отзвенели,
Мы радость свою впопыхах проглядели.

Пока друг на друга упрямо сопели,
Неслись день за днём, за неделей недели.
В любви неудачу с тобой потерпели
И бросить вину друг на друга посмели.

Так стали холодными мы и седыми.
Теперь можем добрыми быть или злыми.
Никто не завидует участи нашей,
Лишь я нахожу, что беспамятство краше.

Летаешь, безмозглая белая льдинка,
Тебя на ладошку взять можно, снежинка,
Растаешь, не вспомнишь себя, лишь заплачешь,
А завтра с вопросами снова прискачешь.

Я в снежной тебя закручу канители,
Поплакать удастся, быть может, метели.
Коль лучики лета души не согрели,
Умру, растворяясь в ближайшем апреле.

Судьбой мы похожи, конец у нас разный,
Была бы твоя амнезия заразной.
Тем горше мне срок отбывать в одиночку,
Забвенью предаю всё, что было, и точка».

7 декабря 2018 г.

Ирина Шумина

Екатеринбург

Капает за окнами изрядно.
 Дождь стучит назойливо во тьму,
 Громко, суетливо, заурядно,
 Скучно, видно, стало одному.
 А луна на небе затаилась,
 Спряталась среди мокрых облаков.
 Мне вчера любовь моя приснилась,
 А сегодня что-то не до снов.

Я тянусь сквозь ночь к любви навстречу.
 Так коснуться хочется плеча.
 Впрочем, я себе противоречу,
 Не сказать бы злое стгоряча.
 Наши ссоры — главная причина,
 Почему лишь свет луны со мной.
 Снова в паре женщина-мужчина
 Кризис разразился затяжной.

Ветер за окном качает ветки.
 Я ему машу в ответ: «Привет!»
 Звёзды как забытые монетки
 То и дело просят на свет.
 А любовь моя и знать не знает,
 Что живёт в душе любимый мой.
 Каждый вечер сладко засыпает
 Под аккорды проливных дождей.

Пусть конца и края нет печали,
 Слез не будет, солнца подожду.
 Вот и первый луч на одеяле
 Прекратил безмолвную вражду.
 Окна распахну. Войдёт в дом смело
 Небо в пене белых облаков.
 Что-то этой ночью отболело,
 Жаль, не развязало всех узлов...

Он сказал: «Бардак в душе творится!
 Мысли словно разрывные пули.
 Не из-за любви! Её крупница
 Затерялась... Видимо, смахнули.
 Или унесло её ветрами
 За моря в неведомые дали».
 Он искал, бродил в тоске кругами.
 Спрашивал: «Видали?»
 «Не видали!»
 Он сказал, что больше не поётся.
 Ноты знает, песни не сложилось.
 Сердце с переборами, но бьётся,
 Что ещё желать, скажи на милость?
 Вроде бы не беден — дом есть, дети,
 Умная жена, дела, заботы.
 Да, семья всегда в приоритете,
 Счастье набирает обороты!
 Но чего-то не хватает всё же.
 Кажется, что сделано полдела.
 Ненависть с любовью часто схожи —
 Не имеют точки и предела.
 Что-то разъедает душу снова,
 Не даёт задуманной отдачи.
 «Взгляда не хватает или слова?»
 Не ответил...
 «Ну, бывай, удачи!»

Потухшим взглядом провожал закат.
 «Душила» ревность и сжимались губы.
 Упавший в сумрак открывал свой ад.
 В нём выли скрипки и трубили трубы.
 В попытках стон из сердца удержать,
 Он ткань любви рвал в клочья от досады.
 И выпускал на волю мыслей рать,
 Где изменившей больше нет пощады.
 Линялым ситцем в дом вползал рассвет,
 А он смотрел в своё пространство муки.
 И словно видел: выключает свет,
 К другому тянет и лицо, и руки...
 Их поцелуй сжигал дотла его.
 И он кричал, кляня такую долю,
 Прося у Бога только одного —
 Дать сил простить и отпустить на волю.

В этот раз не осталось сомнений —
Это вовсе не месть злобных фурий!
В том, что в жизни полно искажений,
Виноват ретроградный Меркурий.
Виноват ретроградный Меркурий.
Мне жилось бы, как прежде, недурно
(У меня есть счастливая мантра),
Но вмешалось влияние Сатурна —
В мир не выйти теперь без «скафандра».
Я к астрологам мчусь ног не чуя:
Вы скажите, прошу, не томите:
Что не так ежедневно верчу я
На своей сокровенной орбите?
Мне астрологи дали советы,
Но душе моей снова тревожно.
Карта Таро удачная, где ты?
Без прогнозов хороших жить сложно.
Верю в знаки, в приметы все верю.
Год прибита подкова над входом.
В то, что счастье войдёт в мои двери,
Верю я всё слабей с каждым годом.
Да, сомнений всё больше! Привычно
Буду ждать лучший день на неделе.
Посижу, погрущу, как обычно...
Что ещё у судьбы на прицеле?

Бывает так, грустить не наш черёд,
Не наш черёд страдать от одиночества,
И Бог с небес свои щедроты шлёт,
И жить, любить и петь от счастья хочется.
Бывает так, что на душе разлад,
Обиды и дожди из неприятностей,
А каждый шаг вперёд, как два — назад
К случайностям теорий вероятности.
Бывает так, что в рамки ставит жизнь,
А мысли в даль несутся бесконечную.
И без мечты никак не обойтись,
В надежде на картинку безупречную.
Бывает, что реальность далека
От идеальной, как мы не стараемся.
Вселенная всё так же велика,
А мы у мониторов дурью маемся.
...Звездой сиять, дарить тепло любви
Хоть иногда мы всё же в состоянии.
Невидимые наши визави
Кивают в одобрительном молчании.
Симпатии на верной стороне.
Добро и зло — условные понятия.
А что напишут завтра на «стене»?
Надеюсь, про любовь, а не проклятия...

Включила, несмотря на злость, рассудок.
Не время верить ночи и луне!
Сказала: «Мне сегодня не до шуток!
Какое там вдвоём, наедине!»
Сказала как отрезала. Беседы
На эту тему больше не со мной!
И песни о любви все были спеты,
Пока хотела стать твоей женой.
Но больше не хочу! Устала! Знаю,
Обещанного по три года ждут.
А ты не обещал. Бегу к трамваю,
Сменившему привычный свой маршрут.
По рельсам жизни мой вагон хрустальный
Везёт мечты, заполнив пустоту.
Тот поцелуй воздушный — знак прощальный.
Тебя теряя, я себя найду...

Карты на стол веером.
 Вино из бокала на пол.
 Хрустнул каблук плеером.
 Пусть, так ему и надо!
 Масть, что ни глянь, пиковая.
 Метит в сердце ударом.
 Дама твоя червовая
 Станет твоим кошмаром.
 Мыслей лихую конницу
 Бьёт с неба туча градом.

В сердце моём звонницу,
 Ты одарил набатом.
 Заново Богом наказан
 Подарком из лжи и боли.
 Бантом красивым завязан
 Мешок с новым пудом соли.
 Ешь сколь душе угодно!
 Нравится коль, досыта!
 Стала теперь свободна.
 Знай, твоя карта бита!

Прошмыгнул куда-то в угол
 Полосатый кот.
 За окном гроза упруго
 Ливнем город бьёт.
 Молнии, раскаты грома
 Разрывают тьму —
 Состояние знакомо
 Сердцу моему.
 Гонит ветер цвет сирени,
 Топит в сотнях луж.
 Мне хотелось впечатлений,
 А не с неба душ!
 Кот забился глубже в угол
 И не кажет нос.
 Мир моей души испуган,
 Чувства под откос.
 Понимаю, что тревога
 И печаль пройдёт.
 И зачем искать предлоги?
 Жизнь идёт вперёд!
 Тучи скрылись с горизонта,
 Солнечно теперь.
 Кот с невидимого фронта
 Вышел без потерь.
 ...Улыбнись в окно проходим,
 Своему коту.
 Надо думать о хорошем!
 Счастье, жди! Иду!

За окном тягучий, нудный дождь.
 Солнца нет, и нервы на пределе.
 Говорят, ты больше не придёшь.
 Почему? Ну что ты, в самом деле!
 Говорят, сорвалась по весне,
 Улетела снова за границу,
 А в моём позавчерашнем сне
 Мы вдвоём заказывали пиццу
 И смеялись, спорили всерьёз,
 Кто кого переиграет в карты.
 Я, целуя прядь твоих волос,
 Выходил за рамки и стандарты.
 Было всё, что так давно желал,
 Только сон исчез в лучах рассвета,
 А моих эмоций бурный шквал
 Наяву остался без ответа.
 Непривычно... Сообщений нет.
 И в сетях нет фотографий новых.
 Я скучаю... Это ли не бред —
 От тебя жду голубей почтовых!
 Проверяю чувства на разрыв.
 Нет, не рвётся! Крепкие «канаты».
 Дождь всё так же нуден и тосклив.
 И слышны далёкие раскаты...

Наталья Ядохина

Миасс, Челябинская обл.

Плен желаний. Антология чувств

Давно пора из прошлого шагнуть
И волю дать немеркнущим рассветам,
Но как промолвить смело Вам об этом,
Как холодом не ранить Вас ничуть?

Позволь же, небо, душу сохранить,
Из лунных рек живой воды напиться...
Не сгинуть и из пепла возродиться,
На крыльях в поднебесье воспарить.

Любовь или искусная подделка?
Огонь страстей — затишье — перестрелка...
Лишь время даст ответ в урочный миг.

Судьба расставит на места все точки,
Расправятся колдобины и кочки,
Дорога станет быстрой напрямик.

Эпилог

На меньшее я счастье не меняю,
Спасаясь чудом и бреду по краю,
В плену желаний Бог и Вас храни...

10 декабря 2020 г.

Неизбежная радость

Мы встретились, и это не обман,
Не сон и не пустое наваждение.
Любовью излечились мы от ран
Всей жизни за короткое мгновенье.

С тревогою в задумчивости грёз
Хранили силу чувства год от года.
Как часто задавали мы вопрос:
Зачем мне без тебя моя свобода?

Как долго ждали встречи мы с тобой
В запутанности жизненных инерций.
Одарены мы щедрою судьбой
В молитвах, мыслях вместе быть и в сердце.

Печали все упрятались в туман
В объятиях восторженности нежной.
Мы встретились, и это не обман,
И радость стала долей неизбежной.

4 декабря 2020 г.

Синий сапфир любви

Сегодня с волшебством веду беседу,
На полном красок жизни полотне
Рисует Ночь-Индиго путь к рассвету —
Пейзаж сближенья душ наедине.

Игривый снег на ветках серебрится,
И полночь спит в хрустальной тишине.
Восторженность взлетает синей птицей
В ночную высь к Божественной луне.

Гляжу на звёзды, словно в милом детстве
Рассматриваю море красоты.
С потоком грёз мечтательных в соседстве
Уходит грусть холодной пустоты...

Весь космос из прозрачных соткан капель,
В зеркальных гранях всплывает мир.
Любовь земную дарит нам Создатель,
Как чистой синей нежности сапфир.

22 декабря 2020 г.

Лариса Агафонова

Москва

Лидочка

Лидочка горько плакала в сестринской. Опять эта капитанша забрала себе приработок. И ведь оборачивает всё так, как будто заботится о ней, о Лидочке. Только почему бы ей не вспомнить о своей «заботе», когда она ночные смены распределяет.

Нонке, своей протеже, долговязой костлявой перезрелой девице с гонором, как хобот у слона, ставит ночные дежурства от силы дважды в месяц: не может эта фифа по ночам работать, голова у неё кружится от недосыпа, видите ли. Чего тогда в медицинское училище пошла со своей головой? Сидела бы где-нибудь бухгалтером (цифры у неё в голове, кстати, гораздо лучше приживаются, чем названия новых препаратов для инъекций). А Лидочка не меньше двух раз в неделю дежурит: может не может, а выходит.

Лидочка в медицину влюблена. Давно и навсегда. И рука у неё лёгкая, не то что у некоторых. Так, как она, уколы и капельницы в отделении никто не ставит. И вену всегда находит, и колет не больно, и шишек-синяков не остаётся. Немудрено, что больные к ней в очередь выстраиваются.

А те, кому дополнительные инъекции назначают — продолжение лечения после выписки, Лидочку просят на дом к ним приходить. Она с удовольствием хватается за каждый новый заказ: деньги в их с сыном маленькой семье вовсе даже не лишние.

А эта?! Алиса Капитоновна, (коллеги за глаза капитаншей зовут) уши держит на макушке, антенны (две толстые косы, баранками закрученные с двух сторон головы) держит включёнными, и, как только пациент к Лидочке с просьбой, старшая медсестра тут как тут: «Лидочка у нас мать-одиночка, некогда ей по адресам разъезжать, домой она после работы спешит. Пожалейте Лидочку. Вот Нонна свободная девушка, она может к вам в любое время приехать. И даже в рабочее, если очень нужно будет, — сладко улыбается капитанша, — отпущу её к вам на укольчик».

И смотрит на Лидочку так, что та и не смеет возразить. Как возразишь, когда капитанша всё отделение под себя подмяла. Главврач — и тот под её дудку польку пляшет. Умеет Алиса Капитоновна льстивые речи говорить, умеет всё в свою пользу оборачивать. Алиса и имя своё оправдывает.

Отбирает крохи, которые Лидочка могла бы заработать. Не всегда, к счастью, ей это удаётся. Больные тоже не дураки. Те, кто не в первый раз, Нонку знают, и руку её тяжёлую на себе испытали, шарахаются теперь от услуг горе-медсестры. Тихонько с Лидочкой договариваются. Но как противно это: скрываться, тайком телефон свой писать. Но ничего не поделаешь. Жить-то надо.

И вот сегодня Лидочка так надеялась на подработку: новому пациенту десять капельниц выписали и уколов на две недели расписали. Можно было к Новому году сынишке, Ванечке, на хороший подарок заработать. Лидочка уже размечталась, но зря. Капитанша перехватила выздоравливающего. Он глазами хлопает: мол, мне всё равно, кто будет делать. Ну а раз всё равно, значит — Нонкин выход.

Тут плачь, не плачь, а надо идти работать. А то капитанша начнёт ехидно интересоваться, уж не из-за кавалера ли наша Лидочка всхлипывает. Какие кавалеры, когда в голове только сыночек ненаглядный, работа на полторы ставки и вечный вопрос: «Как свести концы с концами?» Не до романтических отношений, не до лирики.

Да и не лежит ни к кому Лидочкина душа. Сколько ни пытались молодые врачи и пациенты к ней подкатывать, сколько ни приглашали на свидания, цветами одаривая и шоколадками, в ответ Лидочка лишь мило улыбается и смущённо отказывается. Никто не обижается. На Лидочку вообще сложно обидеться: всегда приветлива, корректна с персоналом и больными; если нужно, поможет, если срочно, подменит.

Никак Лидочка не выбросит из сердца Ванюшиного папу. Крепко влюбилась она тогда, шесть лет назад, в Егора, молодого талантливого хирурга, привязалось к нему сердечко толстой ниткой, и не перерезать её, не разорвать. А Лидочка и не думает об этом. Некогда ей размышлять да нюни разводить. Конечно, когда она вернулась с летних каникул и узнала, что хирург больше не работает в больнице, где Лидочка практику проходила, она была в растерянности.

Она с Егором перед отъездом повздорила. Он приревновал её к симпатичному медбрату, который активно ухаживал за Лидочкой. А девушка возьми и скажи: «Ты вот скрываешь наши с тобой отношения, мы прячемся по углам, домой вместе не уходим, утром разными дорогами в больницу добираемся, чтобы никто не подумал, что ты пользуешься служебным положением. Вот и ухаживают за мной другие. Я ж с виду свободная». Егор вспылел, Лидочка обиделась. И уехала домой, на каникулы. Когда вернулась, Егора перевели на повышение в областной центр. Лидочка осталась одна. Ну как одна — с Ванечкой в проекте.

Она, может быть, и стала бы разыскивать любимого, да только девчонки медсёстры как-то в разговоре вскользь упомянули,

что Егор вроде бы шуры-муры с докторшей одной закрутил. Правда или нет, но гордости Лидочке было не занимать. Позвонила родителям, без утаек рассказала правду. Родители у неё хорошие, душевные. Всё поняли и не ругались, не возмущались, как у одной из Лидочкиных подружек: её, когда она без замужества забеременела, родители скоренько на аборт отправили, мол, нечего безотцовщину плодить. А Лидочкины мать с отцом в один голос заявили: «Будешь рожать и точка. Чем сможем, подсобим». Одной ведь не выдюжить: последний год в училище, экзамены.

Мама приехала на месяц, когда Лидочке пришла пора рожать. Сидела с Ванечкой, пока дочка экзамены сдавала, а потом забрала обоих домой, в деревню.

Лидочка год в декрете продержалась, изредка массажи односельчанам делала и уколы ставила. Только хотелось настоящей работы, практики медицинской, чтобы в настоящей больнице. У них-то в деревне даже фельдшерский пункт закрыли: проверяющие приезжали, документацию изучили и сказали: «Не рентабельно». А куда прикажете хворым старикам деваться, которые в больницу, что в соседнем посёлке, не доедут: не на чем, да и сил нет?

Лидочка, когда в училище поступала, мечтала, что потом в институт пойдёт, офтальмологом хотела стать, зрение людям возвращать. Да что уж теперь... Куда ей с маленьким ребёнком в институт? Это ж вам не заочное обучение, не дистанционное. Медицина — дама капризная, впускает лишь тех, кто ей верой и правдой служить намерен, кто до доньшка себя отдаёт.

Так что Лидочке была одна дорога — работать. Тётка, сестра мамина, позвала к себе в город, от их деревни недалеко, в тридцати километрах. У них больницу новую построили, места рабочие образовались. Лидочка и поехала. Взяли её медсестрой в травматологию, комнатой в семейном общежитии обеспечили, сына в детский сад помогли определить.

(Продолжение следует)

Вячеслав Злобин-Алтайский Барнаул, Алтайский край

Сквозь архаизмы истории

1. Художественное мышление как основа миропонимания

Особенно остро вопрос изучения национального характера перед российской интеллигенцией поднимался всегда в периоды крутых переломов отечественной истории. Писатели, историки, политики с отчаянным дерзновением время от времени предпринимали попытки понять, раскусить суть, вскрыть побудительные мотивы поступков загадочного великоросса, очертить для современников и потомков хотя бы бледные контуры будущего России. На переломе эпох стоим и мы, и не грех об этом нам порассуждать.

При чтении того или иного литературного произведения я как бы автоматически, подсознательно разделяю художественные достоинства его, идею произведения и связанное с ней мировоззрение автора.

Да, художественные достоинства произведения представляют собой как бы эстетическую составляющую от его це-

лостного восприятия. Эстетическая грань произведения — это категория, включающая в себя многообразный ансамбль звуков, мелодий, красок, относительно легко улавливаемых, отчётливо различимых и видимых, как айсберг над водой. Подводная же его часть сокрыта, не очевидна. Её не всегда просто увидеть, распознать, очертить её контуры в своём воображении. Душа авторов, литературные образы, как проводники идей, культуры мысли — это и есть тот предмет, который меня в данный момент занимает.

Подводная часть айсберга несёт в себе во многом не разгаданные тайны мировоззрений, авторских утопий и истинных порывов души. Я задумываюсь над логикой мышления нашей интеллигенции, иногда — над логикой обычного маленького человека. И убеждаюсь в том, что они несут в своих мыслях не какие-то осколки человеческого разума, а как бы автономно выражают некий символический смысл стержня русской идеи.

Не исключено, что в сельском жителе-бездельнике или в молчуне-работяге заложена искомая суть русского характера, его яркое и выпуклое отражение. И, изучая его, нельзя пренебрегать этим очевидным фактом.

Однако судьба русского народа, по-моему, больше вяжется с понятиями интеллектуальными, и судьбу эту вершит государственная элита власти и интеллигенция. Ведь она, интеллигенция, непрерывно подпитывает власть своим богатейшим творческим потенциалом, своим специфическим национальным разумом, с корневой и глубинной народной ментальностью.

Так как русская интеллигенция является эталоном образованности, непрерывно вращается вокруг власти, порой присутствует в ней и наряду с этим произрастает из народной глубинки, то только она и составляет фундамент этого государства. Она соединяет как бы два связующих звена властной пирамиды — её вершину и основание. Только она наиболее выразительно

отражает всю необъятную масштабность и контрастность русского характера, в полной мере несёт этот тяжкий крест на себе.

Знаменитая тютчевская фраза гласит: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить. У ней особенная статья — в Россию можно только верить!» Вот здесь-то и заложен камень преткновения для попыток любого исследования, безбрежной и во многом парадоксальной души русской. Этой могучей крылатой фразой легко объясняются все неурядицы трудной, апокалиптической судьбы России.

Однако если отбросить поэтический пафос её, то на поверхности останется суровый приговор русской интеллигенции. Вера во что угодно заменяет реальные дела её, а мысль становится бедным пасынком, отринутым в дебри пустого безразличия. Искать воплощение реальных идей в жизнь — это не призвание русской интеллигенции в большинстве своём. Её призвание — продолжать мучиться, искать всё новые и новые иллюзии, веру, надежду, любовь и... успешно подменять потенциальное достоинство своё мыслить и делать неизменным и опустошающим всякую мысль пустословием. Романтической особенностью склада души являются свойства оторванности от земли, витание в облаках, нежелание опуститься на землю и страх перед тяжестью её реалий.

В связи с вышеизложенным я постараюсь поразмышлять над, казалось бы, тривиальными вопросами, отличающимися в постановке своей стремлением к разумному осмыслению явлений и утверждений, на первый взгляд, запутанных и странных.

Например, почему один известный провинциальный поэт провозглашает в своей лирике всему миру алогичное открытие, что он стал умным, когда начал по жизни ходить дальним окольным путём? Почему один выдающийся современный киноактёр и режиссёр с большой буквы умиленно заявляет, что «жестокая правда без любви есть ложь»? Почему в России нет ни одного человека, который бы не поклонялся

А. С. Пушкину, хотя по идеологии восприятия жизни, возвращённой на европейской философской мысли, культуре и в тяге своей к свободомыслию он в этом скорее чужд многим русским? В чём заключается логика подобных парадоксов?..

Итак, известный барнаульский поэт Владимир Башунов опубликовал поэтическую книгу, и одним из самых показательных мировоззренческих достоинств этой книги критика выделяет такое четверостишие:

*Пусть не легче, да привольней,
Пусть не ближе, да верней...
Выбираю путь окольный —
слава Богу, стал умней!*

Художественные достоинства его несомненны. Однако, в данный момент важно мировоззрение, безусловно, чудесного поэта. Более того, соглашусь, что это его поэтическое перефразирование народной мудрости: «Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт».

Ещё выдающийся русский историк Ключевский заявлял, что «великоросс больше осмотрителен, чем предусмотрителен, он задним умом крепок... Природа и судьба вели великоросса так, что приучили его выходить на другую дорогу окольными путями. ...Он мыслит и действует, как ходит». В чём же заключается достоинство зрелого человека, если он долго блудит, набивает себе шишки, а потом ему кажется, что он стал намного умнее. Это скорее самоуспокоение, оправдание действий несмышлёного дитяти, открывающего для себя мир с чистого листа. Ум взрослого же человека — это несколько другое измерение. Хотя можно и опять возразить — «век живи, век учись». Умнее, скорее, тот, кто и шишек меньше набивает и короче ходит! Думаю, что способность человеческого ума не витиеватостью своей ценна, а всё же рациональностью.

Или возьмём милое сердцу соотечественников высказывание: «Жестокая правда без любви есть ложь». То есть правда на Руси

бывает разная?! Я-то по своей простоте душевной думал, что правда, она как истина — Божественна, стационарна, неизменяема. На поверку оказывается, что в России она может быть не только с разными оттенками, но ещё и ложью?! Стремление к словесной эквилибристике, к художественному эффекту порой неузнаваемо трансформирует логику, правду. И это, вероятно, наш удел. Человек — царь и Бог — всё ему подвластно. Твори правду и истину, если она удобна тебе и эффектна. Нет в мире ничего более священного, чем ложь во имя Царства Любви?! Чтобы возлюбить ближнего своего, надо лгать ему?! Или наоборот!.. Это же некий цинизм художественной мысли?

Один русский философ был точнее нашего выдающегося современника Михалкова. Он, не изобретая велосипеда, с горечью и прямо сказал: «правда бывает, мучительна» и сказанная она даже во имя любви стоит ближе к истине, не чурается солоновато-горькой юдоли своей. Сладкой правда может быть как исключение из правил — ложь сладка всегда!

Из этих примеров можно сделать вывод. Этот сплав художественного понимания действительности и мировоззрения и есть дуализм восприятия мира великороссов. Для мировоззрения — это слабость, для поэзии и художественного творчества — это сила.

В случае с Пушкиным прослеживается всё та же параллель — слушать мелодию поэтических муз, очаровываться ею, но не всегда понимать их смыслы. Плутать между двух берёз — это нормальное состояние великоросса... Есть ли в России критики Пушкина? Точно скажу — нет. Любой русский свернёт тебе шею за него.

Магическая красота его поэзии, неисчерпаемая глубина её и таинственность этих глубин очаровывают русскую душу. Ведь она сама такова — душа-то русская! Красивая в своей первозданности, чуть ли не в первобытном своём облики, загадочно глубокая и непостижимая. «Там русский дух, там Русью пахнет!» — афоризм,

пронизывающий красной нитью всё творчество великого поэта. Да, Арина Родионовна, крепостная няня в семье Ганнибалов, заложила крепкую основу в развитии его экзистенциального восприятия мира. Но в развитии его душа была больна свободой, она как бы выше метафизической свободы. Она между двух огней, жгущих его всю жизнь — свободы во Христе и свободы Разума. И по духу он певец всех Свобод — он универсален!

Да, Пушкин певец свободы, независимости личности и прогресса. Это не ново. Но далеко не все это осознают. Неудивительно, что полчища рьяных противников любого прогресса, ретроградов неистово клянутся в своей любви к Поэту всех времён. Их можно понять, так как он многогранен, и они находят своё упоение в музыкальной составляющей его дара. То же, что душа его принадлежит торжеству Света, свободе Разума, — мало их занимает...

В своих примерах я намеренно использую людей творческих, но порой полярных по уровню восприятия жизни, идеологически отличных друг от друга. Условно — от славянофила до либерала. Несмотря на их различия в мировоззрении, есть у них безусловное единство. Объединяет их творчество — они большие художники слова!

В американском фильме «Суррогатная мать» художник наставляет свою коллегу: «У тебя логика и разум доминируют в творчестве... В художественном произведении всякая логика должна отсутствовать». Безусловно, в художественном творчестве немаловажную роль играют такие составляющие, как фантазия, образность, таинственная загадочность, иррациональность и стихия чувств. Но если этот набор эмоциональных величин отвязывается от идеи произведения и от движения мысли автора, то произведение выглядит, по крайней мере, безумным.

Отталкиваясь от вышеизложенного, нельзя не признать, что безумие в нашей обыденной жизни и составляет стержень

мироздания. Российская действительность — она как бы действует в фарватере творческого сознания. Наша действительность не может быть отдалена от преданий, сказаний, небылиц и даже сплетен. Мышление наше подчинено, похоже, законам творческого восприятия мира, а потому все мифологического происхождения вышеперечисленные эмоциональные категории управляют нами и подавляют в нашем сознании любые логические схемы.

2. Великие поиски русского пути

Либерально мыслящих людей в России, мягко говоря, не понимают или превратно толкуют. Но любят все Пушкина, Тургенева, Лескова, Бунина и др. Достоевский был и остаётся суров к либералам. Они в его понимании были людьми пустыми, не имеющими своих убеждений, философии, а лишь слепо следующими образу жизни и идеям западной цивилизации. И если это оценивать с позиции таких релятивистских суждений, то напрашивается вывод — либерализм инородный прыщ на чистом теле российской мысли...

Это мнение русского философа успешно проецируется и на прошлое и на настоящее. У нас к мнению великих вождей трепетное отношение. А он был и остаётся несомненным вождём не просто в русской литературе, а недостижимым апостолом идеологии высоконравственной, небесной, но, к сожалению, неземной — идеалистической опять же.

Отчего же очередная оригинальная утопия так легко легла на почву русской романтической души? Не от того ли, что почва была подготовлена всей историей своего формирования души на протяжении веков и с вожделением ожидала своих вдохновителей. Незримая русская ментальность и новая благая утопия — это идиллическое венчание алчущих друг друга явлений. Русская идея не приемлет либеральный рационализм, логическое мышление, но безбрежно много места

уделяет противоречивой сути души, российскому дуализму.

Теория славянофильства утопична так же, как русская душа, устремлённая как к религиозной, так и к языческой мифологии. Бесконечной широте души присущи аскетическое самоистязание и в то же время безбрежность желаний. Она восприимчива к различного рода утопиям, и в этом роковой трагизм её. По тем же причинам в XX веке она сполна вкусила дьявольский плод уродливого «западного коммунизма», то есть атеистической утопии новой формации! А в конце века народ вновь вышел на стайерскую дистанцию в поисках новой утопии. Но всё новое — это хорошо забытое старое.

Расхождение в принципиальных подходах к культурным традициям западной цивилизации, особенно естественное недоверие к многовековым корыстным устремлениям Запада по отношению к богатым ресурсам России, создаёт прецедент метания общественной мысли и народной души в лихорадочном испуге меж двух цивилизаций.

Марксистская цивилизация успешно канула в Лету в России и во всём мире. Либеральная цивилизация чужда нашей душе своим индивидуализмом, рациональностью помыслов, подчинением духовной жизни внешним обстоятельствам — «отпадением от Бога».

И вот наша российская интеллигенция стала нащупывать тот третий путь, что витает в умах и сердцах русского мытаря второе столетие. Ему близки по духу общественные скрепы, положения о том, что «идеал народа есть Христос», что свобода, равенство и братство во Христе и составляют душевные чаяния народа, его тягу к социализму христианскому.

Его духовный вождь Достоевский отвергал саму природу парламентаризма, а основой государственного устройства утверждал самодержавие. Только через него можно было осуществить мечту о государстве — Церкви!

Самодержавие современникам чуждо, но есть заменитель его — авторитаризм. И вот два взаимозаменяющих созвучия ассоциативно вылились в идею царствия коллективизма, равенства и братства — соборность! Так склонны именовать новые общественные отношения в идеале. Хотя следует отметить, что основоположник славянофильства Хомяков понятие соборности формулировал как органичное сочетание свободы и единства, в чём отлична православная церковь от католической и протестантской.

Сторонники социализмов, атеистического и христианского, смешали всё в кучу, заблудились в достижении реальности целей, что и потребно русской душе. И блудят они окольными дорогами, и христианство и его идею по своей сути забыли, а вместо него вооружились беспочвенным атеистическим цинизмом и откровенным национализмом.

Но даже если бы нашлась в современной России сила, способная претворить славянофильские идеи в реальную жизнь, что бы мы могли иметь в будущем? Думаю, что экономический результат славянофильства был бы аналогичным марксистско-ленинскому — убогая и нищая Россия.

Авторитарное устройство, как правило, противоречит принципам сочетания свободы и единства, так как является носителем подавления любых свобод. В свою очередь это приводит к потере человеком индивидуальности, предприимчивости, деловых качеств, выхолащивает инициативу. Таким образом, облачив свободу в чёрную паранджу несвобод, сторонники самобытного пути развития страны мечтают выпестовать из идеи Соборности расплывчатое и нищее лицо народной покорности. Но есть и другая грань подобных иллюзий — агрессивность. Ещё Сергей Булгаков отмечал, что «в мрачную эпоху бюрократического деспотизма славянофилы вымирают и заменяются черносотенными хулиганами, погромщиками, “исконно русскими” людьми».

В погоне за нравственным идеалом сторонники славянофильства забывают о важной составляющей человеческой жизни — экономической. А экономика и свобода связаны меж собой крепкими узами. Вести монашеский образ жизни, искать свою Голгофу — это в высшей степени похвально, но это удел глубоко и безропотно верующих. Государство исключительно по этим принципам жить не может. Внешние обстоятельства, незащищённые монастырём, заставляют в той или иной степени «отпадать от Бога», потому как законы Божии идеальные, благие, а экономические же законы неумолимые и часто просто жестокие по своей природе. Если неукоснительно следовать православным канонам бытия, то, несомненно, нужно отречься от жёстких экономических законов, оберегать свою кристально чистую душу от всякой скверны. Но при этом и жить по-монашески, и ждать подачек от кормчего! Вот остов русской идеи, навязываемый нам славянофилами. Достоевский сокрушался и утверждал: «Что в том благосостоянии, которое достигается ценою неправды и сдирания кож?.. Да, конечно, можно проиграть временно, обеднеть на время, лишиться рынков, уменьшить производство, возвысить дороговизну. Но пусть, зато останется здоров организм нации — нация, несомненно, более выиграет даже и материально...»

Итак, «религиозное нутро народа» направлено на поиск «соединения людей во Христе»! Этот созерцательный поиск ставится выше во сто крат деятельного — мечты и грёзы о земном рае, о Царствии Небесном на земле! Мнение великого мыслителя показательно, ибо расчёт на идеализацию человека, на духовное исправление всего народа в отдельно взятой стране мира — это и есть один из стержневых посылов великой утопии.

Но если славянофилы и, в частности, наследник их идей Достоевский стремились к высшему духовному идеалу и к жестокосердной экономике боялись прикоснуть-

ся, то атеистические устремления коммунистов-ленинцев намного приземленнее и экономически последовательнее — экспроприировать и поделить. То есть прийти к духовному возрождению через вырождение традиций!.. Заменить Бога даже не на заместителя, а на дьявола!.. Обе эти концепции «развития» страны несостоятельны по меркам самодостаточности человеческих интересов, по поиску возжеланной истины...

Стержневая основа любого цивилизованного государства лежит в области унификации идей, вдохновляющих народ на процветание, безбедное существование и, как не парадоксально будет звучать, — «не отпадением от Бога»...

Идеалистические теории славянофильства, «социализм механический, атеистический» — это утопии одного порядка, нарушающие единство двух животрепещущих начал — духовную свободу и свободу экономическую. В муках нищеты и бездействия «организм нации» здоровьем не прирастёт. Всё же дорогу осилит идущий... Ведь принципы истинного положения понятий не могут быть односторонними, не могут по предпочтениям заваливаться в одно из множества равновеликих русел. Не потому ли жизнь усечённая, ущербная и мученическая преследует нас. Потому что кривобокая истина не может быть корабельным вождем, лоцманом в безбрежном океане наших предрассудков.

3. Рабство и свобода

Станным, на первый взгляд, выглядит закономерность в истории нашей страны, когда народ, в той или иной степени обретая свободу, вскоре захлёбывается в ней и успешно теряет её. Закономерность для России роковая и фатальная.

Романтические брожения мистического масонства времён Александра I привели страну к удушливой и реакционной политике Николая I. Освобождение народа от кандалов крепостного права Александра II

привело к завинчиванию гаек самим императором-освободителем и к дальнейшему экономическому застою при сыне-миротворце. Экономические и политические реформы Николая II обернулись для страны революцией, а свобода буржуазной республики мгновенно утонула в потоках крови коммунистической диктатуры.

Свобода — это как маяк русской извечной мечты о счастье и справедливости, маяк, мерцающий в туманной предрассветной дали, зовущий, пленяющий своим загадочным озарением и таинством. Но как он обжигает и слепит наши романтические взоры и порывы при приближении к нему. Душа вылетает вон, прикасаясь к его осеняющей правде и, вволю порезвившись, разнузданная и раздрызганная беспечной вольницей, с болезненным ужасом возвращается восвояси, подальше от обжигающих страстей, к покою и летаргическому сну.

Но стремление к покою оборачивается для народа всегда очередной разновидностью рабства. Крайние проявления рабства и свободы и определяют философию российского догматического мышления.

Эсхатологическая сущность и мессианское сознание — это неотъемлемые спутники российской души.

В эпохи великих смут, разорений и неурядиц апокалиптическое сознание становится венцом народного бытия. Жизнь подчиняется крайним проявлениям упадочности, катастрофичности, ожиданием прихода конца света. Предтечей великих потрясений изыскивается Антихрист и всё народное негодование, все силы воспалённого народного самосознания выплёскиваются на непримиримую борьбу с этим дьявольским мессией.

Когда же жизнь народная становится умиротворённой, тихой, полусонной, появляются пророки и видят в мессианстве великое предназначение нации. В этом элементе отводится роль России как носительницы и хранительницы истинного христианства — православия. Они себя считают, как и евреи, избранным народом,

практически Богочеловеками. В атеистической России всё это заменяется самобытно понимаемым патриотизмом. А величие державы всегда воздвигается на высокий постамент истории.

И всё бы ничего, но не придаётся значения тому, что страна Великая — это не факт, что экономически сильная, а Великая — это пока только географическое понятие, просто синоним — большая. Не придавать значения экономической основе государства, по крайней мере, безрассудно.

Непременные спутники жизни — величие и катастрофичность, на протяжении веков генетически диктовали русскому характеру потребность в полярном, профетическом восприятии действительности. Ореолы дуалистического мышления порождали тягу как к свободе, так и к рабству. К тому же к свободе неосознанной, к рабству безысходному, но добровольному.

В романе Лескова «Очарованный странник» есть показательный диалог (человека, которого считают «солью земли нашей») русского богатыря Ивана Северьяновича с попутчиками. «— Полюбили вы монастырскую жизнь? — Очень-с; очень полюбил, — здесь покойно, всё равно как в полку, много сходственного, всё тебе готовое: и одет, и обут, и накормлен, и начальство смотрит и повинования спрашивает. — А вас это повинование иногда не тяготит? — Да чего же-с? Чем больше повиноваться, то человеку спокойнее жить, а особенно в моём послушании и обижаться нечем... исправляю свою должность по привычному, скажут: “запрягай, отец Измаил” (меня теперь Измаилом зовут), — я запрягу; а скажут: “отец Измаил, отпрягай”, — я откладываю».

Жизнь вольная приносит много неудобств: самостоятельного мышления, ответственности, трудолюбия, а часто мечтательный, устремлённый в грёзы о прекрасном грядущем человек наш этими качествами далеко не всегда обладает, а потому вынужден попадать, как правило, в чудовищные условия существования. На волне апокалиптических предчувствий

спасение он ищет в подчинении сильному, более надёжному укрытию. Он тянется под лоно артели, коллектива, либо к службе в огромной чиновничьей рати. Потому общинность, коммюнитарность, патернализм — преобладающие устремления в народе. Желание иметь хозяина над собой приводит к добровольному рабству. С лёгким, но озлобленным сердцем идёт он в него и в дальнейшем терпеливо несёт свой тяжкий крест по жизни, раздражённо и путанно размышляя о смысле своего существования, об истине, о Боге и величии народа. Это состояние души может продолжаться десятилетиями, но до тех пор, пока жизнь вновь не покажется чудовищной от беспросветного рабства, от разнузданности хозяев.

Рано или поздно свобода обретается. Она лелеема в мечтах, она выстрадана всей жизнью в неволе. Но что-то удивительное происходит с рабом, обретшим вольницу. «Достоинство личности отсутствует в духовном рабе... Да, освобождение снимает вековые скрепы, но на месте свободного и разумного гражданина, которого ждёт общество, появляется что-то неожиданное, неразумное, дикое: хищник, сорвавшийся с цепи». Так Лев Аннинский в книге «Три еретика» передаёт душевную боль прогрессивной русской интеллигенции XIX века.

Характер народный вырабатывается многовековой неустроенностью социальных отношений, где глухота и слепота власть предержавших всегда низводили своих подданных до состояния ущербного.

Феномен вольного казачества, странничества и бродяжничества на Руси неслучаен. Двойственное состояние народа — рабство и воля — это национальная особенность. Васька Буслаев, Стенька Разин, Емелька Пугачёв — это порыв к свободе беспредельной, протест ущемлённых и растоптанных властью рабов.

Сила власти породила народную стихию, и мятущийся в грехах своих народ, не зная устроенности быта, искал долю в крайних проявлениях: негодуя, бунтуя,

смиряться. Таким же образом и власть от крайностей произрастала и ими управлялась.

Признаться нам следует в том, что власть проистекает, даже царская, не из небытия, а из народа. Она неотделима от национального характера — это спрут, опутывающий народную душу и произрастающий из неё. Даже Екатерина II — дочь прусского фельдмаршала, а по матери родня скандинавских королей, стала великой русской патриоткой, приняла всей душой православие, правила на благо государства Российского.

Нарождение русской философской мысли первой половины XIX века, казалось, способствовало тому, чтобы отыскать в становлении России оптимальный путь развития без внутренних катастроф, без жестоких переделов внешнего уклада жизни. Даже два, впоследствии непримиримо противостоящих друг против друга, течения славянофилов и западников зарождались совершенно мирно в кругу друзей, в атмосфере уважительной полемики. Чернышевский сказал об интеллигенции 40-х годов: «Они принадлежат к числу образованнейших, благороднейших и даровитейших людей в русском обществе». Хотя, как отмечает Николай Бердяев, автор этих слов к таким людям уже не относился. Единение интеллектуальных и высокообразованных сил в России было вызвано всеобщим неприятием реальной действительности. Однако обречённость мирного сосуществования этих двух течений была предопределена в силу антагонизма, поллярности их ориентиров. Одни идеализировали Русь московского периода — патриархальную, другие — Русь Петровскую, с оглядкой на Запад.

В стремлении к уходу от действительности и заключена вся суть русского неугомонного характера. Оно проистекает от православных корней, подпитывающих душу нашу идеалистическим уходом от мира сего, во зле лежащего. В этом заложен романтический склад русской души, наличие

творческого сознания, обладающего всем набором отвлечённых устремлений: фантазией и образностью, таинственной загадочностью, иррациональностью и стихией, что в реальной жизни приводит к безумным свершениям.

Неотвратимый раскол чёрной метиной проходит через всю многовековую историю страны: раскол между удельными князьями, раскол веры и кризис мессианской идеи, раскол власти с народом, раскол идеологий.

Двоящийся дух души и горькая судьба России — в расколе, в вечном разладе, в противостоянии.

В недрах мрачной трещины раскола созревает пышным цветом рабство и неволя. Явление раскола властью всегда удушается в той или иной степени, так как, вероятно, она призвана Провидением и назначена сутью своей к этому. Однако при устранении самого явления корни его всегда остаются, а на месте подавленного раскола постепенно встаёт в полный рост забытая и упрямая Свобода.

4. Апофеоз идейных блужданий

Интеллектуальная российская философская мысль вот уже на протяжении полутора веков представляет собой несколько устойчивых идеологических направлений. На заре своего становления, как было уже отмечено ранее, сформировались две основополагающие идеологии: славянофильство и западничество. Обе эти идеологии являли собой суть гуманитарную, идеалистическую, более того, либеральную. Однако, повторюсь ещё раз, основателями их были люди высокообразованные, начитанные и универсальные. Объединяло их стремление к разрешению вопросов философии, искусства и наук. Они были воспитаны на немецком идеализме и романтизме, на Гегеле и Шеллинге. Славянофилы-идеалисты рассматривали преобразование российской жизни, культуры и общественного строя через веру, через

православие, придавали огромное значение свободно творящему духу, сочетанию свободы и единства. Построили теорию о своеобразии России. Они не были врагами и ненавистниками Западной Европы. Западники идеалисты высоко ценили кропотливую деятельность европейцев, связующую права человека с буквой закона, рационализм мышления, индивидуализм, свободу и независимость личности...

В 60-х годах XIX века умеренные либеральные западники становятся «лишними людьми» и им на смену приходят левые западники-социалисты, прошедшие через Фейербаха и заражённые марксизмом. Диалектический материализм превращается у русской интеллигенции в веру, в религию, и западники эти становятся исконно русскими, с догматическим мышлением, с неутолимой жадой преобразования мира, революционностью. Социалист «неистовый Виссарион» свою философию построения нового мира выражал так: «Я начинаю любить человечество по-маратовски: чтобы сделать счастливую малейшую часть его, я, кажется, огнём и мечом истребил бы остальную». Жертвенность, ощущение вины интеллигенции перед народом — исконно национальный моральный элемент, движущий восторженные помыслы к светлому завтра, трансформировался в уродливые формы русского революционного фанатизма.

Идеалистам славянофилам на смену пришли консерваторы-националисты. И Булгаков, и Бердяев отмечали перерождение детей славянофилов в откровенных националистов.

В современной России сохранились в полной мере три основные идеологии. Произошла некоторая перегруппировка и трансформация отдельных идейных приоритетов. В чистом виде славянофильство идеалистов вымерло в силу утопичности и практической нереальности многих основополагающих их идеологем. На смену пришли славянофилы-консерваторы — носители державности, фатума застоя — бю-

рократической России. Национализм их более мягкий, умеренный, чем шлейф от славянофильства обскурантского типа — русского фашизма.

Левые западники уже со времён свершения социалистической революции вышли за рамки традиционных определенных идейной полярности и переродились в универсальную тоталитарную структуру. Имперская волюнтаристская идеология, по политическим меркам, — явление международное, не зависящее от географических понятий типа запад-восток. Оно скорее характеризует собой срыв той или иной нации в бездну безвременья, что-то вроде срыва в феодальную формацию.

Знаменитый фашист двадцатого века Адольф Гитлер ещё в 1936 году признался в универсальности тоталитаризма: «Германия не станет большевистской, скорее большевизм станет чем-то вроде национал-социализма. Впрочем, между нами и большевиками больше сходства, чем различий». А психология Марата-Белинского — это Альфа и Омега подобного универсализма без всяких сокрытых смыслов.

Деятельные западники-идеалисты, либералы появились в начале XX столетия. Некоторые из них входили в либеральные правительства Витте, Столыпина, а исчезли их идеи с приходом социалистической революции. Появились они вновь лишь в застойную эпоху 70-х годов, да и то в виде малочисленных диссидентов, не представляющих какие-либо экономические и действенные идеологемы, а чистой воды бунтари.

Эпоха политического краха советской системы и приход буржуазной революции августа 1991 года позволила западникам-идеалистам занять ряд ключевых постов в исполнительной власти страны. Они сделали первые шаги в проведении либеральных реформ и подарили власть финансово-олигархической надстройке государства...

Этот факт нашей современной истории положил начало трансформации всего мирового порядка. Мнение Западного

общества поступательно утверждало крах Русской цивилизации и провозглашало победу глобальной, новой международной политико-экономической системы. Нет, не победы западного образа мысли и культурного существования, а победы международной финансовой олигархии.

Идеологом новейшей системы мировых отношений является уроженец фашистской Германии Клаус Шваб — глава Всемирного экономического форума (ВЭФ), так называемого Давосского клуба.

Уже в 2016 году на основе его идей ВЭФ принял практически манифест «Великой перезагрузки — четвёртой промышленной революции». И этот манифест был подхвачен официально структурами ООН, МВФ и Фондом Сороса.

Традиционная идеология Запада о привате права, привате прав и свобод человека и так далее, что было отмечено ранее, отправлено на свалку истории...

Всё, что называется современным глобализмом, — это о правящей роли США. Однако не правящей роли избранного правительства, а речь идёт о правящей роли корпораций национальными правительствами всех стран. В этой идеологии управления миром право делегируется узкой прослойке технократии и искусственному интеллекту.

Если применять упрощённые понятия управления обществом и отталкиваться от марксистского девиза «диктатуры пролетариата», то девиз глобалистов звучит устрашающе — «мировая диктатура корпораций».

Итак, можно смело поставить жирный крест на просвещённом культурном Западе, куда на протяжении столетий, начиная от Петра Великого, стремилась часть просвещённой России.

Если в период пандемии глобалисты нащупывают «узкое окно возможностей для изменения мира», то для России открывается шанс не самоизолироваться и принять симбиоз ценностей культурной Европы второй половины XX века и цивилизационные идеи русской политико-религиозной мысли вкупе с державным государственно-социальным капитализмом.

Релятивистские попытки современных либеральных суждений упираются в неприятие русской самоидентичности. Либеральные свободы — это хлыст и пряник в борьбе западной цивилизации за ресурсы, за сытое существование за счёт остального человечества, за управление миропорядком.

Тезис об особом неповторимом пути развития страны — самобытность, неповторимость, особый путь России не подлежит сегодня сомнению. Но возложение духовных ориентиров на все сферы жизни не может быть тотальным. Они губительны для экономического вектора развития страны.

Приходится вспомнить славянофила Владимира Соловьёва. Он был ближе их всех к земному и реальному миру, утверждая, что «истина не может определяться как только мысль разума, если она не может определяться как факты опыта, но она точно так же не может определяться как догмат веры, ведь истина по понятию своему должна быть и тем, и другим, и третьим...» Теория всеединства Соловьёва идеалистическая, но на современную почву исторической мысли ложится безукоризненно, здесь есть фундаментальная основа для поиска истины... А если вспомнить ещё универсализм Пушкина, то этим всё будет сказано, и не только о литературе...

Страница автора
vk.com/slavak00

Владимир Зюкин

Белгород

Вадик и дядя Яков

Мальчик лет десяти сидел у фикуса в нише коридора. Мимо, толкаясь и шумя, то и дело проходили мальчики его возраста. А он, не поворачивая головы в их сторону, глядел в окно большими, с бирюзовым оттенком глазами.

«Папочка, папочка!» — тянули руки к Якову дети трёх — пяти лет. Они обступили его во дворе детдома. Якову тридцать лет, он предприниматель. В детдом пришёл с подрядчиком — оценить объём ремонтных работ. Малышня детдома так же встречала любого, приходящего в их заведение. Яков смутился, а подрядчик сказал:

— Несчастливые дети, не хватает им доброты...

Оставив детей, мужчины вошли в коридор. Из ниши, где в кадке рос фикус, на Якова взглянул мальчик. В бирюзового цвета глазах Яков ясно увидел тяжёлую не детскую печаль, на минуту задержался.

На следующий день Яков вновь появился в детдоме. Прохаживаясь, осматривал здание. И вновь увидел того же мальчика около фикуса. Как будто его к нему приклеили. Взгляды их встретились. И Якова снова поразила грусть в глазах малыша.

Яков жил в загородном коттедже, один — жена умерла во время родов. Ребёнка не спасли. Боль жуткой потери его не покидала, жила занозой в груди. Не зря душа его откликнулась на грусть в глазах детдомовского малыша.

В этот раз он пришёл не по делам. Ему захотелось увидеть поразившего его мальчика. Его нигде не было, даже у фикуса. Яков поклонился и направился к заведующей детдомом.

Полная моложавая женщина угостила его кофе и приготовилась к деловому разговору, касающемуся работ.

— Александра Ивановна, — разговор начал Яков. — Я зашёл по поводу... Короче, видел мальчика у вас, хотел бы о нём расспросить...

— Приглянулся, что ли? Вы, слышала, одинок? — спросила заведующая напрямик.

— Об этом рано...

— Ну что ж... Так о ком вы? Пойдёмте, покажите.

По коридору шли мальчики, среди них Яков сразу увидел его. Глазами показал заведующей. Вернулись в кабинет.

— Вадик у нас спокойный, хотя себя в обиду не даёт, правда, неразговорчивый... — охарактеризовала мальчика знающая подопечных заведующая.

— А почему он здесь?

— Мама в тюрьме, а отца нет...

— Понятно...

— В общем, положительный мальчик. Только, знаете, его мать не лишена родительских прав. Правда, опека возможна. Но мать когда-то выйдет на свободу. Кстати, я слышала, попала в тюрьму случайно.

Наталья за решётку попала случайно. Когда умерла мама, она уехала из села в город. Отец умер раньше. Из себя она стройная, невысокая, милое личико и большие глаза. Случилось так, что её, когда она жила в селе, глупая молодость соблазнила довериться случайному парню. Забеременела.

Перед переездом дом продала фермеру; рожала в городе. Пару месяцев жила у подруги детства, которая комнату снимала и трудилась на фабрике. Статус матери-одиночки, когда родила, дал ей право на получение пособия, а ещё оставалось немало денег от продажи дома. На эти средства жила, вскоре сняла сама квартиру. Когда сыну было три года, устроилась на фабрику. Помогла подруга.

Однажды с сыном прогуливалась она в местном парке и ногу подвернула. Проходивший мимо мужчина, молодой, высокий, проводил её до подъезда, за руку держал. Познакомились. Оказалось, знакомство это с перспективой. Он был служащий, жил в центре города, один. Жена ушла от него вдруг, как потом Наталье он рассказал,

устан от скучной жизни. У неё авантюрный был характер. Ушла без развода.

Мужчина Наталье понравился, стали встречаться. Вскоре решила она переехать к нему. Промчалось быстро два года. Она не работала, занималась сыном. И всей душою привязалась к гражданскому супругу. Но пришла беда: он в автомобильной аварии погиб. Похоронила. Шли осенние дожди, и не высохали глаза её от слёз.

Пасмурным утром кто-то дверь открыл ключом и вошёл в прихожую. Это была красотка, белокурая, стройная, однако миловидное лицо её искажало недоброе выражение.

— Вы кто? — спросила Наталья, держа в руке ножницы и иголку...

— Хозяйка квартиры. Домой пришла. А тут, смотрю, чужие... Ладно, ничего не объясняй, знаю всё. Лучше быстрее соберай вещи...

— Куда же с ребёнком...

— Твоя забота.

— Как же так, мы ремонт здесь сделали, — Наталья сама не понимала, что говорит...

— Дура... Ладно, даю четыре дня, чтобы жильё нашла, но ни минуты больше! — громко сказала дама.

Она решительно вошла в комнату, где на диване сидел мальчик. Он встал неловко, когда она вошла, чуть не упал, и крикнул:

— Ты, тётя, чего орёшь тут?

Дама опешила. И оттолкнула малыша. Тот упал и головой стукнулся об стол. Громко заплакал. Не помня себя Наталья швырнула в даму ножницы. Та, визжа, закрыла глаз рукой.

Наталью осудили на четыре года за умышленное причинение увечья — оказалось, она даму эту глаза лишила. Вадика отправили в детдом. И провёл он в нём уже два года.

Яков, когда приходилось посещать место работы, находил Вадика, угощал конфетами, спрашивал, как у него дела.

Вадик очень ждал дядю, и не только ради угощения. Встречи их были похожи

на начало дружбы. Мальчишки детдомовские завидовали Вадику, а он боялся, что дядя исчезнет. И корил себя за то, что думал о нём больше, чем о маме.

В этот раз пришёл Яков не по работе. Он для себя всё решил. Только как к этому мальчик отнесётся? Тот сидел в привычном месте, прикрытый фикусом. Яков, подойдя, увидел, как светом блеснула бирюза глаз малыша. Это была радость! Они посмотрели друг на друга. Яков затушевался, не решаясь начать разговор.

Вдруг Вадик сказал:

— Дядя Яков, я согласен...

И больше ни слова. Яков был изумлён: как это малыш разгадал его желание? Они обнялись.

Ещё прошёл год. Жизнь Якова обрела смысл, его прошлое страдание отступало. Дом как будто посветлел. Каждый вечер Яков теперь проводил с Вадиком, выходные — тоже. Обоим было очень уютно за игрой в шашки, за чтением и беседами.

Однажды, в субботний день, к коттеджу Якова подошла женщина. Встала у ограды. Яков с Вадиком возвращались домой. Яков почувствовал, кто это, а Вадик узнал и кинулся к ней. Это была мама. Вадик обнял её, всхлипнул, потом жалостливо взглянул на дядю. Яков пригласил женщину в дом. Когда выяснилось, что идти ей некуда, оставил пожить у себя.

Весенним днём Вадик гулял в парке с дядей Яковым и мамой. Он был счастлив! Перед его глазами мелькнули события недавние. Ему вспомнилось, как дядя Яков и его мама вечерами за ужином разговаривали о чём-то. Потом он шёл спать, а они всё разговаривали. Так и жили втроём. Он видеть не мог, в силу возраста, что мамины бирюзовые глаза всё больше притягивали к себе дядю Якова, что он в конце концов в них разглядел то, о чём мечтает любой мужчина. Теперь они прогуливались по парку: взрослые — под ручку, а Вадик — рядом. Шёл и думал о том, что у него есть мама и папа.

Елена Казакова

Москва

Ранним утром

(Продолжение. Начало в № 1/2021)

Когда Вася и Пётр Семёнович подъезжали к деревне, заметили стоящего у дороги коренастого человека, одетого в рабочую одежду.

— О, да это же Виктор Степанович! — обрадованно воскликнул тракторист, узнавший директора своего предприятия. — Вася, как раз можно спросить у него про работу для тебя.

Заглушив мотор около директора, тракторист открыл дверь кабины:

— Виктор Степанович, здравствуйте!

— А, Пётр, здравствуй-здравствуй! Уже работаешь? Молодец! — в свою очередь поздоровался тот. — А с кем это ты? Что за малец?

— Это Вася Зуев. У него дело к вам.

— Вася? Ну, здравствуй, Вася. Что за дело? — радушно спросил Виктор Степанович. Его карие глаза добродушно смотрели на мальчика.

— Давай. Говори, Вася, — толкнул тракторист в бок Василия.

Глядя на улыбающегося ему директора, Вася расхрабрился:

— Здравствуйте, Виктор Степанович. Я тут у Петра Семёновича по поводу работы спрашивал. Хочу после девятого класса поступать учиться на тракториста. Мог бы я у вас после окончания техникума работать?

— У нас? Гм, это было бы неплохо, но всё зависит от того, как ты отучишься. Смотреть надо, — улыбаясь, сказал тот. — Это всё, что ты хотел спросить?

— Нет, не всё, — серьёзно, насупившись, проговорил Вася. — Виктор Степанович, я уже месяц как паспорт получил. Вот думаю, я мог бы уже сейчас начать работать, помогать чем-то. Можете вы сейчас дать какую-нибудь работу? Я бы, пока у меня каникулы, и позже в свободное от учёбы время что-то делал, деньги бы зарабатывал.

— Опа, какой ты шустрый! Работать хочешь? Значит, четырнадцать уже есть? — так же серьёзно уточнил Виктор Степанович.

— Хочу, — сдержанно сказал Вася. — Да, уже есть четырнадцать.

— Так, ну что же, у меня Игнат уже какое-то время просит ему помощника найти на подсобную работу: помочь убрать, инструменты в порядок привести. Я уже какое-то время занимаюсь этим вопросом. Такую работу можно и тебе доверить. Вся работа часа на два, с семнадцати до девятнадцати. Рабочую одежду ты получишь, когда оформишься на работу. Получать будешь десять тысяч рублей в месяц, — стал подробно объяснять он. — Хотел бы ты такой работой заниматься?

— Да, Виктор Степанович, хотел бы, — обрадовался Василий.

— Значит так, прежде всего нужно, чтобы тебе разрешение родители дали. Я только тогда могу тебя на работу взять, когда от них согласие получу. Понимаешь, Вася? — уточнил тот.

— Да, Виктор Степанович, понимаю.

— Ну, тогда договаривайся с родителями и приходи. Знаешь, где мы находимся? — уточнил он.

— Да, Виктор Степанович, знаю, — отозвался Вася.

— Хорошо. Тогда, если всё получится, приходи на этой неделе, только не сегодня, в любой день часов с девяти до двенадцати с паспортом. На проходной скажешь, чтобы тебя проводили к Смирновой Елене Леонидовне. Это наш начальник отдела кадров. Я скажу ей о тебе. Она тебе расскажет, какие документы нужно собрать, чтобы устроиться к нам на работу, — подробно рассказал Виктор Степанович. — А потом она проводит к Игнату, чтобы ты посмотрел место, где будешь работать. Он расскажет, что нужно делать. И если всё устроит, то, как соберёшь документы, приходи к Елене Леонидовне оформляться на работу, а что дальше делать, скажет она и Игнат, у которого будешь работать. Пока всё.

— Спасибо вам, Виктор Степанович. Я всё сделаю как надо. Надеюсь, что папа с мамой не будут против того, чтобы я работал, — как отец, серьёзно, насупившись, проговорил Вася. — А сейчас домой побегу просить у родителей разрешения. До свиданья, Виктор Степанович. До свиданья, Пётр Семенович.

— До свиданья, Вася, — улыбнулся Виктор Степанович мальчику.

— До встречи, Вася, — в свою очередь попрощался с мальчиком тракторист.

Вася на крыльце столкнулся с матерью.

— Что-то сегодня долго на речке был. Всё нормально? — обеспокоенно спросила мать. Это была немного полноватая женщина в простом цветастом платье, поверх которого надет фартук. Такие же рыжие, как у сына, волосы были покрыты косынкой. Её карие глаза внимательно смотрели на него.

— Да, мам. Всё нормально. Мне с тобой и отцом поговорить надо, — очень серьёзно проговорил Вася.

— Корзины-то поставь на скамью, помой руки и ступай в дом. Там и поговорим, — отозвалась мать.

Пока сын мыл руки, она заглянула в корзину с рыбой:

— Ух ты, какой сегодня хороший улов! Молодец, сынок! Спасибо, помощник ты наш.

Зайдя в дом, Вася увидел отца, который, позавтракав, читал газету.

Отец был высоким худощавым мужчиной с соломенного цвета волосами и серыми, как у Васи, глазами.

— А, Вася! Долго ты сегодня что-то! — проговорил он, увидев сына на пороге.

— Пап, мам, у меня к вам дело, — торжественно проговорил Вася, глядя на родителей.

— Так, и что за дело? — уточнил отец.

— Мам, ты только не волнуйся, — начал Вася. — Я тут работу нашёл. Нужно ваше согласие на то, чтобы меня взяли на работу.

— Работу?! — ошеломлённо проговорила мать. Она удивлённо посмотрела на сына.

Его нахмуренные брови и внезапно ставшее серьёзным лицо было по-отцовски строгим.

(Окончание следует)

Рекомендуем книгу автора

В Кимрах

Молодая девушка приезжает отдохнуть в Кимры и на станции обнаруживает пропажу кошелька. Что она будет делать? Останется в городе или будет искать способ уехать домой?

Велта Кирьякова

Санкт-Петербург

Любовь

— А водичка холодная?

Крепко сбитая светловолосая женщина опасливо тянула босую ногу к воде. Вика давно уже сердито на неё поглядывала. Неужели та не знает, что на рыбалке нельзя шуметь?

Странно, что дедушка не обращал на сутеливую тётю никакого внимания. Он неподвижно смотрел на поплавок. Раз! И маленький пескарик висит на крючке. Дед отдаёт Вике рыбку, а она уж выпускает — домой, подрасти немного. Толку от такой мелочи всё равно не будет.

Пока они возились с рыбкой, тётя кокетливо приподняла подол платья, обнажив крепкие румяные икры, и зашла в воду.

— Уф, жара стоит... Хоть ноги помочу, всё прохладнее, — продолжала она свою болтовню, обращённую к Викиному деду.

Он покосился в её сторону, и глаза его чуть прищурились. Вика знала, что так дед улыбается по-хитрому. Вроде бы и улыбка, а вроде бы и не поймаешь её. Крякнул дед и начал сворачивать удочки: «

— Не выйдет у нас сегодня рыбалки, Вика, всю рыбу распугали.

Женщина обиженно засопела и поджала губы. А дед весело со свистом собрался, Вика взял за руку — и был таков.

Дома Вика по-деловому доложила бабушке про вредную тётю, которая всё болтала и распугала рыбу. «Поэтому и поймали мало», — закончила она. Бабушка и так не любит, когда дед на рыбалку ходит. Всё грозит, что Щука его заберёт. Но дед всегда выкладывает с шутками свой улов, и тогда вся семья садится чистить рыбу. А потом по настроению — или бабушка пироги испечёт, или дедушка сварит рыбацкую уху, которую он не доверяет варить никому другому. Сегодня дед обещался сделать специальный омлет с пескарями «по-крестьянски». Сказал, что рыбы на него хватит как раз.

Только бабушка была не рада таким новостям. Вика не сразу и поняла, что сболтнула что-то не то. Руки бабушка поставила в боки, а брови нахмурила.

— О, гроза начинается, — засмеялся дед. — Викуся, беги, прячься.

А дальше и правда началась гроза. Её Вика слышала из соседней комнаты, где она уместилась на подоконнике. Сидела, обглаживала недоявленных рыбок, которые сушились на окне, и всё в толк взять не могла, что это бабушка вдруг рассердилась.

— Ах ты, старый пень! Глазки молодкам строишь! Ишь, голова седая, а туда же! И кто это был? Ну-ка, ну-ка? Это Машка, небось, твоя, всё хвостом перед тобой вертит? — вот так бабушка кричала.

А Вика хотела пойти и сказать, что ничего и не было такого и дедушка даже и не разговаривал с той тёткой. Но пойти не осмелилась. Бабушке под горячую руку попадаться не стоило. Деду ещё больше попадёт за маленькую защитницу. Пройдено не раз. Хорошо, что бабушка отходчива. Вот и тут, дед что-то пробасил-пробасил тихонько, и затихло.

Вика с любопытством выглянула в гостиную. На столе стояла шахматная доска и была начата партия шашек. Игра уже шла вовсю. И бабушка снова начала заводиться:

— Ах ты, жулик! Настоящий жулик! Опять меня запер? Вот куда я должна ходить?

— А почему меня не позвали? — разочарованно протянула девочка.

И бабушка тут же кинулась её утешать, что играют на вылет. А она, внучка, будет играть с победителем. И, пока бабушка отвлеклась на разговор, дедушка хитро посмотрел на Вику и одну свою шашку, чёрненькую, припрятал.

У Вики аж рот от удивления открылся: «Неужели бабушка права, а дедушка жулит?»

А бабушка тем временем вернулась к игре и обнаружила, что попадает прямо в дамки:

— Ох, как это я проглядела, а ты, старый, небось, и рад не рад, что чуть не выиграл.

Исход партии был предreshён, и Вика заняла своё место в игре. Бабушку она обыграла легко. Но впервые задумалась. Как так, бабушку она всегда обыгрывает, а дедушку — очень редко. А в то же время дедушка бабушке проигрывает почти всегда. Кто же самый главный чемпион у них?

Вечером она лежала у дедушки в комнате на диване и допытывалась:

— Вот, деда, ты почему бабушке поддался? Чтобы она не кричала, да?

А дед знай себе улыбается.

Вика состроила хитрую мордашку и поделилась своей догадкой:

— Это, наверное, потому, что ты её любишь! Жених и невеста, тили-тили тесто».

— У нас говорят «жалеешь» вместо любишь.

— А у нас, это где?

— В деревне. Я же деревенский. Помнишь, к прабабушке ездили? Вот там.

— А меня ты жалеешь? Почему тогда мне не поддаёшься?

— А кто сказал, что не поддаю? Думаешь, ты у меня и правда в прошлый раз выиграла? Никто у меня выиграть не может. Я самый главный чемпион.

Тут дед раскатисто расхохотался.

Вика надулась. Но быстро сообразила, что дед её «покупает».

— Ой, и хитрый ты, деда. Я же видела, как ты злился. Нет, я взаправду у тебя выиграла!

— Вот поэтому и не поддаю. Тебе учиться выигрывать надо «взаправду». И проигрывать тоже. Мы тебе все можем поддаваться, ты будешь думать, что выигрываешь. А потом пойдёшь во двор играть, а там тоже такой мамкин «чемпион», и будете вы вместо шашек драки устраивать да плач, кто кому поддаться должен.

Вика ещё повертелась немного, посмотрела, как дед читает толстую книжку, да и пошла к себе спать. Перед тем как уснуть, она ещё немного подумала о том, как же узнать, любит её дедушка по-настоящему или нет. Жалеет ли? И решила попросить себе Мальвину. Эта кукла стояла в большом магазине в «Черёмушках» и стоила целых пятнадцать рублей. У неё были настоящие голубые волосы, на глазах были пластмассовые, а не нарисованные реснички, и всё платье у неё было в нежнейших розово-сиреневых оборках. А у дедушки, по словам бабушки, «снега зимой не допросишься», и вообще он «куркуль». Вика так поняла, что слово это означало, что дед больше всего любит деньги. Так вот, если дедушка подарит ей такую дорогую куклу, значит, он её, Вику, любит даже больше денег. С этими мыслями она и уснула.

Утром дед собирался на работу и делал зарядку. Вика проснулась от привычного «...и раз, и два...». Как всегда, на тумбочке рядом с кроватью стоял стакан подогретого молока. Ей всё никак не удавалось застать тот момент, когда дедушка ставит его. Казалось, каждый раз он появляется по волшебству.

— До вечера, — помахал рукой ей дед.

— До вечера, — помахала она ему в ответ и выпила молоко.

Оно растеклось внутри своим теплом и уверенностью, что дедушка её любит. Взаправду.

Ольга Севостьянова

Александров,
Владимирская обл.

Чацкий

В конце лета мы переехали в южный город, очень далёкий от тех мест, где до этого жили. Улица у нас называется неправдоподобно красиво — улица Роз. И вдоль дороги растут самые настоящие розы. А прямо напротив нашего дома находится низина — она тоже очень красиво называется — Долина Роз. Папа сказал, что там расположен небольшой завод по производству масла из роз и шалфея, и потому по вечерам по всему району распространяется восхитительный аромат. Весной папа посадил под балконами дома виноградную лозу — чтобы через несколько лет она увила весь дом до самого верха. Чёрные гроздья свисали с веток, а сквозь кружевную листву просвечивало жаркое солнце.

Но до этого было ещё далеко. А пока я готовлюсь идти в новую школу. Мне немного страшно. Шутка ли — быть новенькой. Прозвенел звонок — и я вошла в класс. Все на меня уставились. Классная руководительница Тамара Германовна велела мне садиться на любое свободное место, и я сразу же выхватила из многих лиц прехорошенькое личико девчонки с пышными волосами и открытым взглядом больших серых глаз. Я люблю красивых людей.

— Лена, — шёпотом сказала она мне, когда я плюхнулась на парту рядом с ней.

Мы подружились. Ходили с ней парой и постоянно в кого-нибудь влюблялись. Душа вообще у меня любвеобильная. Я обожаю Тамару Германовну. Она считает, что самое главное в жизни — это дружба. И потому чего только не придумывает, чтобы сдружить нас, чтобы «один за всех и все за одного». Ещё я люблю литературу, и от школьного театра, который наша классная для нас устроила, я тоже без ума.

Однажды учительница повела нас во Дворец культуры, в Кишинёв тогда настоящий поэт приехал — Эдуард Асадов. Я когда его увидела, слепого, с чёрной повязкой на глазах, сердце у меня так и ёкнуло. А когда он рассказывал, как воевал, как его ранило, как он ослеп, по моим щекам текли слёзы. Я в него просто влюбилась. После встречи нашла в библиотеке его сборники и переписывала в общие тетради его стихи и поэмы.

«Рыжую дворнягу» и «Трусиху» я декламировала на всех праздниках, а поэму «Галина», которая заняла всю общую тетрадь в 96 листов, выучила наизусть и рассказывала одноклассникам в походе у костра. А когда на школьном конкурсе чтецов сорок минут выступала с поэмой «Серёжа», так что чуть не потеряла голос, и, как жаловались потом учителя, «уморила всё жюри», Тамара Германовна всерьёз забеспокоилась. Она принесла мне томик

Сергея Есенина с закладкой на стихотворении про собаку и пыталась объяснить, что любовь к человеку и любовь к настоящей поэзии — это разные вещи. В есенинском стихотворении меня поразила строка «Покатились глаза собачьи золотыми звёздами в снег...», но покорило плохое слово на «с» из четырёх букв. Я решительно не понимала, как можно рассказывать людям стихотворение, в котором есть такое слово, пусть даже и по отношению к собаке. А мне надо было обязательно читать! Потому что, если я что-то люблю, оно распирает меня изнутри, пока я не выплесну это наружу.

Через год меня вылечил от Асадова Роберт Рождественский. Поэмой «Реквием» я заболела надолго. Мне хотелось выйти на площадь и прокричать всему миру:

*Помните!
Через века,
через года, —
помните!
О тех,
кто уже не придёт
никогда, —
помните!..*

Потом в мою душу вошёл Блок. Я ещё не знала, что на всю жизнь.

Но в восьмом классе любовь накрыла меня с головой. И не к поэзии — а к мальчишке из параллельного класса. Всё случилось прямо на сцене. Я играла Софью, он — Чацкого, а одноклассник, с которым я в то время дружила, — Молчалина. Любовный треугольник получился не хуже, чем в самой пьесе. Сначала влюбился Чацкий. На генеральной репетиции после реплики: «Чуть свет — уж на ногах! и я у ваших ног!» — он вдруг схватил мою руку и поцеловал не понарошку, как раньше, а по-настоящему. Я удивлённо взглянула на него. Он побледнел и опустил голову. И я вдруг увидела, как он аристократически тонок и красив, какие у него глубокие карие гла-

за... Сравнение было явно не в пользу Молчалина.

Чацкий ходил за мной как тень. Часами выслеживал меня возле музыкалки, чтобы понести мой аккордеон, чего сроду не делал Молчалин.

На Новый год мы решили устроить маскарад в костюмах, в которых играли на сцене. Платье я сшила на уроках труда. Верх был из крашеной голубой марли, а низ — из какой-то плохо покрашенной синей тряпицы. Платье было шикарное! И причёска тоже не хуже. Её сделала мне мама Чацкого. Это была красивая женщина с таким же загадочным взглядом, как у сына. Они жили вдвоём. Чацкий рассказывал, как часто её принимают за его девушку. Мама проявляла ко мне интерес. Она причесала меня совсем как на рисунках в нашем учебнике литературы. Я ощущала себя светской барышней девятнадцатого века. Чацкий тоже был хорош в чёрном фраке и белой рубашке с бабочкой.

Мы вошли в зал под руку, как настоящая пара, и сделали круг вальса. Таково было условие представления костюмов. А потом мы танцевали один танец за другим и не хотели расставаться друг с другом.

Боковым зрением я видела Молчалина, в нелепом чёрном котелке, склеенном из бумаги. Кажется, всё «светское общество» шепталось и шушукалось вокруг нас. Я чувствовала себя предательницей, но уйти от Чацкого к Молчалину не могла. Молчалин демонстративно выскочил из зала, следом за ним хороводом побежали одноклассники. Утешать. Чувства переполняли меня. Я тоже рванула куда-то под лестницу и рыдала там как полоумная. Чацкий меня нашёл и успокаивал.

Когда вечер закончился, все ждали, с кем я пойду. Я стояла в нерешительности. Потом подумала: «Я пойду домой, а они пусть как хотят». С Чацким нам было по пути, а Молчалин провожать меня не пошёл.

Зимние каникулы я провела с Чацким. Он приходил ко мне каждый день.

— Иди, жених твой пришёл, этот, телеграфный столб, — ехидно говорила мне бабушка.

Я выходила — и мы шли гулять. И говорили обо всём на свете, и нам было интересно друг с другом. Но каникулы заканчивались. Лена, которая тоже влюбилась, оставив, как и я, прежнего друга, убеждала меня вместе покончить с этой новой любовью, потому что в классе нас считают изменщицами. Мы обсудили с ней, как мне «порвать» с Чацким и вернуться к Молчалину. Всё произошло, как на сцене.

— Куда пойдём? — спросил меня Чацкий в последний день зимних каникул.

— Кажется, мы уже никуда не пойдём... — задумчиво сказала я заученную фразу, но тут же смешалась и начала сбивчиво объ-

яснять, что дружу с другим мальчиком, что в классе меня осуждают...

— Ну, ладно... — сказал Чацкий, побледнев. Резко повернулся — и ушёл.

Я стояла и смотрела ему вслед. По моим щекам текли слёзы.

Молчалин немножко подулся — и простил.

...Несколько лет спустя, когда я приехала из Ленинграда на каникулы домой, мы встретились с Чацким на улице. Увидев меня, он побледнел и опустил голову. А у меня ёкнуло сердце. Мы едва кивнули друг другу и прошли мимо.

Но сейчас, в свои за шестьдесят, я вспоминаю тебя, Чацкий. И ту девочку тоже помню. Не Софью даже, а Наташу Ростову. И нашу несостоявшуюся первую любовь, этот нежный бутон, который так и не распустился...

Рекомендуем книги автора

Следы на радуге

Сказка

Твёрдый переплёт

320 страниц

Зачем слонёнку уши

Сказочное приключение

Книга на скобе

28 страниц

Владимир Тюльпанов

Аша, Челябинская обл.

Первый шаг

«Дорога в тысячу ли начинается с первого шага», — Конфуций. Андрей прочитал цитату над письменным столом, улыбнулся. Любит батя всякие «мотиваторы»! По всем стенам висели плакаты, фотографии баскетболистов и команд. Фотография Вадима Хомякова не вписывалась в ряд. Он — волейболист, единственный из их маленького городка вырвался в Большой спорт. Стал чемпионом мира и олимпийским призёром!

Андрей закрыл тетрадь. Хватит. К ЕГЭ нужно готовиться, но и тренировка тоже дело святое. Команда на стадионе ждёт. Андрей учился в одиннадцатом, через месяц начинались экзамены, но в это же время должны быть и соревнования. Впервые в городе — соревнования по стритболу. Очень хотелось выиграть первый кубок по баскетболу.

Андрей с детства занимался спортом. Ему нравилось побеждать себя и соперника. Первую грамоту он получил за соревно-

вания по настольному теннису. Он начал ходить во втором классе, сразу влюбился в этот спорт. Едва было видно из-под стола, а он побеждал старшеклассников! Первый турнир — первое место! На следующих соревнованиях тренер поставил его в более старшую группу. Снова первое место! Тренеру нравилась настырность пацана. Первый приходил на тренировку, последний уходил с неё. За три года Андрей завоевал кучу призов. Дома повесили полку под награды. Андрею нравилось, приходя из школы, шевелить связки медалей и слышать их мелодичный звон. Но тренер уехал, другие стали часто меняться, тренировки проходили от случая к случаю. Андрей ушёл из тенниса.

Однажды летом одноклассник Андрея предложил ему пойти на секцию самбо во Дворец спорта. Тренировки тяжёлые. Андрей Викторович гонял до седьмого пота. Броски отрабатывали десятками, пока искры из глаз не сыпались. Но юные спортсмены боготворили тренера. Он мог и пошутить, и «подколоть», и отругать за лень, но всегда хвалил за старание. Андрей за два года получил три золотые медали на районных соревнованиях. Но случилось несчастье — тренер погиб в аварии. Секцию закрыли.

Андрей участвовал и в других соревнованиях: по лёгкой атлетике, по плаванию, лыжам. Любил с друзьями «пошатать» турники и брусья. Спорт стал полезным «наркотиком». Как-то летом Андрей с друзьями тренировался на турниках на школьном поле. На баскетбольной площадке играли мальчишки из старших классов. Они позвали Андрея в игру, а потом к себе пригласили. Андрей вошёл в новый спорт. Тренировки через день. Порой после них валился с ног, а ещё уроки до часу ночи делал. Соревнований по баскетболу было мало. Съездили на чемпионат области. Андрей приехал под впечатлением.

— В команде, которая заняла первое место, все ростом не меньше двух метров!

Какие они десятиклассники! Там явно студенты. Мы им все в пупок дышали.

— А ты думал, что вам придётся с карликами играть?! — пошутил отец.

— Но это какая-то «стероидная» команда.

— Баскетбол — спорт высоких. Не можешь быть высоким, значит, должен быть быстрее, сильнее. Значит, должен кидать «трёхи» хоть из-под своего кольца.

— Знаю. Но тренер назвал нас «толпой баранов». Он конечно прав.

После тех соревнований Андрей всё свободное время проводил на стадионе. На даче они с отцом поставили баскетбольное кольцо, Андрей постоянно бросал мяч в корзину. Родители поддерживали увлечение сына, он решил пойти в институт физкультуры. Было бы неплохо попасть в команду лиги ВТБ или Суперлиги.

После новогодних каникул в конце первой тренировки Игорь Сергеевич подозвал Андрея и Ильдара:

— Спорткомитет решил провести городской турнир по стритболу. Завод даёт деньги на призы. В этом году других соревнований до лета не будет, так что у вас единственный шанс что-нибудь выиграть. Да и при поступлении грамота по баскетболу для вас лишней не будет.

— А ещё от нашей секции команды будут?

— Конечно. Себе в команду возьмите Саню Ромашова с Серёгой Ершовым и держайте. Вы же на тренировках сыгрались, да и одного возраста. Буду за вас болеть. Возможно, ещё сюрприз будет. Так что всё в ваших руках.

День соревнований. Двадцать команд поделили на две группы. По две команды из группы выходят в полуфинал. Потом игры за первое и третье места. Игра до десяти очков. Дворец спорта полон! Андрей посмотрел на трибуну, отец кивнул ему. В группе, где играла команда Андрея, самой сильной была команда заводчан. Была ещё команда ребят из секции, но у этого

состава «андреевцы» обычно выигрывали. В другой группе самыми сильными командами были «техникум» и «пожарники».

Игры начались.

В первой соперниками команды Андрея стали заводчане. Ребятам удалось оторваться на два очка. Но потом положение изменилось и им пришлось догонять. Но в итоге победили со счётом 10:8. Самый сильный соперник в группе пройден. Остальные восемь — выиграла уверенно.

Полуфинал. Соперники — ребята из техникума, друзья по секции. Но дружба дружбой, а победитель должен быть один. В итоге «андреевцы» победили. После игры отец подошёл к Андрею. «Ну, давай! Остался решающий бой. Порвите их!» — отец потрепал волосы Андрея.

Финал. Соперники — команда «пожарников». Это крепкие мужики, которым под тридцать. Капитан — Гена «Родман», ему двадцать семь. Был он высокого роста и во всём старался походить на своего кумира. Красил волосы, руки — в татуировках, вёл себя эпатажно. Иногда он приходил на тренировки во Дворец спорта играть с мальчишками. Они посмеивались над его высокомерием, но высокий рост позволял ему забивать мячи сверху, как говорят, делать «данки». Чем он безумно гордился. Как-то на тренировке, играя в команде Андрея, Гена сказал: «Играйте на меня. Я выше вас всех!» На что Андрей ответил: «Наполеон в таких случаях говорил: “Ты не выше, ты длиннее!”» Гена обиделся, но промолчал.

Игра началась. Школьники оторвались на два очка, и тут обнаружилось, что за соперников играет дополнительный игрок... судья. «Пожарники» играли грубо, но судья этого «не видел». Мальчишки бросали дальние броски, а он считал их за обычные. С трибун стали раздаваться крики: «Судью на мыло!» Но игра продолжалась. Игра затягивалась. Под конец обе команды промахивались. Счёт был 9:8 в пользу взрослых. И тут Гена локтем бьёт Андрея по лицу.

Андрей почувствовал вкус крови на губах. Судья сделал вид, что всё нормально. Мальчишкам нужно было бросать издалека. Саня даёт пас. Андрей забежал за два метра от трёхочковой зоны, резко развернулся и... бросил. Мяч описал красивую дугу и точно опустился в кольцо. 10:8. Победа! Друзья подхватили Андрея и начали подбрасывать.

Все построились для награждения. Во время игр ребята видели, как с тренером ходил какой-то «мужик в костюме». Ребятам Игорь Сергеевич сказал, что это его друг и они вместе учились в институте. И вот ведущий объявил: «Слово для награждения предоставляется главному тренеру команды “Локомотив” из Суперлиги Иванову Олегу Петровичу!» Мальчишки разразились громом аплодисментов. Когда Иванов вручал кубок победителя Андрею, то попросил его подойти после награждения. Два тренера о чём-то говорили между собой. Андрей спросил несмело:

— Олег Петрович, вы просили меня подойти.

— Просил. Мне тут Сергеич все уши про тебя с нового года прожужжал. Вот приехал посмотреть!

Андрей смущённо опустил глаза.

— Не соврал он. Мне твоя игра понравилась. Ты, говорит, в наш город хочешь поступать в институт и профессионалом хотел бы стать. Так?

— Так.

— Ну, тогда готовься к ЕГЭ и поступай. Вот тебе моя визитка. Поступишь, позвонишь мне. Тренировку с нашей командой я тебе гарантирую. А вот попадёшь ты в неё или нет, всё будет зависеть от тебя. Только не зазнавайся и пока никому не болтай! Ну, давай, дерзай. А нам с Сергеичем ещё поболтать надо.

— Спасибо большое!

— Спасибо скажешь, когда в состав попадёшь, а пока тренируйся.

По дороге домой Андрей всё рассказал отцу.

— Я всегда в тебя верил. Первый большой шаг к своей мечте ты сделал. Шагай дальше не останавливаясь, а мы с матерью всегда тебя поддержим.

И отец с сыном, обнявшись, вошли в подъезд.

Преступление и наказание – 2

Шли лихие девяностые. Родион бросил взгляд на лежавшую перед ним старушку. Затылок её залит кровью. Никаких эмоций это у него не вызывало. Он прошёл на кухню, снял висевшее на гвоздике полотенце. Тщательно вытер им туристический топорик от крови; засунув за пояс, вернулся в комнату.

Тихонько посвистывая, снял с кровати покрывало, накрыл труп. Начал обшаривать шкафы.

«Что там нам в школе про Достоевского втирали? Тёзка мой думал, кто он тварь дрожащая или право имеет. Слабак оказался. Вот я сделал дело и не трепыхаюсь. Значит, я право имею. Значит, я избранный. Потому, что у меня есть великая цель. Конечно, сначала я у мелкоты мелочь отбирал, но теперь пришло время великих дел. Произошло рождение нового Человека!»

Родион выдвинул верхний шкаф комоды. Там лежала коробочка, покрытая красным бархатом, в ней лежали ордена и медали «За отвагу» и «За взятие Берлина».

«Похоже, её старикана, — подумал он, — крутой дедок, видать, был. На барахолке какой-то перец скупал медали. Впарю ему эти “значки”, лишние бабки мне не мешают».

Убийца сгрёб медали в горсть, бросил их в карман, сверху добавил два обручальных кольца.

«Старухи во дворе говорили, что эта бабка копила деньги на машину внуку. Он у неё жил где-то в другом городе и приезжал с родоками пару раз в году навестить

её. Пешком ходит внучок! Мне это бабло важнее, мне ствол покупать надо. Куплю пушку, наберу пацанов, и пойдёт охота. Подомну со временем под себя все городские группировки и стану крёстным отцом города! Новый Аль Капоне, Дон Карлеоне или профессор Мориарти!!! Так, кажись, в “Шерлоке Холмсе” главного злодея звали».

Он выкидывал вещи на пол, так проще искать. Наконец в шкафу на одной из полок под простынями нашлась толстая пачка денег. Не пересчитывая он засунул её в другой карман.

«Ну, дело сделано. Пойду пивка куплю. А вечером пойду к Харитону за стволом».

Он по-хозяйски ещё раз окинул комнату взглядом, ухмыльнулся и сказал: «Ну, спасибо бабка за бабки». Закрыл плотно дверь и начал спускаться во двор.

Родион перебежал трусцой двор. Пивной ларёк находился через дорогу. Будущий Крёстный отец достал пачку денег. Весело посвистывая и пересчитывая награбленное, он стал медленно переходить дорогу.

Вдруг раздался какой-то шум. Что-то сильно ударило его в районе колен. Ноги взлетели выше головы. Боль пронзила всё тело. Удар головой обо что-то твёрдое, хруст в шее, и наступила темнота. Вечная.

— Колян, что это было? — пассажир спортивного вида на заднем сиденье раздвинул двух размалёванных девиц, которые только что его целовали.

— Да хрен его знает. Похоже, я какого-то алкаша сбил. Нажрутся твари дрожащие и прут под колёса как камикадзе!

— А ты чё, слепой? Дорогу вообще не видишь?

— Да я на наших тёлочек засмотрелся. Вон они тебя как обвивают. Я же ревную. Не бойсь, щас к Лысому в гараж заедем, его пацаны нам так тачку вылижут и отрихтуют, что ни один мент под микроскопом ничего не найдёт. А свидетелей вроде не было.

— Ты на дорогу пялься, а не на баб. Мне на этого козла наплевать, ты нас в какой-нибудь столб так завезёшь. Приедем, вот тогда Танька тебе такую камасутру изобразит, ходить потом не сможешь, ноги дрожать будут!

Одна из девиц захохотала:

— Я вас обоих так ушатать могу. Ещё и разом!

— Уговорили! Щас вон тот перекрёсток на красный проедем и поеду, как правильный начинающий водила. Жёлтый проморгается, и рванём, залётные!

За углом дома, после жёлтого загорелся зелёный, и гружённый щебнем КраЗ стал выезжать на перекрёсток.

— Нам красный! В полёт!!! — и Колян вдавил педаль газа в пол.

Через пару секунд этот «Титаник» встретил свой айсберг.

А в километре от этого перекрёстка посреди дороги с неестественно вывернутой головой лежал труп. Деньги разлетелись по всей округе. И лишь одна купюра была придавлена ободренным лбом. Остеклевший левый глаз смотрел на неё. Ветер шевелил купюру, и она то открывала, то закрывала этот глаз. Через минуту кровь с затылка залила глаз и начала капать на последнюю банкноту. Деньги были уже не важны.

Кристина Тюрькаева

Орск, Оренбургская обл.

Перо Финиста, или Прогулка в стране Синей птицы

...Я не говорю по-нидерландски. Я не говорю по-немецки. Я не говорю по-французски. Что я делаю здесь?

Мои глаза замечают малейшие детали окружения: от мелких щербинок на гладкой, по-европейски удобной дороге и ослепительной чистоты уютных городских улочек до яркого ядовито-зелёного платка на шее встречной дамы и восторженного, пристального взгляда моего спутника. Я чувствую себя одновременно Эркулем Пуаро, только без котелка и усов, и Одри Хепберн, только без мундштука и пышного платья...

В лёгком брючном костюме иду под руку с чопорным англичанином. Мой язык беседует с мужчиной по-английски, а голова думает по-русски. Упрямо, упорно — думает по-русски...

Узкие улочки... Целое кружево улочек. Кружево... Эта страна издревле славится им — лёгким, тончайшим, сотканным будто из воздуха...

Тесно... Кажется, что дома́ на улице смотрят не друг на друга, а прямо *друг в друга*...

И страшно не хватает вдруг необъятной русской широты, простора, размаха, весёлой, безалаберной хаотичности, когда — «Раззудись, плечо, размахнись, рука!». Когда упиваешься, задыхаешься благода-

тью вольного, свободного воздуха вокруг, выехав из города в степь, выйдя из машины и, раскинув руки, как Христос на кресте, перемежая страх с восторгом, шепчешь — кричишь в небеса: «Господи, я здесь!» — и всё кругом — шелест, свист, шёпот отвечает тебе и ласково и строго: «Вижу! Знаю! Люблю!» ... — И безмолвный возглас: «Слава Тебе!» — сам собой срывается с уст, растворяется в бытии...

Мой спутник что-то говорит, но я не слышу: в моей голове оживает память, прекрасная, но застывшая и израненная, как на картине Рене Магритта...

Память! Сколько боли в ней и тут же — сколько извращённой, искажённой этой болью радости... Радости от того, что я всё же *могу любить, умею любить*... И что *меня возможно любить*... И что это чувство всё-таки может быть взаимным, а не единоличным. Память, память... Опять она заигрывает со мной, представляя прошлое настоящим...

Я *могла любить, умела любить*... Он был уверен, что я *могла и умела*... И помог мне поверить в это. А теперь я не знаю, что мне делать с этой верой...

Убить? Но она воскресает, как феникс из пепла, всякий раз, когда я пытаюсь избавиться от неё.

Забудь? Но как забыть ощущение того, что нельзя передать словами — мгновенный тепла и защищённости, абсолютного, безграничного доверия и трепетной нежности, трогательной заботы — в едином стукте?!

Мы приняли друг друга, как влюблённые с картины Магритта. Приняли — не слепо, но безоглядно и безоговорочно...

Вместе нам нельзя было остаться — из-за этого пострадали бы невинные... Мне пришлось уйти. Потому что — слишком поздно встретились...

Он как-то назвал меня хрупкой, ранимой... А я оказалась сильнее, чем *Он* думал, потому что *Его* сердце не вынесло нашего вынужденного расставания, а моё — вынесло. После трёх дней беспамьяства от разлуки с *Ним* и трёх лет моего глухого внутреннего оледенения... *Уединения*...

Я даже потом вышла замуж... Муж любил меня и был любим мною, но я всегда словно держала его на расстоянии вытянутой руки. Несмотря на взаимность, даже ревностную пылкость супруга по отношению ко мне, никогда он не понимал и не принимал меня так же глубоко и просто, как принимал и понимал когда-то *Другой*, для которого я теперь превратилась в сноху...

Удивительно — в моём случае платоника оказалась намного сильнее чувственности...

И всё же измена мужа меня тяжело ранила. Хотя — не убила. Я просто ещё сильнее отдалилась от него. Уехала...

Этот чопорный англичанин, с которым я сейчас осматриваю достопримечательности, шепчущий что-то мне в самое ухо, — мой сосед. Вдовец, с женой которого я подружилась когда-то, переехав из одной страны в другую. Но после смерти супруги мужчина почему-то убедил себя, что я очень похожа на его жену, о чём всякий раз напоминает мне к месту и не к месту печальным комплиментом: «Вы так похожи на мою Эмили...» Вот, кажется,

снова... Ей-богу, это уже невозможно слушать!

Встреча — случайное столкновение у городской ратуши в мой первый отпуск без мужа. Сосед приехал сюда из Лондона, по делам университета, где трудился, а я — по наитию. Сама не могу объяснить — зачем...

Я никогда не бывала здесь раньше. Может быть, бывал *Он*, *Превратившийся в Воспоминание*, но не успел рассказать мне об этом. Ведь *Он* был намного меня старше, а значит, и видел больше...

Как странно говорить «был» о человеке, которого помнишь каждый миг! Который приходит во снах в особенно тяжёлые минуты жизни, чтобы успокоить, обнять и сказать, что всё будет хорошо. Чей образ никогда не воспринимается мёртвым, потусторонним...

Как странно...

Вот опять возникает передо мною эта робкая, будто виноватая улыбка, полный искреннего восхищения взгляд пронзительно-синих глаз, в которых хочется утонуть. Будто вживую ощущается отчаянно горячее последнее прикосновение руки, и слышится тихое, едва различимое горькое «Прощай, мой маленький Финист...».

Финист... Сокол из русской народной сказки, именем своим отразившийся в моей девичьей фамилии. Только *Он*, *Гость из памяти*, однажды назвал меня так. Именем сказочного Сокола, будто Синей птицы, которую жадно, неутомимо искал всю жизнь и, по собственному утверждению, нашёл, но времени быть вместе нам уже не осталось...

Душа тонет в океане горькой нежности...

И вот теперь я — на Родине писателя, выпустившего на просторы мировой литературы Синюю птицу.

Правда, мой замечательный тёзка — великий русский поэт — писал, что её сле-

¹ А. А. Блок «О «Голубой птице» Мориса Метерлинка».

дует называть не «Синей», а «Голубой» — согласно старой литературной традиции народных сказок и немецкого романтизма¹. В немецком романтизме, когда-то глубоко и тщательно изучаемом франкоязычным фламандцем Метерлинком, есть символ вечного стремления человека к непознанному — Голубой Цветок...

А ведь чувство, когда-то всколыхнувшее, перековавшее, *переродившее* всё моё существо, открывшее меня для меня самой, это чувство — такое внезапное, сокровенное, но *откровенное и истинное* — так и осталось для меня не познанным до конца...

И вот — воспоминание о *Нём*, словно взявшееся из ниоткуда, слетевшее на меня, как лёгкое птичье перо...

Он, переместившись в иное измерение, словно пытается приоткрыть для меня завесу тайны... Хочет помочь объяснить мне мой собственный внутренний мир, в котором так много тёмных глубин и бурных противоречий, невидимых никому, но понятых и принятых *Им* ещё здесь... А может быть, *Он* просто рассказывает мне о себе, неслышно шагая рядом, желая, чтобы я увидела маленькое европейское королевство *Его* глазами...

И я — смотрю. И вижу, как всё вокруг заливает неожиданно выплывшее из-за бегло скрывающихся за горизонтом внезапных облаков солнце.

И вздрагиваю вдруг от порыва лёгкого, ласкового ветра, доносящего откуда-то тонкий запах миндаля... *Его* запах...

Мой реальный спутник смотрит на меня с грустной нежностью. Я на него — со спокойной доброжелательной улыбкой. Он и не догадывается, что в этот миг я думаю совсем не о нём.

...Вечер в ресторане отеля был просто отвратителен — скучен и сер, несмотря на лето за окном. Чопорный англичанин за столиком у окна, уже изрядно угостивший-

ся и элем, и виски, порядком растерявший свою церемонность, осоловело и тупо смотрел в одну точку.

У него перед глазами стояла *Её* улыбка...

Они жили по соседству в Ричмонде, пригороде Лондона.

Впервые после смерти любимой Эмили, последовавшего затем отъезда в столицу и возвращения случайно встретились в выходной день в галерее Тейт, у картины «Любовь, ведущая паломника»...

Вторая — тоже неожиданная — встреча случилась здесь, в Бельгии, прямо у старинной ратуши...

Соседка, эта странная — как все русские, — немногословная и печальная женщина, уехавшая от изменившего ей мужа — итальянца, очень напоминала героиню романов сестёр Бронте. А с недавних пор, — англичанин ухмыльнулся, вновь поймав себя на этой грустной и светлой мысли, — *Она* очень напоминает ему горячо любимую покойную жену...

Русская, которая всякий раз вздрагивает, когда он называет её по имени на английский манер: «Алекс», — тоже, — как его дорогая Эмили, — увлечена мировой литературой, умеет держать чувства в узде, но при этом умеет и чувствовать — глубоко и откровенно, умеет слушать и размышлять... И никогда не навязывается ему, в отличие от коллег и знакомых. И относится к нему с искренним участием, теплом и уважением.

Она, казалось, обрадовалась и удивилась, когда он окликнул *Её* у ратуши. И предложил экскурсию — благо, ему доводилось часто бывать в этих местах. *Она* легко согласилась — *Её* всегда живо интересовало всё новое и необычное. И слушала его внимательно...

А он бережно взял *Её* под руку, и показалось — Синяя птица, выпущенная в мир сказочником — философом Метерлинком, сама осторожно опустилась ему прямо в руки. И он боялся спугнуть это хрупкое мгновение...

Что *Она* его совершенно не слушает, мужчина понял внезапно, когда *Она*, шагая с ним рядом, вдруг замерла, подавшись вперёд, навстречу солнцу, жадно вдыхая порыв нежданно нахлынувшего ветра и улыбнувшись будто кому-то невидимому...

Улыбнувшись...

В тот миг он отдал бы всё на свете, лишь бы точно знать, что эта улыбка предназначена именно ему. Если бы *Она* хоть раз так светло улыбнулась ему...

...Англичанин взмахнул рукой, подзывая официанта. Заказал себе штоф водки — виски и эль стали ему до омерзения ненавистны... Получив заказ, не закусывая, выпил три рюмки горькой, обжигающей жидкости.

За окном, в вечерней тёмной синеве, звонко щебетала ночная птица... Синяя птица в синеве — кто она? Голубка — горлица, как в сказке? Лиловый дрозд — природная «Синяя птица»? Или — символ любви, мира, благополучия и богатства — зимородок, недавно увиденный им из окна собственного номера?

Ответа не было...

Он вспомнил, как окликнул спутницу. *Она* вздрогнула, очнулась, извинилась, сказав, что задумалась. Он, конечно, простил, но так и не узнал, о чём *Она* думала. Ясно понял одно — эта полная невыразимой радости и нежности *Её* улыбка точно была не для него.

Синяя птица, Птица Счастья — мелькнула, словно задев его крылом, и упорхнула...

Англичанин застонал от приступа головной боли и схватился пальцами за виски: дома, в Англии, добрым символом считаются вовсе не Синие, а чёрные птицы — вóроны Тауэра. Считается, что когда последний ворон покинет бывшую королевскую темницу — рухнет монархия и всё Британское королевство. Но пьяный англичанин чувствовал, что в его душе всё уже обрушилось...

Синяя птица... *Странная Русская*...

В мыслях — неотвязно — *Её* очаровательная улыбка... Даже сквозь слипающиеся, подёрнутые пьяной слезой глаза — *Её* улыбка... И — голос... голос... Не извиняющийся и робкий, как тогда, в городе, а словно насмешливый и в то же время — печальный:

*...А Птица была Голубой, а не Синей,
И — вовсе не Голубем, а — Зимородком.
Поймать же её не составит усилий —
Всё дело в количестве выпитой водки...*

*И Ворон — Тоска вам прокаркает смачно
(Тоски говорливее нет и крикливей),
Что вновь обманула Вас Птица Удачи,
И цвет её был Голубой, а не Синий...¹*

¹ Стихотворение автора.

Игорь Щепёткин

Томск

На Старой Ачинской

(Окончание. Начало в № 1/2021)

На углу нашей улицы и Октябрьской в небольшом овраге спряталась Березина баня. В ней мужские и женские дни чередуются. И хотя поездá иногда сталкиваются, если дорога не кольцевая и нарушено расписание, рельсы-пути проржавели, а быть может, стрелочник что-то напутал, но ещё никогда не было так, чтобы все мылись в один день. Поэтому одним вечером — назовём его чётным — можно, сидя на лавочке перед воротами нашего двора, видеть, как из бани вяло бредут только женщины с покрасневшими лицами и полотенцами вместо белых косыночек. В другой день — нечётный — по улице шагают одни мужчины с берёзовыми вениками под мышками и банными чемоданчиками, наполненными чем-то. В этой бане я тоже бывал, и даже не раз. Но однажды (рассказывать или нет?)... в общем, произошло вот что: я там был в женский день. Помню, как передо мной стояла женщина с отвислыми грудями и держала жестяной таз с водой и мочалкой. Других женщин память от меня скрывает — я тогда упал на скользком плиточном полу и чуть не потерял сознание.

Время от времени у меня отрастают волосы, и поэтому меня водят в парикмахерскую рядом с этой баней. Стричься здесь я

не люблю, так как среди парикмахеров есть один с длинной бородой, и я ужасно не хочу, чтобы он меня стриг. Боюсь его, потому что он ещё и брадобрей. Я сам видел, как он брил мужчину опасной бритвой и у того на щеке выступали капельки крови.

От перекрёстка, на котором находится Березина баня, улица Октябрьская извинаясь спускается к церкви (улица на этом не кончается, как некоторые современные романы). В канун летнего Николина дня я иду со своими бабушкой и дедушкой через церковный двор. У выхода стоит нищенка в плотно повязанном тёмном платке. Она склонилась так, что лица не видно, держит перед собой сжатые лодочкой ладони, что-то шепчет. Её руки трясутся. Меня распирает любопытство узнать, что она говорит. Мы заходим в церковь, где запах восковых свечей и шепотью крестятся люди, но и это не помогает мне заглянуть в себя. Я всё так же продолжаю смотреть на мир широко раскрытыми глазами и задавать вопросы, дёргая бабушку за руку.

Однажды на нашу улицу приехал цирк мотоциклистов. Они установили бочку-исполин около мостика через ров — всё равно эта часть улицы непроезжая. Зрители с билетами поднимались по крутой лестнице на высокие подмости у верхнего края

этой полной адреналина бочки. Была дав-ка. Я тоже проник сюда и, стоя на цыпочках, замороженно наблюдал через край, как по внутренней вертикальной плоскости этой цилиндрической бездны на огромной скорости мчались бесстрашные мотоциклисты с завязанными глазами.

Наш дом расположен в десяти минутах ходьбы от Белого озера. Вокруг водоёма можно бродить по убитым тысячей ног дорожкам, ходить по ним вкруговую, как будто по краю гигантской чёрной дыры, притягивающей всё живое и даже свет. Когда-то здесь был фонтан, а на берегу стоял памятник Сталину. Сейчас вода в озере тёмная и тяжёлая и по её поверхности скользят жуки-водомеры. Одинокие рыболовы выуживают последнюю рыбу для своих кошек. На ветвях плакучих ив, растущих вдоль берега, сидят стайками воробьи, а по дорожкам скачут сороки и клюют пустые окурки и шелуху семечек подсолнуха.

На озере днём и вечером часто купаются люди. Иногда тонут. Один раз на бере-

гу истошно кричала женщина по своему утопшему ребёнку. Это был не единственный случай. Каждый год на озере происходит подобное, и в нашем дворе кто-то кричит: «Водолазы приехали!» Мы всей компанией бежим глазеть, как они погружаются в воду, ищут утопленника...

В те годы на берегу озера громоздился деревянный кинотеатр. В нём показывали «Фантомаса», который казался мне очень страшным фильмом. Я прикрывал лицо рукой и сквозь пальцы лорнировал сцену, в которой Луи де Фюнес в ужасе кричал: «Помогите! В моей комнате повешенный! На помощь!»

Когда-нибудь кинотеатр будет снесён, и на этом месте установят каменного космонавта, чтобы время стремилось вспять. И действительно, вот по синей глади воды плывёт, как призрак, чёрный лебедь и видит своё отражение и полное тайн небо. Это та же птица, думаю я, вспоминая чёрного лебедя на таёжном озере. Река Лета впадает и вытекает из озера. Она никогда не иссякнет.

Быстрое течение рождает полынью, где можно зачерпнуть живую воду, и бережно нести её к далёкому жилью на поскрипывающем коромысле под защитой молчаливой луны и в твою угодую, и без всякой задней мысли, зная, что будет успокоение, стремление и томление, напряжение и вдохновение, возникновение и спасение.

Мне часто попадают в глаза соринки. Хорошо ещё, если моя мама бывает дома, когда это случается. Она слюнявит кончик носового платка и вытаскивает соринку или былинку. Один раз соринка (а может, это была былинка) попала мне в глаз, когда мама была на работе, а баба Феня не смогла мне помочь. Она повезла меня на телеграфно-телефонную станцию в центр города, где мама работала экономистом. Мы ехали, и я всю дорогу плакал. Одна цыганка в автобусе протянула мне конфету, которую я тут же положил в рот. Бабушка испугалась (наверное, подумала, что меня могут сглазить) и велела мне выплюнуть конфету (а может, это был померанец), что я и сделал немедленно.

После долгого-долгого пути мы наконец доехали и прошли под каменной аркой во внутренний двор, ведущий к маминной работе. Я очутился в центре комнаты, где за столами сидели тёти в очках. Ко мне подошла мама, сказала «Ну-ка», наслюнявила кончик носового платка и вытащила моё «бревно» из глаза. В комнату вошёл Герасим Дмитриевич и усмехнулся. Он тогда был начальником над почтовыми голубями. Я спросил: «А где здесь телеграф?»

Мой дед работает грузчиком в райпотребсоюзе (если бы наш город имел вид женской груди, то это место как раз располагалось бы на её сосце). Когда приходит время ему возвращаться домой, моя бабушка садится у единственного обращённого на

улицу окна и ждёт. На улице смеркается, и я пристраиваюсь рядом у подоконника. «Вот дед идёт», — подскакивает со стула баба Феня, когда с горки к нашей калитке спускается, нетвёрдо ступая, мой пьяненький дедушка. Вскоре становится слышно, как он тяжело шагает по ступенькам. Наконец дед переступает порог избы, и бабушка быстро подвигает ему нашу маленькую скамейку. Присев, дед с трудом снимает свои потёртые, гвоздями подкованные кирзовые сапоги. Потом неторопливо разматывает с заправших ног потные портянки (я никогда не носил таких). Ноги могут наконец дышать. Баба Феня тихо и протяжно: «Ва-а-а-н-я». В ответ дед понарошку блеет бараном и, показывая язык, корчит рожу.

В долгие зимние вечера бабушка с улыбкой перебирает овечью шерсть из кудели, прядёт нить или вяжет носки и рукавицы. Лицо светится добротой. А ещё она любит чистоту в доме и моет полы, ползая на коленях с мокрой тряпкой и соскребая ногтями соринки, прилипшие к бугристым половым доскам. Пока она моет, я, поджав ноги, сижу на лавке. Чтобы не выносить мусор из дома, она сжигает всё в печи.

Больше всего на свете бабушка боится переписи населения. Когда это происходит (было это на моей памяти в 1970 году), она убегает из дому.

Как это ни удивительно, мои самые дальние путешествия за пределы нашего

двора и улицы — в Украину, в Луганск, — я совершил с моей бабушкой. Отчётливо помню, как в одну из поездок я потерялся. Мы ехали втроём. Со мной были моя бабушка и дядя Олег (я зову его дядя Калека). В мраморном пантеоне Казанского вокзала мы ждали поезда. Бабушка заснула, а я не заметил, как дядя Олег куда-то ушёл. Но я думал, что он рядом, и побрёл за мужчиной, очень похожим на него — высоким и лысоватым. Шёл я за ним долго по каким-то бесконечным подземным переходам, думая, конечно, что это мой дядя. Наконец, мой проводник подошёл к автомату с газированной водой, опустил монету и наполнил стакан шипучим напитком. Я приблизился к нему и попросил попить. Он обернулся. Когда я увидел его удивлённое и даже перекошенное лицо, то сразу очнулся (не исключая, что я спал с открытыми глазами и это был мой лунатизм). Мужчина ушёл, а я остался один среди чужих людей-шестидесятников в центре зала и заплакал. Это был или Ярославский, или Ленинградский вокзал. Меня привели в детскую комнату милиции. Я сказал, что пришёл с Казанского вокзала, и какая-то женщина (не в милицейской форме) вызвалась отвести меня обратно и попросила у служащих меня не оформлять.

Когда мы вернулись на Казанский вокзал, моя бабушка уже проснулась и нервно бегала по огромному залу.

*Твоё лицо в серебряном овале твоей улыбки и прямых волос
мне вновь привиделось в мерцающем вокзале среди суеты и непокорных слёз...*

Иногда под действием какого-то внутреннего порыва я обвиваю шею бабушки и целую её в морщинистую щёку. Дед подшучивает, покашливая и покуривая самокрутку у приоткрытой печи: «Как облезьны прямо», а папа с иронией вопрошает: «А в армию тоже с бабой пойдёшь?» Иногда он подсмеивается над именем моей бабушки, но я не понимаю почему.

На улице вечереет, и сумрак наполняет нашу комнату. Соседка с первого этажа,

баба Лина, часто забегает к нам по вечерам. Вот и сегодня она сидит с нами и пьёт чай, рассказывая жуткие истории про каких-то невиданных зверей. Эти кровожадные, похожие на диплодоков, огромные звери выше нашего двухэтажного дома. Мне мерещится, что они живут где-то рядом и в любой момент могут заглянуть к нам в окно. Жители окрестных улиц (а кроме нашей есть ещё соседские улицы — Кривая и Белая) любят сочинять всякие исто-

рии и передают их из уст в уста. Пищей для мифов им служат фильмы, а в это время в кинотеатре на Белом озере показывают «Миллион лет до нашей эры». Я не могу отделить реальность от быliny, и мне становится страшно в наступившей тишине.

На Масленицу бабушка печёт блины. Я люблю блины, и моя мама тоже их любит. Она часто говорит слова «блин» и «бляха». Я тоже так говорю: «Мама, хочу бляху». Мы всей семьёй сидим за столом и едим блины. Дед громко икает. Вспомнив Пушкина, я восклицаю: «Ты что, дед, блины объелся?» Спрашиваю у него, почему он лысый. Дед отвечает, что бабка на его голове блины пекла. Понимаю, что это шутка, но ответ на свой вопрос так и не получаю. Интересно, а можно ли получить ответ на любой вопрос?..

Мне нравятся разные запахи и вкусы, которые другим могут показаться не очень-то. Что может быть вкуснее рыбьего жира, если мама подаёт его в столовой ложке над корочкой чёрного, чуть подсоленного хлеба! Иногда бабушка стряпает пироги с луком и яйцами или пареной калиной. Каждое лето дед приносит из леса эту ягоду. Мы её перебираем, а бабушка наполняет калиной чугунок и, чуть присыпав сверху сахаром, ставит на ночь в духовку печи. Калина томится или парится (выбор у неё уже небольшой) до утра, издавая чудный аромат. А вот сернистый и едкий запах жжёной резины стал казаться мне отвратительным после того, как мою соску бросили в печь. С тех пор я не могу пить молоко из прозрачного стакана. Если очень нужно, то пью из кружки большими глотками, брезгливо закрывая глаза и мечтая о новых археологических раскопках в овраге.

У каждого в нашей семье есть пара валенок. Зимой валенки (пимы) быстро изнашиваются, наверное, потому, что мы носим их до самого лета и редко пользуемся калошами. Я даже не помню, чтобы калоши стояли в нашей чистой комнате. Для подшивки валенок нужна дратва. Дратву мой дед делает сам, распуская негодный пожарный шланг.

Суровую нить из этого шланга он протаскивает несколько раз через кусок гудрона, делая нить ещё суровее. Я внимательно слежу за его работой. Для ремонта он вырезает из голенища старого валенка кусок войлока по форме пятки или носка. Потом последовательно прокалывает шилом новый войлок вместе с прохудившейся подошвой и прошивает всё дратвой по краю заплаты. В конце работы острым ножом подравнивает заплату по размеру подошвы.

Дед часто сидит у печки и курит табак. Сначала он, конечно, скручивает прямоугольные кусочки газеты, засыпает в них махорку из своего промасленного кисета и слюной склеивает их в трубочки. Только потом курит одну самокрутку за другой, выпуская дым в приоткрытую дверку печи. Как пассивный курильщик, я весь пропитываюсь куревом и, когда на выходные приезжаю к родителям в их жилище (пока я не чувствую его своим) в новом микрорайоне, то от моей одежды сильно пахнет табаком.

В один из дней папа подарил мне игрушечную машинку с ракетой (возможно, прототип будущего «Бука»). Если ракетой сжать пружинку, то она с большой скоростью может вылететь с платформы. Я стал искать себе цель, и папа мне подсказал. Когда мой дед в очередной раз сел у печи, я принялся стрелять по его руке с дымящейся самокруткой из этого «Бука». Дед терпел, терпел, а потом вытащил из штанов ремень и начал гоняться за мной вокруг стола, брызгая слюной. Я сильно испугался и заплакал.

Когда мой дед кем-то недоволен, он в сердцах ворчит: «Варнак какой, а!» или «Малолетка!». У него только начальное образование, и он может читать лишь по слогам.

Вечером я иногда прошу деда рассказать сказку, и он всегда рассказывает по-своему одну и ту же, про медведя-инвалида. У него нет одной лапы, вместо неё — деревянный протез, который медведь сам себе выстрогал из липы. Недавно я узнал, что эта сказка называется «Скирлы».

Перед тем как ехать на охоту, дед осторожно вставляет капсули в картонные патроны своей двустволки, а дробь и порох засыпает в гильзы позднее, уже в своей деревне Милоновке. Случается, когда кроме меня в доме нет свидетелей, он начинает играть как маленький, показывает забавные вещи. Углубление капсуля залепляет хлебным мякишем и вставляет в него острый конец ножа. Держа нож вертикально за рукоятку двумя пальцами, дед протягивает руку и расслабляет пальцы. Нож падает на металлический лист, прибитый к полу под дверцей печи. Капсюль с треском взрывается, разбрызгивая искры. Дед в азарте начинает бегать по комнате и придумывает новую игру. Вместо ножа он берёт заострённый гвоздь, приматывает к нему большое гусиное перо (бабушка использует его, чтобы смазывать маслом пироги), осторожно втыкает гвоздь в хлебный мякиш в капсуле и, стоя в дверном проёме, бросает этот метательный снаряд через всю комнату. Капсюль взрывается где-то между подоконником и комодом. Потом всё повторяет опять. Как скромный ученик, я сижу на лавке и заворожённо наблюдаю за этой игрой.

Дед воевал на фронте, и у него остались два шрама от осколочных ранений: один на плече, а другой на голове. Из-за врождённого птоза левый глаз его всегда немного с прищуром. Но мне он говорит, что это из-за того, что много целился из винтовки. Про войну никогда не рассказывает, а только тяжело вздыхает: «Ох, внучок, внучок...», так ни разу и не начав своего рассказа.

Чиркая спичкой, втягивая в лёгкие дым папиросы и выпуская его в приоткрытую дверку печи, вдвывая дратву суровой нити в ушко иглы, вставляя капсуль в патрон, неся на коромысле ведра воды по заснеженным ступенькам, читая по складам, бреясь опасной бритвой и молясь, мой дед живёт в своей недоступной мне до сих пор мудрости, при этом покашливает и повторяет иногда: «Ох, внучок, внучок». Эта му-

дрость давала ему возможность во время войны выходить за грань добра и зла и возвращаться обратно.

Как-то раз дед прочёл наизусть стихотворение: «Пахнет сеном над лугами. В песне душу веселя, бабы с граблями рядами ходят, сено шевеля. Там — сухое убивают: мужички его кругом на воз вилами кидают. Воз растёт, растёт, как дом...» Картина, нарисованная поэтом Майковым, видно, очень близка моему деду.

В красной коробке дед хранит свои медали. Мне нравится их перебирать и рассматривать. Медали разные, но «За взятие Берлина» там нет. Недавно я вновь спросил про эти медали, и кто-то из взрослых ответил: «Вот ты играл с ними и, наверное, потерял». Для меня это было шоком. Больше я про них не спрашиваю и только через много лет снова увижу их и с облегчением пойму, что они, конечно же, никогда и не терялись.

На стене висит отрывной календарь. В нём несколько дней в году помечены красным, остальные — чёрные. Обычно дед отрывает от этого настенного численника листок очередного прошедшего дня и неспешно читает, покашливая: «Восход солнца тогда-то, заход солнца тогда-то. Долгота дня такая-то». Случается, что он отрывает сразу несколько листков или несколько дней забывает это сделать. А может быть, он просто уезжает на время в деревню, на охоту... Так что в нашем доме череды дней нет, и порой день долго не наступает, живёшь словно в пустоте и болеешь.

...И вот я держу под мышкой градусник. Ртуть подскакивает до верхней отметки. Папа говорит, что если бы не медицина, то я бы не пережил давления естественного отбора. Стоит мне заболеть, как к нам заглядывает детский доктор Галина Куркина и начинается моё лечение. Она заслуженный врач, и один раз нас вместе снимали для кинохроники.

У меня постельный режим. Сказочная Русь гобеленом маячит перед глазами. Я лежу в постели лицом к стене и пальцем вожу по лошадям трёх богатырей. У Алёши

Поповича лошадь загадочная. Богатырям всё по плечу, и я прошу у них дать мне силы, вырывая из гобелена несколько ниточек. По вечерам через завесу сознания из уст мамы до меня долетают обрывки волшебных сказок. Больше всего мне нравится сказка про Ивана-царевича и Серого волка. Как только прибывают силы, затеваю строительство домиков из кубиков. У меня есть даже топографическая вышка около метра высотой (или длиной — смотря как играть). На вышке имеется лесенка, по которой я забираюсь, шагая двумя пальцами. Эту вышку мне подарила тётя Света Вьюгова. Она живёт этажом ниже и работает в топографическом техникуме на Розочке (так у нас называют улицу Розы Люксембург). Когда папа уйдёт на другую сторону реки Леты, его друзья дадут мне новый адрес Светланы Аркадьевны и попросят лично сообщить о его смерти. Я приду и сообщу ей эту трагическую новость. Светлана Аркадьевна заплачет: «Она довела его, довела...»

Рядом с нашим домом есть небольшая горка. Здесь я впервые встал на лыжи. Это были деревянные лыжи с кожаными креплениями, подогнанные под мои валенки. Сначала дед, а потом папа учили меня кататься с этой горки. Но веселее съезжать на санках с другой, ещё более крутой, на соседской улице Лермонтова, сразу за Березиной баней.

Я как-то пошёл туда кататься на санках (лямка на них, конечно же, сделана из ке-

росинового фитиля) и встретил Таню Окамову, с которой часто играю в нашем дворе. Она прекрасна, как все девочки, но мне кроме неё никто не нужен. Каково же было моё разочарование, когда я увидел, что Таня катается с другим мальчиком старше меня. Я почувствовал такую тоску... Это событие совпало ещё с тем, что Таня стала всё меньше времени проводить со мной после школы. В конце концов она про меня совсем забыла. Я ходил сам не свой, и мир мне был не мил. Всё больше замыкался в себе, грезя о вечной мерзлоте и горных вершинах, или смотрел сны, выпадая из реальности.

Пройдут годы. Собираясь в таёжную экспедицию и уже насушив сухарей, я зайду в обувной магазин на перекрёстке улицы Учебной и проспекта Джона Леннона. В том магазине Таня Окамова (а может, у неё уже другая фамилия) работает продавцом. Я выберу себе кеды, и Таня мне скажет: «Ты же будешь чувствовать все камешки через такие тонкие подошвы». Эти слова станут последними, которые я услышу от неё с тех пор, и «слово “обувь” как “любовь” я прочту на магазине»¹. Она не знала, что там, куда я пойду, нет камушков, а есть болота. Я хотел ей всё объяснить, но подумал, что это уже не так важно. За последующие годы неприступный ров в нашем дворе превратился в каньон на другой стороне Земли, а я, как Бенджамин Баттон, неизбежно приближаюсь к детству.

*Снова спокойной ночи я пожелаю тебе.
Жить нам осталось вечность,
а может быть, целых две.
Утро летит в бесконечность,
ты в небо окно распахнёшь,
лёгким движением стана
веер волос соберёшь.
Цветом акации и анилина
заря уж горит вдалеке,
а где-то в ближайшем каньоне
время плывёт по реке.*

¹ Цитата из романа Саши Соколова «Школа для дураков».

Подобно Леонардо пятьсот лет назад, я не заметил, как ночь прошла. Звёзды потухли, и розовый свет озарил черепичные выступы кровли твоего дома. Саша Соколов скажет: «Люди, любите день более ночи». В этом призыве есть что-то позитивное и, может быть, отчаянное пробуждение к вечным ценностям. Но мне нравится (возможно, только сегодня) лунная ночь.

Перечитав последнюю главу своей поэмы, я её сжигаю и разбрасываю пепел в каньоне, в котором слышится неугомонный шум реки. Потом, припомнив совет доктора Куркиной, восстанавливаю текст, соединившись с собой на время в одно целое. Это время мне не принадлежит, оно течёт себе и уплывает куда-то в вечность.

Скоро я пойду в школу, где буду учиться дисциплине и, может быть, даже бегать укрепляющие кроссы. Мама уже шьёт мешок для второй пары обуви, а я мечтаю купить велосипед со звонком, приносить людям пользу и поставить флюгер на бал-

коне третьего этажа. А ещё мама мне купила цветные (волшебные) кубики с буквами. «А» и «Б» сидели на трубе... Гласные и согласные. Из этих кубиков я пробую складывать, как мозаику, слова и даже предложения:

Азь. Изгибы тонкие речного гравилата — весна и осень в потном кулаке.

Буки. Маленький принц, волшебник полей, в тумане зарниц грустит без людей. Он тонкой рукой обрывает шипы, он жизни земной исполнитель мечты.

Веде. Ждать восхожденья своего на холм ледников далёких и прекрасных с крестом иль без (не всё ль равно?). Ты позовёшь меня с улыбкой в этот путь, и сердце сожмётся от недостатка кислорода на белой вершине.

Глаголь.

Добро.

Есте.

Живите.

Земля...

и так далее.

Иллюстрация Лилии Гойзман, www.lilia-art.com

Дарья Ткачук

Томск

Цена таланта

В комнате воцарилась тишина. В углу потрескивали поленья в камине, слабо освещая комнату. Сейчас мне хотелось наслаждаться этой минутой, не говорить больше ни слова. Просто наслаждаться покоем. Но глаза моего гостя горели огнём, он практически пожирал глазами. Его нетерпение чувствовалось по напряжённой позе, по нервному подёргиванию пальцев, по учащённому дыханию. Я давно пожалел о своей откровенности, но зато теперь, когда избавился от груза давней тайны, мне стало легче.

— Я знаю, что в жизни у всего есть своя цена. За каждое благо приходится отдать немало. Ты хочешь знать, какова цена моего таланта? Поверь, для меня она слишком высокая. Но теперь ничего не изменить. Я задумался о том дне, когда мне пришлось круто изменить свою судьбу. Жалел ли я о своём решении? Несомненно, но изменить ничего уже не мог...

— Неужели ты думаешь, что рассказ о помощи сверхсил заставит меня убежать?! Да чтобы стать знаменитым и таким же богатым, как ты, я готов отдать всё!

Глаза моего собеседника горели огнём безумия. Он практически кричал. А мне было смешно. В этом разгорячённом отчаявшемся юноше я узнавал себя. Я был так же тщеславен и горяч, я так же искал славы и денег, забыв при этом обо всём действительно важном. Но опыт приходит с годами. О цене своего поступка я задумался гораздо позже.

— Я знаю, что мой выбор для тебя сейчас интересен, но, поверь, не проходило и дня, чтобы я не пожалел о нём. Я был так же молод, как сейчас ты. Я желал покорить этот мир, получить славу и признание, но все мои картины больше походили на детскую мазню на обоях.

Я пытался выразить всю душевную боль, но выходила лишь убогая карикатура. Я рвал эти полотна, а ночью снова хватался за краски. И вот в одну из минут своего отчаяния я бродил по узким тропинкам в лесу, чтобы сбежать от своей тоски и злости. Тогда-то я и встретил этого странного объекта. Он стоял ко мне спиной и смотрел на небо. Я тоже взглянул вверх и увидел кроваво-красную луну, которая была так близко, что стала огромным шаром, лежащим на плечах деревьев. Какой-то там эффект или астрономическое событие, я мало в этом понимаю до сих пор. Это зрелище меня очень удивило, и я стоял как вкопанный. Тогда этот субъект повернулся ко мне и сказал: «Какая твоя заветная мечта?» Я не задумываясь выпалил: «Стать знаменитым художником. Я хочу проявить свой талант и получить признание». Я так долго грезил о славе, что не задумался ни на минуту.

— Обычно людьми с большим талантом восхищаются и завидуют, но никто их не может по-настоящему любить. Они стоят выше простого человека, они обладают даром высшего порядка, а этого люди не прощают. Ты готов обрести могучий дар, но поступиться простым человеческим чувством?

Я не задумался ни на минуту. Обычно ты не ценишь то, что досталось тебе даром. Этот субъект сверлил меня своим взгля-

дом, словно заглядывал в душу. Его чёрный плащ и взгляд из бездны. Я больше не помню ничего.

Уже утром я проснулся с диким желанием изобразить сегодняшней рассвет. И руки послушно выводили тот образ, который стоял перед глазами. Линии плавные, краски насыщенные, картина идеальная.

Мои родные были удивлены, они любовались моим творением. Через неделю картина была продана на выставке в парке, через два дня со мной связался агент, а уже через три месяца я открывал свою персональную выставку. Я рисовал всё то, что приходило мне в голову: вершины гор, маленький пруд с утками, портреты знаменитостей, батальные сцены. Я рисовал идеально! Мне не надо было биться над нужным цветом или исправлять испорченный контур. Я мог рисовать с закрытыми глазами. Я больше не страдал от своей непризнанности. Каждая моя мысль ровно и точно умещалась на холст.

Я стал знаменитым так быстро, что и сам не заметил этого. Я не успел насладиться своей победой. Просто открыл глаза и стал знаменитым. Я не развивал свой талант, не плакал ночами от боли и беспомощности, не грыз ногти от невозможности выразить суть изображённого, не испытывал творческого кризиса. Я в один момент стал идеальным художником.

Теперь ко мне стоит очередь из сильных мира сего, я могу позвонить английской королеве или укатить в любой конец этой планеты, где мне будут рады и узнают меня непременно. Но никто в этом мире не посмотрит на меня как на живого человека. Никто не пожалеет, никто не обнимет, никто не спросит о самочувствии. Лишь вопросы из вежливости, лишь объятия для фотографии, лишь зависть и преклонение. Я стал машиной. Каждый мой штрих, каждый мазок идеален. Каждая картина — шедевр. И я не могу иначе. Я знаю, что любое моё творение стоит миллионы, что я застрахован от нищеты и забвения. Даже

если я плюну на картину или разорву холст от злобы, найдутся тысячи людей готовые это купить за огромные деньги.

Я стал заложником своего таланта. Даже родные относятся ко мне как к чужому. Они гордятся мной, выступают на телевидении с интервью обо мне, они присылают мне открытки и мечтают стать наследниками моего состояния, но никто не удосужится позвонить мне ночью, когда я плачу от одиночества.

Никто не пожалеет меня. Никто не рассматривает во мне простого человека, я скрыт за стеной своего особенного таланта.

Сейчас, произнеся эти слова, я впервые осознал, какую дорогую цену мне пришлось отдать за свою глупую мечту. Я хорошо рисовал до той ночи. Мог бы я стать знаменитым с помощью своего труда? Не знаю. Но я сам у себя отнял возможность узнать это. Я купил фальшивый талант и отдал то, что делало меня человеком. Я не могу развить свой талант — он идеален. Я не могу рассказать о своей боли — никто не поймёт.

В итоге я потерял мечту и потерял часть себя. Хитро же провёл меня этот субъект...

— Эта сверхконцептуальная идея так преподнести свой талант. Вы поистине гениальны! Я сейчас же отправлю эту статью в печать! — полный восторга и ненависти взгляд припечатал меня к креслу.

Я вывернул душу наизнанку, я рассказал о боли, которая жила во мне долгие годы, а он увидел хитрый ход и концепцию. Я мимоходом взглянул на фотоаппарат, с экрана на меня смотрел гений и знаменитость. Я отвернулся и устремил взгляд в небо: где-то там остался человек, продавший свою жизнь и заменивший её жалкой подделкой.

Большая полная луна повисла над городом.

Страница автора
vk.com/darya_tkachuk

Татьяна Зубарева-Гурина

Сортавала, Карелия

Где вы были раньше? Воскресный сын

Так уж повелось, что рядом стоящие деревни иногда имеют схожие названия. Например, Верхние луга и Нижние луга. Или — Большие берега и Малые берега.

Вот и мой рассказ пойдёт о таких же деревеньках. Эти названия принесут моим героям много эмоций.

С утра Стёпа отправился в баньку на берегу небольшой речушки. Надо её намыть, выскрести полы и лавки, принести дров, наполнить водой котёл и бочку. Сегодня воскресенье, а значит, банный день. К обеду он вернулся, неся стопку белья.

Галина почти всю неделю стирала и гладила. Теперь надо выносить всё это... Галя догадывается последние недели, все говорят, что будет сын. Стёпа этому рад несказанно, ведь дочка у них уже есть.

Свадьбу играли пять лет назад. И директор совхоза дал им этот домик в маленькой деревне на берегу речки. Молодые обрадовались — своё жильё. Комната одна, но такая просторная. Кухня, как водится в деревнях, бывает ещё больше да с печкой. Кто-то из бывших жильцов пристроил веранду. Это оказалось кстати, когда родилась Любаша, она спать любила на свежем воздухе в любую погоду.

К её дню рождения родители Стёпы привезли люльку. Отец — знатный плот-

ник. Галины родители привезли детскую кроватку. Тогда эти кроватки только начинали появляться и все ходили смотреть, передняя стенка опускалась.

Теперь люлька и кроватка стояли в ожидании появления малыша. Галина намыла, перестелила, приготовила их. Она всю неделю занималась приготовлениями.

— Давай полежим, — предложила Галина.

Стёпа обнял жёнушку, и, пока они неторопливо разговаривали, он задремал. Очнулся от того, что Галя как-то изнутри простонала.

— Что это? — поднявшись на руку, спросил.

— Да бывает.

Через полчаса Галя поднялась:

— Не могу лежать. — А ещё через некоторое время она попросила: — Вызови скорую.

— Почему скорую? Ведь тебе же рано ещё.

— Он хочет.

— Кто хочет?

— Сын хочет.

— Скажи ему, что ещё рано.

— Говорила уже.

— Давай я скажу.

Стёпа встал на колени перед Галиной, прижался к пузику:

— Сынок, рано ещё, потерпи недельки две.

Галина прилегла, и они дружно поглаживали сыночка.

— Стёпа, беги!

Он обул на босые ноги ботинки, зря он так сделал, и помчался в деревню Большие... До неё пешком двадцать — двадцать пять минут. Стёпа летел не чуя ног. Ботинки болтались, что-то постоянно кололо ноги, он останавливался, вытряхивал камешки и мусор, но через некоторое время всё повторялось. На полпути он снял их и оставил на краю дороги. Босиком было легче.

Бабушка сидела около калитки, отдыхала в тени сирени.

— Стёпа, что, началось?

— Да. Бабуля, дай мне носки.
 В носках бежать всё же легче.
 На почте, отдышавшись, набрал 03.
 — Приезжайте, пожалуйста, жена рожа-ет!
 — Имя, фамилия...
 Он продиктовал всё, что спрашивали, и бегом обратно.
 Бабушка уже ждала Стёпу с холодным квасом.
 — Вызвал?
 — Да, скоро приедут.
 — Как Галина?
 — Бабушка...
 Он выпил квас залом и продолжил обратный путь.
 Старушка же переоделась в чистое платье, причесалась, повязала косынку и усе-лась опять на скамеечку, она решила до-ждаться скорую, чтоб показать, куда ехать.
 Через некоторое время, примерно че-рез час, донёсся гул машины, но бабушка поняла, что машина пошла в центр дерев-ни Большие ... «Не туда пошла». Её домик находится недалеко от деревни, в стороне, по дороге в Малые Бабушка стала бес-покоиться, ей показалось, что машина уж больно долго где-то ходит. Она поднялась и в тот момент увидела столб пыли — «Воз-вращается».
 — Бабуля, где ... ?

— Поедем, покажу.
 Жены и Любы нигде нет, Стёпа побелел, бросился под откос к баням.
 Галина затопила котёл, постелила про-сушенное зимнее одеяло на пол, сверху простынь, а ещё поверх — большую клеён-ку, что-то ещё положила рядом.
 — Я тебя ждала.
 — Как ты?
 — Если не приедут, будем рожать. Лю-бочку попроси посидеть дома или на ве-ранде.
 — Галя... — Стёпа растерялся.
 То, что происходило дальше, он помнил как во сне. Он гладил жену, он пел ей песни, держал за руку, вставал с ней рядом на ка-рачки, пыхтел тоже вместе, вместе кричал, снова пыхтел. Это повторялось в несколько кругов. Как показалось, прошла вечность. Никто не ехал.
 Наконец, он устроился в изголовье и взял голову Галины на колени:
 — Милая, всё хорошо. Они сейчас при-едут.
 Но сын всё же не дождался гостей...
 Фельдшер, увидев их, была в восторге:
 — Молодцы, справились! Всё сделали как надо! Какой крепыш! Папа покажи ре-бёнка.
 Полусонный Стёпа вымолвил:
 — Где же вы были?

Сергей Грязнов

Ню и прочее...

Литературный калейдоскоп

Это первая книга автора, включающая лирические стихотворения, стихи о друзьях, о природе, о службе в армии, о школе. Значительная часть произведений связана с театром. И стихи, и песни, и рассказы мож-но читать с эстрады, как, несомненно, и лирическую комедию «Ню». Несколько страниц посвящено лите-ратурным пародиям. Авторскому стилю свойственен ненавязчивый юмор.

Юлия Руцзак

Орск, Оренбургская обл.

Девичья баллада

(Из цикла рассказов
«Зарисовки из личной жизни»)

Всё хорошо... или скажи «net»

Неделя первая.

Понедельник. Вокруг всё раздражает, начиная с будильника. На часах пять утра. Растворимый кофе закончился. Чай... его тоже нет. Довольствовалась просто водой. Овсянка на утро — скорее, вынужденная мера. Дорога до остановки с каждым днём занимает больше времени, чем кажется. Снова опаздываю!

Семь утра. Еле влезла в маршрутку. Но место у окна я себе отвоевала. Путь до работы неблизкий, успеваю подремать. Хорошо, что плееры придумали, иначе ещё до начала работы чокнешься.

Приехала на работу без пяти минут восемь. Сегодня проверки на вахте не было. Повезло! Неужели будет хороший день?!

Надежды не увенчались успехом. Если утро не задалось, то и день не будет радостным. На работе все бесят, от клиентов до руководства: одни — поучают, другие — не понимают. Боже, ну за что мне всё это?

У Бога, видимо, сегодня выходной — мои мольбы остались без ответа. В очередной раз пришлось сидеть с клиентом допоздна. Как доехала домой — смутно помню. Единственное, что занимало мои мысли целых сорок минут, — мой сосед по маршрутке. Всё время шуршал пакетом и елозил, задевая меня при каждом удобном и неудобном случае.

Ужин готовить нет сил. Коту отрезала большой кусок куриного филе, лишь бы отстал от меня. Мечты, мечты... Наши желания с котом не совпали. Он требовал продолжения праздника — развлекательную программу. На часах скоро полночь, а я всё ещё отбиваюсь от кота, чтобы занять место в своей кровати.

Вторник. Опять будильник! Пять утра! Кофе... есть только в магазине. Впрочем, и чай тоже там же. Что никогда не кончается в моём доме, так это овсянка. К своему ужасу, обнаруживаю на лице и теле красные пятна. Предположения приходили в голову всё быстрее и быстрее. И с каждым разом одно страшнее другого. В общем, мой процессор не выдержал нагрузки. Отправилась в поликлинику.

Доктор прописал мазь и таблетки от аллергии. А ещё в довесок — курс успокоительных. Как всегда, в ближайшей аптеке не оказалось нужных лекарств. Ладно, около работы аж пять разных фирм, в какой-то уж точно что-то будет.

Опять на остановке не протолкнуться. Видимо, не важно, в какое время едешь на работу, в семь или в девять. Все ждут того момента, когда именно я поеду. Без меня же и автобусы не ездят.

На работе коллеги сегодня более снисходительны ко мне. Даже чай с вареньем предложили. Лучше бы клиентов взяли. Хотя если это случится, то за окном снова метель разыграется. Это как с окнами — только вымоешь, и тут же дождь пойдёт.

На часах семнадцать ноль-ноль. Звонит звонок: «Домой, пора домой!». В маршрутке ехала с коллегой, которая болтала всю

дорогу. О чём-то архиважном, что я даже не помню о чём. Дома ждал сюрприз в виде сломанного лифта. Седьмой этаж — это не семнадцатый. Доползла.

Кот ждал у дверей. Мне весь вечер намякивал о том, как прошёл его день. В итоге получил свою порцию корма и ушёл спать на батарею. А я спокойно заняла свою кровать. Засыпали мы под звуки очередной «мыльной оперы» в телевизоре.

Суббота. В пять утра меня разбудил... кот. Даже в выходные не удаётся выспаться. Кофе и чай по-прежнему только в магазине. Ранний завтрак не заставил организм проснуться. В семь я снова улеглась в кровать со словами «До одиннадцати не кантовать!»

Сон был очень долгим... целых десять минут. Коту не понравилось одному бродить по квартире.

До девяти я ходила словно сонная муха из угла в угол своей большой квартиры. И зачем мне столько метров? Ах да, чтобы по ней слоняться в выходные!

Генеральная уборка отвлекала меня аж до двух часов дня. Позвонил брат, позвал на борщ. Знает, чем меня выманить из дома!

Посиделки утомили. В гостях у брата я была не одна. Его сосед по подъезду Диман припёрся за инструментами в самый неподходящий момент. Ну а моя сноха — человек гостеприимный, пригласила Димочку пообедать. Хотя, думаю, главной целью было свести меня с гостем.

Почему-то у всех моих родных и подруг прямо-таки идея фикс: выдать меня замуж. Хотя никто не сказал, почему там так хорошо и почему плохо быть одной. К тому же статистика разводов моих же подруг говорит, что не стоит торопиться. А вообще, всё это лирика! Всему своё время.

Неделя вторая.

Понедельник. Ничего оригинального. Подъём в пять утра. И когда же наступит отпуск? Кофе так и остался на полке в магазине. А вот пачку чая с ромашкой мне

сноха подсунула. Сказала, что успокаивает. Выпила две чашки, а ещё и таблетку успокоительного.

До остановки я добиралась, обходя пять домов. После дождя во дворах не лужи, а моря-океаны. На остановке пришлось отстоять десять минут. Два автобуса пришли полнёхонькими. Пока ехала, поняла, что пора на свою машину зарабатывать. Толкотня, давка... бесит!

На работе выдали премию. Не всем. Меня в списках не оказалось. Клиенты почувствовали свободу. Диктуют свои правила. Коллеги тоже почувствовали «свободу» — им дали премию. Дожить бы до обеда, а там ещё три часа и домой...

Обед, можно сказать, удался. Я, как и все, решила почувствовать пресловутую свободу. Выгнала клиента в коридор, заполнять анкеты. Руководство вообще не подчиняется никаким законам жизни — сделали замечание за мою «свободу».

По дороге домой зашла в магазин. Купила три плитки шоколада. Плевать на диету! Коту купила мяса. Ему тоже плевать на диету. У него её всё равно нет.

В автобусе пришлось ехать стоя на ступеньке больше половины пути. Домой возвращалась так же, в круговую через пять домов, как и утром. В ящик набросали кучу всяких рекламных газет. Выкинула! Лифт доехал только до четвёртого этажа. Дальше он отказывался подниматься.

Кот ждал у двери. Пока открывала замок, весь измяукался! Почуял, что это я. Или мясо?

Поужинала одной шоколадкой. Запивала чаем с ромашкой. На «беговую дорожку» не пошла. Раз уж и плевать, то сразу на всё, в том числе и на тренировку.

Началась война с котом за место на кровати. Расцарапав мне руку, он демонстративно покинул поле боя. Залёг на батарею.

Пятница. «День сурка» уже давно превратился в неделю. Вместо кофе только чай с ромашкой. Стала пить витамины вместе с успокоительным. Кота кормлю исключи-

тельно паштетом. Никакого мяса! Маленькая месть за мою оцарапанную руку.

До остановки шла с соседкой по этажу. Узнала, какие «хорошие» у нас электрики работают, а также дворники, уборщики, бухгалтер и директор.

Не успел автобус подъехать и распахнуть двери, как люди ринулись его штурмовать. Особенно мужик один. Он не бежал, а летел в маршрутку, сбивая всех на своём пути. Торопился занять место у окна! Поняла, что в маршрутке со мной ездит дикий народ. С самого утра орут друг на друга, толкаются. В общем, достали!

На работу приехала без пяти минут. Директор уже ждал в дверях. А где ковровая дорожка красного цвета? Поинтересовался, помню ли я, во сколько рабочий день начинается. Уже с самого утра тестирует! Проводив меня «добрым» взглядом до дверей кабинета, сделал запись в своём блокноте. Завтра что-то будет... Может, наконец-таки я премию получу?

Клиенты совсем обнаглели. Уже «переписывают» федеральные законы в своих интересах. Да здравствует клиентская революция!

Коллеги тоже обнаглели. Ушли вместо меня на концерт по бесплатным билетам, которые раздавались вчера тем, кого премия обошла стороной.

Руководство оставило без обеда. А потом ещё и после звонка «домой, пора домой» ещё на два часа задержали. Ой, ерунда! Я домой не тороплюсь. Да и зачем? Я на диете. Кот тоже. И потом, ему без разницы, когда есть, в семь или девять вечера.

Маршрутка снова набита людьми под завязку. Видимо, это не только с утра такая проблема. Но и вечером. В общем-то, мы давно уже выяснили, что все ждут, когда именно я поеду. С соседом в транспорте вновь не повезло... Где вообще люди берут эти шуршащие пакеты? И что можно искать в таком пакете целых сорок минут?! Бесит со страшной силой! Такое ощущение, что ему приплачивают за то, чтобы достать меня.

Лифт снова сломался. Соседка всё-таки утаила информацию о том, какие «хо-

рошие» ещё и лифты у нас работают. В подъезде только на двух этажах лампочки горят. Видимо, наступила чёрная полоса не только в моей жизни.

Кот уже не ждёт ничего. Добрался до комнатного растения. Сожрал три цветка. Два листа обгрызены. Зато банка с паштетом не тронута. Ну не научился кот открывашкой для металлических банок пользоваться.

Я доела последнюю шоколадку. Ромашка уже не берёт. Выпила валерьянки.

Полночь. Сна ни в одном глазу. Хочется петь. И танцевать... вместе с котом. Если бы я раньше знала, что может быть так весело после капель валерианы! Всё, на следующий праздник коньяк не покупаю. А зачем тратить тысячи, если можно и за сорок рублей «улететь».

Два часа ночи. Считала барашков, потом слоников. Сначала простых, потом розовых, потом розовых в очках. Сбилась на слониках розовых на семьсот пятом. Начала всё заново. Потом вообще всё сложила. Вышла цифра как сумма по графе «Итого» в моей расчётке. Грустно. Скучно. Кот спит, даже ухом не ведёт на мой голос.

Будильник — просто зверюга! Так и поджидал, когда я глаза сомкну. Кофе (я его всё-таки купила) выпила вместе с ромашкой. Валерьянку запрягла подальше, оставила на вечер. Коту пожертвовала две банки паштета. Гулять так гулять!

Вышла в семь на маршрутку. Удивлена, что сегодня, как никогда, было легко сесть у окна. Приехала рано, без пятнадцати минут. Вахтёр недоумённо смотрит на меня. Словно приведение увидел. Странно, и коллег нет. Я не злюсь, я не злюсь... Нет, я злюсь. Что происходит?!

Посмотрела на календарь... праздничный выходной.

Всё, поехала домой. Наконец в свободной маршрутке! Лифт работал. Кот у дверей не мяукал, тихо и мирно спал на батарее. И моя кровать ждала меня... Какая прелесть! Всё хорошо!

Скажи всему «нет», и пусть весь мир подождёт!

Жанна Устинова

Могилёв,
Республика Беларусь

Живёт на свете Йети

Живёт на свете Йети,
дремучий человек.
Не ел в обед спагетти,
представьте, он вовек!
Не делает карьеру,
не ходит он в кино.
Не знает, что в пещере
должно зиять окно.
Стих не зубрил он складный
и не решал задач.
Не знает он досадных
футбольных неудач.
Но мне вот жалко Йети
совсем не потому:
попробовать конфеты
не довелось ему!
Приеду в Гималаи
с большим мешком конфет.
Ему, рукой махая,
я прокричу: «Пр-р-ривет!»

Неуёмные Снегождінки

Утомилась Зима за дорогу
и присела без сил на пороге.
Чемодан опустила со снегом,
задремала в беспечнейшей неге.

А на улице серость и скука!
А на улице дождь и грязюка!
И бранят все в унылом бессилье
безобразность такого беззимья.
Паша с Дашей у дома гуляют
опоздашу Зиму умоляют:
— Заходи уже! Хватит мурыжить!
Ведь у них в головах ярко-рыжих
Снегождінки никак не уймутся,
кувыркаются, к выходу жмутся
и орут потрясающим хором:
— Снега дайте нам!
Целую гору!

Досада у детского сада

В сторону детского сада
плелась, спотыкаясь, Досада.
И было Досаде той надо,
чтоб не было детского сада.

Пускай бы прошлась Годзилла
и садик... «Хрясь!» р-р-раздавила.
Иль монстр большой, лохматый
его вдруг расплющил лапой!

Эх, ладно... всё ж жалко сада.
Пусть будет, раз это надо.
Но только чтоб в одночасье
не стало в нём тихого часа.

Чтоб нянечки не ворчали,
со шваброю не скучали,
а к радости всех ребяток
играли бы с ними в прятки.

Чтоб повар забыл про манку
и утречком, спозаранку,
испёк бы большущий торт
на каждый голодный ротик...

Прервались у самого сада
раздумья чудной Досады.
На длинных густых ресницах
решенье «здесь быть!» храбрится.

Открыла бесстрашно двери:
— Зайду, так и быть, проверить:
а вдруг в самом деле стало
всё так вот, как намечтала?

Вести из литстудии «Родники Сибири»

Январь 2021 года

Литературная студия продолжает свою работу в дистанционном режиме. За прошлый год было проведено от силы 10–12 встреч, приходилось собираться на занятиях в ограниченном количестве. Тем не менее нам удалось вспомнить и почитать на встречах, по плану, классиков и известных литераторов-земляков. Интересные и познавательные беседы подготовила участница литстудии Надежда Дедова, о жизни и творчестве юбиляров года (Я. Гримма, Л. Гержидовича, Д. Фонвизина).

Ведущие авторы литстудии В. Устьяхина, Т. Катрич, О. Дорофеева поделились с коллегами своими находками из жизни и творчества ещё нескольких классиков (М. Исаковского, П. Ершова, И. Бродского).

С большим интересом участники литстудии вспоминали и других юбиляров, которым посвящались беседы: А. Грина, В. Замятина, М. Шолохова.

При подготовке сборников марафона «Читаем кузбасских поэтов» № 2 и 3 редакционная группа выносила на обсуждение подготовленные материалы по всем авторам, участники литстудии знакомились с биографией и творчеством каждого автора, прочитывали на занятии их стихотворения.

Очередные номера внутрестудийного журнала «Родники Сибири» № 10, 11, 12 с темами «Помним и чтим», «По радуге детства», «Радости жизни земной» тоже готовились при активном участии редгруппы литстудии под руководством Н. М. Инякиной (Небогатовой).

Порадовали нас и участники заочного трёхгодичного литературного конкурса

«Простою задушевною строкою» на втором этапе, итоги которого были подведены на встрече с финалистами в Фёдоровском дворике при КГНБ им. В. Д. Фёдорова 22 июля 2020 года. Старт третьего этапа активно промарafoneил осенние месяцы и, чуть с меньшими успехами, одолел зимний период. С весной ждём новых припозднившихся авторов и будем завершать организованный нами конкурсный марафон, посвящённый 100-летию М. А. Небогатова. В конкурсе принимали участие все авторы литстудии на всех трёх этапах. На первых двух этапах дипломантами стали В. Устьяхина, Н. Полецкая, З. Естифеева, Н. Гордок. Итоги всех трёх лет подведём 5 октября текущего года, в день рождения известного земляка.

Несмотря на такую активность литстудийцев в коллективных проектах, отдельные авторы продолжали работать над своими произведениями и сборниками, участвовали и в других конкурсах.

Т. Катрич стала лауреатом областного конкурса «Сундучок сказок».

Во втором полугодии в авторском приложении к внутрестудийному журналу «Родники Сибири» вышли ещё несколько сборников: «Уроки Михаила Небогатова. Вчера, сегодня, завтра. Ч. 1» (Н. Инякина (Небогатова)), «Маленькая повесть о маленькой девочке» (Т. Катрич), «Игрушки от Кирюшки», стихи для детей (В. Устьяхина), «Военная юность» (З. Естифеева).

Представляем читателям новые произведения авторов литстудии «Родники Сибири».

Н. Гордок, руководитель литстудии

Татьяна Катрич

Новогодняя сказка

Маленького эльфа звали... впрочем, эльфийский язык, состоящий из звуков, похожих на птичьи трели, сложен для человеческого слуха, потому просто назовём его Алёша. Эльф имел белокурые волосы, синие глаза и совершенно был похож на обыкновенного мальчика, только очень маленького роста, с ладонь. За плечами у него виднелись прозрачные крылышки, благодаря которым он и его собратья легко перемещались по лесу и разыскивали самые красивые цветы — источники нектара. Эльфы любили пить нектар из красивых цветов, они считали себя эстетам. День-деньской крылатое эльфийское племя порхало с цветка на цветок, и повсюду в лесу раздавался их весёлый смех, как будто кто-то звонил в маленькие фарфоровые колокольчики.

Однажды в лесу на поляне появились женщина и девочка. Женщина устроилась в тени берёзы, а девочка стала бегать по поляне и рвать цветы. Как ни старался Алёша спасти самые красивые цветы, зависая над ними и делая их невидимыми, девочка оказывалась проворнее его. Только Алёша спрячет один цветок, как девочка уже несётся к другому, и, прежде чем Алёша подспеет, она уже срывает его.

Наконец, мама достала из корзинки пирожки, книжку и позвала девочку:

— Маша, иди, съешь пирожок, а я прочитаю тебе сказку!

Маленькое чудовище, так про себя Алёша назвал девочку, набрала букет и, устроившись возле мамы, начала плести венки и есть между делом пирожки, а мама принялась читать ей книжку вслух.

Утомившийся Алёша, оставаясь невидимым, тоже устроился неподалёку и вместе с девочкой слушал сказку. Сказки Алёша любил, перед сном маленьким эльфам

рассказывал сказки и предания самый старший эльф. В сказке речь шла о бедной сироте, которую злая мачеха велела отправить в лес зимой и там оставить, чтобы она замёрзла. Только всё закончилось хорошо, потому что Дед Мороз не заморозил сироту, а, наоборот, наградил богатством. Алёша слушал сказку, но не понимал, что такое зима, снег и кто такой Дед Мороз. Он даже заглянул сверху в книжку и увидел на картинке ёлки, закутанные во что-то белое, под ёлками девочку, а рядом с ней высокого старика с бородой и посохом. Но больше всего заинтересовали Алёшу белые звёзды с шестью лучами, от которых отходили ещё лучи, образуя невероятный по красоте узор. На картинке было нарисовано несколько белых звёзд, и ни один узор не повторялся.

Дочитав сказку, девочка и мама надели венки из цветов на головы и, довольные, отправились домой. А Алёша пошел разыскивать дедушку, так маленькие эльфы называли старшего эльфа, ведь он знает всё на свете. Может быть, он знает, о чём сказка и что это за странные белые звёзды Алёша увидел на картинке. Дедушка всё объяснил, про зиму и про мороз, но Алёшу больше всего интересовали белые звёзды, и дедушка сказал, что это просто замёрзшая вода. Летом идёт дождь, а зимой дождь замерзает и падает снежинками.

«Оказывается, эти прекрасные белые звёзды называются снежинками! У них и название красивое», — подумал Алёша.

С тех пор самой большой его мечтой стало увидеть снежинки, но как же это сделать, если зимой эльфы спят? Осенью, когда цветы умирают и наступают холода, эльфы выбирают укромное место для зимовки и выпивают особый сок из растений, известных только им. Выпив сок, они впадают в сон и просыпаются только весной, когда расцветают первые цветы. В это время ещё холодно, и эльфы в обычную одежду из сухих травинки, окрашенных соком ягод и цветов, вплетают ворсинки из меха

пушистых зверьков. Это делает её тёплой и лёгкой, и эльфы могут летать.

Алёша задумал небывалое приключение. В эту зиму эльфы выбрали для зимовки дупло старого дуба, утеплив его. Когда наступила пора выпить напиток, Алёша выпил половину дозы и уснул вместе со всеми эльфами. Маленький эльф проспал часть положенного срока, проснулся посреди зимы, натянул тёплую курточку и с замиранием сердца пробрался к выходу.

Осторожно выглянув наружу, он сразу почувствовал холод и увидел знакомую поляну совсем другой. Поляна была покрыта белыми сугробами, а вокруг стояли безмолвные деревья. Ёлки и сосны натянули на зелёные лапы снежные шапки и варежки и тихо дремали, белые берёзы заламывали голые ветки, простирали их к небу, словно умоляя о тепле. Но серое небо было безмолвно и равнодушно к их просьбам, лишь сверху сыпались белые крупные снежинки, которые кружились и летели вниз к земле. Алёша замер от восторга и пытался поймать этих кружевных красавиц, пока одна из снежинок не опустилась ему на руки. Он принялся рассматривать снежинку, но прошло несколько секунд, и он с удивлением увидел, что снежинка исчезла, оставив влажный след на руках.

«Дедушка был прав, это замёрзшая вода», — подумал он, снова протянул руки и поймал ещё одну снежинку, она была совсем другой, тоже прекрасная, но так же быстро растаяла. Алёша долго стоял на краю дупла и ловил снежинки, пока не решился спуститься к земле. Как пригодились ему в этот момент его крылышки, потому что белый покров предательски расступился под небольшим весом и едва не проглотил его. Эльф завис в воздухе и пытался понять, из чего же состоят сугробы, и каково было его удивление, когда он понял, что массы снега состоят из множества отдельных снежинок:

«Это сколько же их тут, “стотыщмиллионов”! — восторженно подумал он, — Каждая особенная и не похожа на другую!»

Он начал летать по веткам деревьев и обрушивать снежные шапки, с интересом наблюдая, как они падают в сугробы и образуют снежные фонтаны. Птицы и белки с удивлением заметили эльфа, радостно приветствовали его, и Алёша с интересом выслушал все лесные новости, которые пропустил за время сна. Потом белки научили его играть в снежки, и они долго с удовольствием играли. Одна белка так ловко кинула снежок, что сбила эльфа с ветки, и он несомненно упал бы в сугроб, но крылышки опять выручили его. Это так развеселило компанию, что все покатались со смеху и играли, пока у Алёши совсем не ооченели руки.

Утомившись игрой, компания устроилась на пушистой сосновой ветке, и Алёша принялся расспрашивать птичек про Деда Мороза. Только малые птахи ничего не могли рассказать ему, потому что сами его не встречали, но слышали, что он живёт в лесу и что встречаться с ним опасно.

— Он разве злой? — спрашивал Алёша. — Я сказку слышал, что он добрый бывает.

Но птички только разводили крылышками.

— Не злой он, не добрый, — проскрипела сидящая на соседней сосне старая ворона, — он же Мороз, его дело морозить. К чему посохом притронется, так это сразу льдом окаменеет. Лет сто назад встречалась я с ним на реке. Как он ударил по воде посохом своим, так река тотчас и замёрзла. Меня заметил, посохом в мою сторону повёл, еле успела улететь, а то не сидела бы сейчас с вами. Лучше с ним не встречаться, а то и до беды недалеко, — заключила она.

— А внучка его, Снегурочка, никого не обижает, в морозные дни подкармливает птиц малых зёрнами и семенами, — защибетали птицы.

— Снегурочка? А кто это, она красивая? — спрашивал Алёша. — Как бы я хотел встретиться с ней!

— Так ничего нет проще, — проскрипела опять ворона. — В деревне люди ёлку устроили к Новому году и сделали Деда

Мороза и Снегурочку из снега. Не знаю, где они их видели, только очень похожи. Если хочешь, я могу тебя туда отнести, самому тебе не добраться.

Хотел ли Алёша? Тут и спрашивать нечего! Он не заставил себя ждать, быстренько устроился на спине вороны, и они полетели. Малые птахи увязались за ними, и образовалась птичья эскадрилья, во главе которой летела ворона с эльфом на «борту».

Сначала они долго летели по лесу, потом вдоль дороги, а в конце пути увидели реку подо льдом и снегом, с крутого берега которой катались на санках ребяташки; видны были дома с трубами, из которых валил дым. Раньше Алёша с таким не встречался, и ему всё разъясняла ворона, которая была хорошо знакома с миром людей, но про Новый год ничего толком не знала. Почему-то люди договорились один день считать концом года, праздновать его ночью, наряжать ёлки и дарить друг другу подарки. А ещё в эту ночь принято веселиться, петь песни, танцевать и желать друг другу, чтобы Новый год был лучше прежнего.

— Так они задабривают Новый год, — высказала предположение ворона.

Она пролетела мимо многих домов, которые неожиданно расступились и образовали обширное пустое пространство, которое называлось площадью. Прямо посередине площади красовалась наряженная ёлка, на ветках которой висели красочные игрушки, гирлянды, бусы. А вокруг ёлки стояли фигуры Деда Мороза и Снегурочки, волшебный замок с башенками, множество фигур сказочных персонажей и зверей, и всё это было сделано изо льда. Алёша порхал вокруг и хлопал в ладоши от восхищения, как всё красиво и как переливался лёд под последними лучами заходящего солнца.

Они успели вдоволь налюбоваться этими чудесами. Когда солнце скрылось за крышами домов, то резко потемнело.

Но Алёша не успел испугаться, так как ёлка зажглась, точнее, зажглись сотни фонариков и разноцветных лампочек в гирляндах, все они начали мигать и переливаться разными красками. Красочные огоньки отсвечивали в ледяных скульптурах, цвет и тени скользили по ним, создавая иллюзию, что фигуры движутся. Один раз эльфа даже показалось, что Дед Мороз сурово сдвинул брови и грозно двинул в его сторону посохом, но не успел он испугаться, как ему улыбнулась Снегурочка и страх сразу отступил. И долго бы он ещё любовался сверкающими чудесами, даже не чувствуя холода, однако ворона велела забираться ей на спину:

— Совсем темно стало, как бы нам в лесу не заблудиться.

На обратном пути, усталый и замёрзший, Алёша пригнулся к спине вороны, зарылся в её тёплые перья и очнулся, когда она тяжело приземлилась на ветку на знакомой поляне, освещённой луной. Так закончился день, полный событий и чудесных приключений.

Он поблагодарил ворону за путешествие, птичек — за компанию, попрощался с ними и нырнул в тепло своего дома. Допил сонный напиток и, совершенно счастливый, уснул до весны. И снилась Алёше зимняя поляна, посреди которой выросла пушистая молодая ёлочка. Её нарядили самыми крупными красивыми снежинками, кристаллами льда, яркими цветами и бабочками. Солнце освещало ёлочку, и ледяная красота переливалась и сверкала, а внизу в полумраке веток переливались зелёные огоньки светлячков. Эльф и его друзья взялись за руки и стали водить вокруг ёлки хоровод и петь весёлые песни. Вопрос, откуда зимой взяться цветам, бабочкам и светлячкам, эльфа не смущал, ведь он крепко спал, улыбаясь во сне, а во сне ещё и не такие чудеса случаются. Впрочем, как и в жизни, если в них верить.

Валентина Устьяхина

Стихотворения из сборника для детей «Игрушки от Кирюшки»

Стихи для детей Валентина Устьяхина пишет давно, это второй авторский детский сборник. Ей повезло в жизни увидеть и прожить три периода детства с разными игрушками: свой, с детьми и внуками. Сегодня она с радостью живёт в детстве со своим правнуком Кирюшкой, удивляясь вместе с ним современным умным волшебным игрушкам.

Волшебные игрушки

У нашего Кирюшки
Волшебные игрушки.
Сами песенки поют,
Никогда не устают.

Сказки тихо говорят
Про волков и про козлят,
Учат пальчики считать:
Раз, два, три, четыре, пять!

Умные игрушки
У нашего Кирюшки!

Зимушка-зима

Здравствуй, Зимушка-зима!
Снежная, пушистая!
Санки, лыжи, детвора
И ёлочка душистая!

Всюду слышен звонкий смех!
Праздник радует детишек,
Новогодний сыплет снег
Дед Мороз для ребяткишек!

С Новым годом, дети!

Новый год уже спешит,
В каждый дом стучит, стучит
Посохом волшебным,
С голосом хвалебным...

А часы двенадцать бьют,
К нам Снегурочку зовут.
С Новым годом, дети!
Вы — лучшие на свете!

Дед Мороз с мешком идёт,
Всем подарки раздаёт...
Вместе встанем в хоровод,
Здравствуй, здравствуй, Новый год!

Волшебная скамейка

Наш Кирилл нашёл лазейку
На волшебную скамейку.
Там игрушки оживают,
Всё на свете они знают:

Про моря и океаны,
Разных птиц и где их страны,
О пингвинах и медведях,
О планетах и созвездьях!

Все умеют говорить,
С ребяташками дружить!
Вот бы нам найти лазейку
Чтоб попасть на ту скамейку!

Муха

Муха тихо подлетела,
На рога оленю села
И гордится высотой —
Всё любит себя собой:

— Вместе с солнышком проснусь,
Ничего я не боюсь,
И жужжу, жужжу, жужжу,
Рано утром всех бужу!

Не даю всем долго спать,
Я жужжу — пора вставать!

Бегемотик

Загрустил мой бегемотик:
У него большой животик.
Не пролезет он в лазейку
К ребятишкам на скамейку.

Кто поможет малышу?
Я к нему уже спешу,
Уберу в заборе рейку,
Шире сделаю лазейку.

Бегемотик проскользнёт,
Удивится весь народ!
Очень дружная семейка
Разместилась на скамейке!

Жирафёнок

Ой! Какой большой ребёнок —
Высоченный жирафёнок!
А годами совсем мал,
Свою маму он искал.
К нашей лавочке пришёл,
Сразу мамочку нашёл!

Кот Барбоскин

Кот Барбоскин — дикий кот...
Приблудился летом.
За оградой, у ворот
Ходит незаметно.

Я от бабушки тайком
Приношу колбаску,
Угощаю молоком,
Приручаю лаской.

В доме все удивлены
Моим аппетитом!
Для кота пекут блины...
Знать бы им об этом.

Верю, бабушка поймёт,
Котика полюбит,
В домик на зиму возьмёт,
Тоже приголубит.

Страус

Страус гордо выступает,
Лапы важно поднимает,
Шею тянет высоко,
Видит очень далеко!

Шаг его длиной в два метра,
Мчится он быстрее ветра,
Нашу лавочку нашёл,
С любопытством подошёл.

Добрых встретил ребятишек:
И девчонок, и мальчишек...
Подарил им за добро
Страусиное перо.

Стрекоза и муравей

Ах! Какая егоза
Попрыгунья-стрекоза!
Лето всё плясала, пела,
На все праздники успела.
Вкусно ест и сладко пьёт,
Очень весело живёт.

Муравьи же — работяги,
Строят домик под корягой,
Чтобы зиму пережить,
В тёплой горке не тужить.
Запасаются едой —
Пригодится всё зимой.

Домик строят муравьи,
Очень дружные они!

Озорной

Жеребёнка так называли.
Он весёлый и смешной,
В догоняшки с ним играли
Мы на травке луговой.

У него четыре ножки,
А у нас всего — по две.
Скачет коник по дорожке,
Мы запутались в траве...

Слон

У слона большие уши,
Сказки слоник любит слушать.
Фрукты хоботом срывает,
Ребятишек угощает...

«Вы поверьте, я не трус!
Но, на всякий случай,
Я немножечко боюсь
Всех слонов могучих.

Сразу к бабушке прижмусь
Крепче и надёжней.
И к слонам не прикаснусь,
Буду осторожней».

Весёлая прогулка

На прогулку ребятишки
Взяли новенькие книжки.
В садике на лавочке,
На зелёной травочке
В школу весело играют,
Буквы, цифры изучают.

Тучка

С неба падают дождевики,
Это тучкины слезинки.
Тучка солнце закрывает
И от этого рыдает...

Слёзы выплакала тучка
И пропала... Плачет внучка!
Солнце снова засияло,
Внучке тучку жалко стало.

Мурка

Кошка Мурка мается:
Всё поймать старается
Рыбку из стеклянки —
Аквариумной банки.

Рыбку пёсик сторожит,
С банкой рядышком лежит.

Мишутка

Мой любимый медвежонок
Горько плачет, прячет лапы:
Его рыжий верблюжонок
Обзывает косолапым.

— Ах ты, милый наш Мишутка!
Не печалься, это шутка! —
Нежно шепчет жирафёнок,
Гривой гладит жеребёнок.

Мёдом мишку угощают,
Он сладёна — оба знают.

Верблюжонок

Не горюет верблюжонок,
Что горбатый он с пелёнок.
Жить в пустыне он мечтает,
Быть двугорбым сам желает!

В необычном караване
Меж горбов, как на диване,
Я пески пересекаю,
Сам верблюдом управляю!

Два горба, как две вершины,
Кораблём плывут в пустыне.
Много дней верблюдов не пьёт,
Всех до места довезёт!

Кленовый листочек

Кленовый листочек
Упал на траву,
Зардел, как цветочек...
А я здесь живу!

Живу, наслаждаюсь
Такой красотой!
По паркам гуляю
Осенней порой.

Кленовый листочек
С собой заберу
И маме на праздник
Его подарю!

Весенняя капель

Поёт капель, звенит капель,
Зима уходит со слезами...
Весенний март, потом апрель...
Снега́ журчат уже ручьями.

Весна пришла издалека
С теплом, капелью и цветами.
Плывут по небу облака —
На синем шёлке лепестками.

Дедушка

Старый дедушка смешной
Лето путает с зимой:
Носит летом валенки,
Дремлет на завалинке.

Рядом котик греется,
Мышь поймать надеется!
А бабушка хлопочет,
Накормить всех хочет.

Конфетный дождик

И кто назвал его слепым,
Весёлый летний дождик?
Под чистым небом голубым
Плывёт он тучкой-ёжик.

Подует ветер на «ежа» —
Вниз падают дождинки.
На солнце радугой горят
Весёлые росинки!

Нам тучка-ёжик сыплет дождь,
Весёлый, разноцветный...
Он так на бусинки похож
И на драже — конфетный.

А дождик вовсе не слепой,
Он видит всё на свете!
За это любят все его —
И взрослые, и дети!

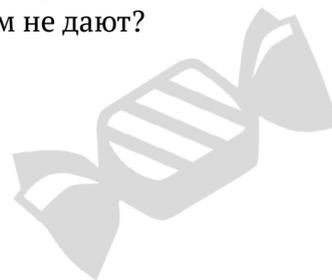
Хитрюлька

Просит внучка бабушку
Поиграть с ней в ладушки.
Просит потом дедушку
Вверх поднять до небушка.

Чтобы было высоко,
Чтоб увидеть далеко:
У бабушки в салфетке
Там спрятаны конфетки.

Прячет мама сладости,
Прячет мои радости,
Все «большие» говорят:
«Зубки от конфет болят!»

И зачем их продают,
Если детям не дают?

Солнечный зайчик

Рано утром на подушку
Зайчик солнечный присел.

Ловит зайчика Кирюшка —
Вот забавная игрушка...
Мальчик выбился из сил,
Но зайчишку упустил.

Скачет «зайчик» на столе,
На полу и на стене...
Это солнышко играет,
Так Кирюшку забавляет!

Очень громко он хохочет,
Что-то «зайчику» лопочет.
Но... если солнышко уйдёт,
«Зайчик» снова пропадёт.

Наталья Гордок

Из повести «Так начинались “Родники”»

Светлой памяти моего первого редактора Татьяны Поповой (Янтарной) посвящается

Наталья, прочитала с большим удовольствием и вниманием обе ваши книги «Так начинались “Родники”». Очень понравились. Хороший стиль изложения, удачные выдержки из писем. Книга достойна памяти Татьяны Поповой, достойна быть прочитанной. Спасибо большое.

С уважением, Татьяна Юдина

Книга по-своему уникальная. В ней ты найдёшь то, что обычно скрыто от твоих глаз: та творческая «кухня», в которой «варятся» произведения авторов — участников литературной студии, по большей части, самостоятельных — профессионалов там единицы. Книга подкупает своей искренностью, я бы даже сказала, исповедальностью. Руководитель литстудии не стесняется показать неумелость, некоторую неуклюжесть своих первых шагов на этом новом для неё поприще: одно дело быть рядовым автором, одним из тебе подобных, другое — быть лидером, вести за собой других, таких разных, своим примером, умением убеждать и находить выходы из порой безвыходных ситуаций, и решать проблемы по возможности бескровно и бесконфликтно. А этому сразу, вот так, с кондачка, не научишься... Ой, сколько пудов соли нужно съест, чтобы стать по-настоящему руководителем, за которым пойдут, к мнению которого будут прислушиваться, с которым будут считаться...

**Нина Михайловна Инякина
(Небогатова), редактор**

От автора

Уважаемый читатель!

Предлагаю познакомиться из первых уст с маленькой, всего пятилетней историей творческого объединения — литературной студии «Родники Сибири», существующей при Кемеровской ОНБ им. В. Д. Фёдорова. Самодельным авторам в любом возрасте всегда было трудно, а иногда и невозможно увидеть результаты своего творчества напечатанными. Все профессиональные союзы и объединения, чего греха таить, не видят в непрофессионалах «искорку Божию». А мы и не пытаемся соперничать с ними, зная свой уровень литературной подготовки. Нам бы только найти «свой шесток» и попытаться выразить свои чувства и эмоции в словах чуть пограмотнее, чуть попроще, насколько это возможно.

Таким «шестком» и стала для нас литературная студия. Приглашаю вместе пройти по трудным, непротоптаным тропинкам первых лет сотрудничества к её «родничкам», затерявшимся в прозе жизни и пробившимся чистым ручейком-строчкой к читателю.

Так начинались «Родники»

Глава 1. У истоков

Первый шаг на любой тропинке сделать нелегко, не знаешь, куда ли ступаешь. Направо пойдёшь — вдруг в тайгу забредёшь. Налево свернуть — вдруг окончится путь. А прямо шагать — так и не привыкать... Была не была. Первое чтение моих девятию четырёх строчек было очень сумбурным. Волновалась как на экзамене. Для клубников это был самый обычный день. А я сидела как на иголках, вспоминая подобный сюжет из рассказа преподавательницы про защиту её мужем — космонавтом диссертации. Когда его спросили: «А в космосе у вас так же руки дрожали?», он ответил, что там был профессионалом, там была работа, а сейчас — экзамен.

Вот и на своих служебных выступлениях при любой аудитории я была уверена в своём профессионализме. А здесь — Её Величество Литература, экзаменаторы — поэты поэтического клуба «Слово».

Да, сначала был поэтический клуб «Слово» при Кемеровской областной научной библиотеке имени Василия Дмитриевича Фёдорова, в который я пришла семнадцатого сентября две тысячи четырнадцатого года. По инициативе его руководителя Кудрявцевой-Кузнецовой Надежды Яковлевны клуб был перенесён, буквально через месяц, на территорию Кузбасского Дома литераторов, на проспект Советский, сорок. Клубникам было тяжело отрываться от родных стен библиотеки, к которым они привязались за пять лет существования «Слова». Участники клуба встали перед выбором: куда идти? И тогда большинство из них, в их числе была и я, решили посещать оба клуба.

Первая ступенька, которую нам предстояло преодолеть в новом клубе на старом месте, стала для нас очень высокой. В числе участников не оказалось второго готового руководителя, который мог бы возглавить оставшийся в библиотеке творческий коллектив. Пришлось выбирать «тройку» — Совет клуба, в который вошли Катерина Летящая, Татьяна Попова и Ирина Жук. Я их расположила в том порядке, в каком успела заметить за тот небольшой период времени активность каждой и их влияние на работоспособность группы любителей поэзии.

Катерина Летящая, как мне показалось, была главным организатором: вела учёт участников по фамилиям и датам рождения, рассылала телефонные сообщения о занятиях, держала групповую кассу.

Татьяна Попова уже при первой же встрече произвела на меня впечатление грамотного литератора, тем более что была координатором от издательства «Союз писателей» г. Новокузнецка, на страницах которого публиковались авторы клуба. Моё заочное знакомство с ней пять месяцев

назад, в апреле, вдохновило меня на мои первые публикации. «Хорошие стихи», — написала она, получив мои первые пять, отобранных сестрой Ольгой, стихотворений для печати. Татьяна же и вручила мне на первой встрече в сентябре журнал, в котором были напечатаны мои первые девять строки. А её милая улыбка доброго, открытого и светлого человека окончательно покорила меня. Я убедилась, что доверила свою душу надёжному другу.

В Ирине Жук я сразу же увидела готовую поэтессу, так мне понравились её стихотворения из первого напечатанного сборника «Жизнь — волшебное видение». Приняв участие в первой в моей жизни презентации этой книги, я разочаровалась в своих «лягушках» и поплакалась в Танюшино плечо, что я так лирично никогда не смогу написать. А мудрая не по годам моя молодая редактор Татьяна Валерьевна, уже тогда подержавшая в своих руках мой «самиздательский» альбомчик «Заглянем в зеркало своей души», сумела вернуть мою уверенность, объяснив, что у каждого автора свои плюсы и минусы. И у меня плюсов оказалось больше, чем минусов.

Совет подобрался достойный, но не было ни у клуба «Слово», ни у нового коллектива того фундамента, который скрепляет даже творческий коллектив, — Устава клуба. Моё предложение по Уставу моим одноклубникам показалось не слишком к месту в творческом объединении, но на Положение все согласились. Заработала инициативная группа. Сначала обсудили мой проект, потом — проект Ольги Желтухиной. И, соединив всё наработанное, наконец-то решили к декабрю следующего года утвердить окончательный вариант.

Над названием нового клуба мы долго не размышляли, ведь в журнале «Союз писателей» уже состоялся наш поджурнал «Родники Сибири», который и вела Татьяна, как координатор. Не встретив с её стороны возражений, мы единогласно проголосовали за «Родники Сибири», хотя были робкие попытки заменить в названии

слово «Сибирь» на «Кузбасс». Сейчас я бы согласилась на «Родники Кузбасса», но мы тогда были не такими мудрыми и пошли по пути наименьшего сопротивления.

А вот над содержанием нашей деятельности нам пришлось всем помозговать. Мы уже не хотели оставаться просто клубом по интересам, собираясь на бабушкины посиделки один-два раза в месяц. Нам захотелось продолжать творить, что-то создавать своё, искать своего читателя. Мы не сразу пришли к студии, казалось, что это очень серьёзное и ответственное дело, оно не для нас — «самоделкиных». Нужны ли будут кому-нибудь наши продукты деятельности: сборники, журналы и просто стихотворения? Нас не устраивало в названии и слово «поэтический», некоторые участники «грешили» прозой. После долгих раздумий мы пришли к нашему теперешнему названию — литературной студии «Родники Сибири», коротко «Родники», и стали называть себя литстудийцами.

В утверждённом Положении мы расширили руководящий орган до пяти человек. В Совет литстудии вошли: Татьяна Попова — единогласно избранная его председателем, и её заместители: Ирина Жук (по творчеству), Наталья Гордок (по оргвопросам), Ольга Желтухина (по практике), Галина Червова (по классикам). Все участники выбрали для себя поручения по душе и активно включились в подготовку занятий, а авторы — в творческую деятельность. Впервые мы показали себя во всей красе на областном конкурсе библиотечных клубов, организованном на базе областной библиотеки в мае 2016 года. А «в люди» вышли, приняв самое активное участие в подготовке и праздновании 95-летнего юбилея Михаила Александровича Небогатова. Итоги трёх лет показали, что литстудия на правильном пути, нам удалось сохранить коллектив и выбрать основные ориентиры для творческой деятельности. Начальный период становления коллектива был трудным, но не бесполезным.

Сегодня мы ещё не можем быть уверены в окончании этого периода, потому что творческий коллектив живёт в постоянном развитии, обновлении его участников, пересмотре основных позиций и функционала. Претерпели изменение и некоторые позиции нашего Положения, когда потребовалось переработать его в рамках общебиблиотечных требований и рекомендаций, предложенных для всех клубов в едином проекте.

Удивляюсь, откуда у нас брались силы и время в той неразберихе первого года жизни литстудии? Одновременно приходилось собирать поджурнал «Родники Сибири» для журнала «Союз писателей» Новокузнецкого издательства, готовить и проводить занятия, как практические, так и по классикам Серебряного века.

А ведь были ещё и конкурсы, и другие проекты издательства, принять участие в которых приглашали наших авторов. Но самым сложным и неуправляемым было само проведение занятий, на которых, чаще всего, собиралось до двадцати человек, а то и больше. Добрая половина участников приходила на занятия «других посмотреть и себя показать». Им неинтересны были разборы ошибок авторов, обсуждения и отбор материалов в печать и на конкурсы. Это как на школьном уроке, если ученик не готов или полкласса хотят сбежать в кино, урок однозначно пойдёт не по плану. Так было и у нас на первых порах. Громкое заявление с последней парты «Можно, я скажу!..» — и начинался «базар». А потом весь вечер и половину ночи мы с Танюшей проводили анализ, извинялись друг перед другом и изобретали новые формы, интересные для всех. Но это была утопия. Коллектив формируется при решении поставленных перед ним целей и задач и при достижении результатов. У нас было только два пути: привести всех к общему знаменателю, приобщив к литературному творчеству, или освободиться от «нетворящих». Желая сохранить привязанности между участниками, мы опять выбрали не

ту тропинку. Литературный ликбез многим не давался, приходилось «причёсывать шедевры» стихотворчества отдельных авторов, а это — далеко не благодарное дело. Грешить никому не хотелось. Некомфортно чувствовали себя под одной обложкой сборника авторы, пишущие на «четыре» и «пять», и неудачники-троечники. Не выдержали первые, ушли в свободное плавание и не прогадали, стали «звёздочками» в других клубах и даже союзах. И мы по праву гордимся своими выпускниками.

На их место в литстудию стали приходиться новые авторы и, надо отметить, далеко не неудачники. Совет вдохновился на новые формы работы. На втором году мы пришли к своим литературным еженедельным средам: две — познавательные, две — развлекательные. После изучения Серебряного века поэзии вернулись к кузбасским литераторам. Тема «Читаем кузбасских поэтов» — стала темой первой среды. Практикум «Ямбы и хореи» определился на вторую среду. Творческие гостиные по юбилеям-классикам утвердились на третью среду. А последняя среда месяца отводилась нашим неформальным общением в группе.

Каждый участник сам решал, на какое занятие приходиться, а какое пропустить, если оно его не интересовало. Кроме групповых практических занятий назначались и индивидуальные встречи с авторами, которым требовалась помощь в работе над текстами. Такая практическая направленность студии обеспечила нам во второй и третий год активный выход как авторских, так и коллективных сборников.

Если в авторском сборнике я, как составитель, могла допустить авторское изложение текстов и его стиль, то в коллективных сборниках редакционная группа старалась поправить единомышленника, чтобы выдерживать уровень публикаций. Сложнее и более ответственно для Татьяны, как

координатора журнала «Союз писателей», было размещать в нашем поджурнале слабые подборки. Доходило до того, что нам приходилось пропускать некоторые номера, так как уровень авторской подборки не соответствовал требованиям. По этому вопросу было много споров и разногласий, но нам удалось прийти к единому решению и добиться того, чтобы авторы работали над текстами сами. В противном случае они могли свои материалы выставлять от своего имени в другой рубрике журнала.

Такая насыщенная работа с авторами, с другой стороны, мешала нам заниматься непосредственно своим творчеством. Татьяна Валерьевна несколько раз просила освободить её от руководства литстудией, но мы шли на всякие уступки в виде оказания ей помощи и поддержки, лишь бы у нас был грамотный руководитель. И вот наступила весна 2017 года, когда нам этот вопрос пришлось всё-таки решать. Мне пришлось согласиться на руководство, жаль было бросать начатое три года назад дело. Коллектив единомышленников сформировался, поддержку обещали, интересы выровнялись, посторонние отсеялись, «звёздочки» тоже пристроились, основные проблемы трёхлетия решились. Я продолжала заниматься организационной работой, Татьяну освободили для подготовки глубоких практических занятий. И у неё открылось второе дыхание. Пошли её личные сборники, новые разработки активных практик, на которые раньше не хватало времени. Жить бы только да жить и радоваться!

Но нам всем предстояло пройти через страшную трагедию. Нашей Танюши не стало. И студия осиротела. Трудно мне было поверить, что человека уже нет, когда получила от неё последнее письмо поздним вечером, а рано утром села строчить ответ, так и не дописав его. Ушла она в расцвете сил и таланта, а ведь сколько ещё могла бы сделать!

(Продолжение следует)

Международный детский литературный клуб «Озарёнок»

Страницу ведёт Н. П. Гаврикова, руководитель МДЛК «Озарёнок»

Всероссийский детско-юношеский литературный конкурс «Защитники Отечества»

23 февраля — это праздник всех, кто, храня верность Присяге и не щадя своей жизни, защищал Матушку-Русь, Российскую Империю, Советский Союз и сегодня стоит на страже России. Это день чествования всех, кто по примеру Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского готов встать на защиту своего Отечества и положить душу за други своя. Это праздник всех наших близких и родных, которые делят с воинами все тяготы и лишения ратной службы и поддерживают в трудную минуту.

В преддверие праздника проведён конкурс «Защитники Отечества», организаторами которого выступили Академия российской литературы (г. Москва), Московская областная общественная организация инвалидов — участников боевых действий «Единство» (г. Сергиев Посад), издательство «Союз писателей» (г. Новокузнецк), МДЛК «Озарёнок» (г. Сокол). Юные литераторы соревновались в четырёх номинациях, где должны были рассказать о героях войн, написать стихотворения, интересные познавательные рассказы, очерки и эссе о защитниках Отечества, о ветеранах войны и наших современниках.

На конкурс из разных регионов России прислали работы более шестидесяти участников. Особые слова хочется сказать в адрес лауреатов и победителей. Так, призом зрительских симпатий (антологией «За горами, за долами...») награждена ученица

10-го класса Коннова Анастасия из Домодедово, Московской обл. Специальные призы будут отправлены ученице 9-го класса Фильцовой Надежде в Москву (антология «Созвучье слов живых») и студентке 2-го курса Наталье Коробовой в с. Никольское, Тамбовской обл. (антология «Сверья быль и небыль»). В альманахе «Московский Парнас» (Академии российской литературы) в качестве приза напечатают рассказ «Катенька» А. Нестеровой, студентки 1-го курса УГАТУ из Уфы. А в нашем литературном журнале «Союз писателей» решением жюри были выбраны следующие кандидатуры: Григорий Мельников из Москвы, Бондарев Арсений из Тюмени, Сорокин Никита и Казачинская Елизавета из Ялты, Республика Крым, а также рассказ их руководителя Т. Н. Жихаревой. Решением Правления Академии российской литературы члены организационного комитета Конкурса и члены жюри награждены «Почётными грамотами» Академии российской литературы: Н. Е. Иванова (Харина), Н. С. Меркушова, Н. Г. Копейкина, А. С. Кобыскан, Е. А. Яковлева.

Конкурс показал высокие творческие качества, которыми обладают конкурсанты. Они многое могут! Пусть успех станет их главным попутчиком в жизни! Этого можно пожелать всем участникам конкурса и их родителям, преподавателям, руководителям.

Н. П. Гаврикова, руководитель МДЛК «Озарёнок»

Григорий Мельников

21 год, студент
филологического
факультета, РУДН,
г. Москва

Мой отец Николай Мельников

6 марта 2021 года русскому поэту Николаю Мельникову исполнилось бы 55 лет. Актёр, режиссёр, писатель, автор-исполнитель, журналист, сценарист. Мой папа, Николай Мельников, прожил короткую, но яркую жизнь.

Отец родился в Брянской области, в селе Лысье. С детства он был очень любознательным. Ещё будучи совсем маленьким, любил играть в школу со старшей сестрой, тётей Валеи. Неудивительно, что он очень быстро научился читать и писать и в 6 лет так просился в школу, что учителя во главе с директором не смогли ему отказать. Уже через полгода папа был переведен во второй класс. Но вскоре произошло страшное событие, которое навсегда изменило жизнь отца. Мой дедушка Алексей Харитонович работал шофёром в совхозе. И вот однажды дедушка и папа попали в автомобильную аварию. Восемь дней отец был без сознания, врачи боролись за его жизнь. После той аварии папе было запрещено играть с ребятами, и, оставаясь дома, папа увлёкся чтением и рисованием. Когда все книги в школьной библиотеке были прочитаны, отец стал ездить в библиотеку в ближайший город — Злынку, что в 10 километрах от села Лысье. Автобусы ходили редко, и часто папа, нагруженный книгами, шёл пешком. Позднее в своём романе «Сопрано», посвящённом моей маме, он напишет: «...Я сидел дома в свободное время и читал. Не могу сказать, что ограничения огорчали меня, моё одиночество начинало нравиться

мне, и со временем я вдруг неожиданно для себя осознал, что начинаю учиться думать».

В 16 лет папа покидает родные края, чтобы стать профессиональным артистом, и поступает в Государственный институт театрального искусства имени Луначарского.

Студенческая жизнь была невероятно интересной. Папа был так увлечён актёрским мастерством, что уже на втором курсе был утверждён на роль лейтенанта Ерошина в фильме «Батальоны просят огня». Но ему исполнилось 18 лет, и его призвали в армию. От роли лейтенанта Ерошина пришлось отказаться, но отец всё-таки успел сняться в нескольких эпизодах фильма в роли солдата. Позже в своей повести «Щепки» папа напишет о своей службе в армии: «Служить мне пришлось на Северном Урале, там, где семь месяцев в году зима с сорокаградусными морозами, где одни мужики водят на работу других под автоматами». Тяжёлое было время. Но и в армии отца не покидало творческое вдохновение. Он исполнял свои песни под гитару, о нём писали местные газеты. В тот период на экраны вышел фильм «Батальоны просят огня». В армии солдатам разрешалось смотреть военные фильмы, и можно только представить восторг молодых ребят, когда они в глухой тайге видели по телевизору своего сослуживца — «настоящего артиста» в фильме, который демонстрировался на всю страну. Папа всегда говорил о своей службе в армии: «Я Родине присягал! А свою Родину я люблю и слушаюсь». Уже потом, когда отец, вернувшись из армии, закончит ГИТИС как актёр и режиссёр, будет одним из создателей международного кинофестиваля «Золотой Витязь», станет лауреатом многих фестивалей и конкурсов, рассказывая о себе, он всегда будет говорить: «Я служил в армии!». Это было для него делом чести. На всю жизнь я запомнил его слова: «Добро должно быть с кулаками, Гришка. Главное, быть добрым не от слабости, а от силы!». И я прекрасно понимаю, что речь

шла о духовной силе, о духовном стержне, о той глубинной, генетической связи поколений, которая подпитывала наш народ, делая его непобедимым в самых страшных и жестоких испытаниях. Служение Отечеству было для моего отца миссией, которую он с честью исполнил. Он не стал профессиональным военным, себя он олицетворял с «Воином во Христе», так называлась его авторская программа, выходявшая на «Народном Радио». За годы творчества папа написал несколько киносценариев, последним из которых стал сценарий к фильму «Русская жертва», рассказывающий о подвиге 6-й роты псковских десантников. Именно отцу принадлежит идея вспомнить историю псковской земли, провести параллели, увидеть пути национального возрождения истерзанной Родины через обращение к вере и традициям Земли Русской. «Героями не рождаются и не становятся просто так, герои вырастают и пропитываются духом великих традиций». Неслучайно в конце фильма в титрах создатели картины благодарят Николая Мельникова за неоценимый вклад в написание сценария. В фина-

ле фильма звучит песня «Мы никогда не умрём» на слова отца.

*Нам кажется, мы никогда не умрём,
Но вот призвала нас на помощь Отчизна,
И мы, опалённые страшным огнём,
Стоим уже где-то меж смертью и жизнью.*

*Меж смертью и жизнью
Стоят пацаны,
Стоят на войне
Против этой войны.
И есть автомат,
И граната одна,
Да русская честь,
Что с рождения дана.*

Делом его жизни было пробуждение и воспитание в соотечественниках национального духовного единства. Как он говорил в своей поэме «Русский Крест» — «Свой народ собрать в народ».

Я был слишком маленьким, когда не стало отца, чтобы впитать в себя всю глубину его личности, но я благодарен маме, что у нас в семье было заведено часто читать папины произведения, я, можно сказать, вырос на его творчестве и теперь могу осмысливать многое, опираясь на его миропонимание.

Евгений Бондарев

10-й класс, МАОУ «СОШ № 42», г. Тюмень.

Руководитель — И. С. Коробицына, учитель русского языка и литературы

Крест храбрых

Апрельский воздух обдавал жаром. Свишавшие совсем рядом пули опалили щёки, огненным тюльпаном полыхнул взорвавшийся неподалёку снаряд, в окопе стоял острый запах горячего пота. Волна нового взрыва сотрясла всё тело, земля с бруствера

посыпалась на плечи и голову. Бой с небольшими передышками шёл уже пять часов.

Лейтенант Рудольф Зброжек помотал головой, стряхивая влажные комки. Получилось ещё хуже, крошки земли попали за шиворот. «Как я могу об этом думать, — пронеслась мысль, — ведь до вечера, может, все пропадём».

Воздух вокруг вновь стал густым от летящего железа. Хотелось пить, но драгоценную жидкость во флягах старались экономить. Хотя вон она, река заморская, отливает свинцом в первых лучах. Бери да пей, ан нет. Всё пространство до берега простреливалось с другой стороны.

Зброжек поудобнее перехватил приклад. Он начал свой боевой путь в сорок третьем. Потомок давным-давно сосланных в сибирский край поляков, Рудольф получил распределение в дивизию имени Тадеуша Костюшко. Получил боевое крещение под Ленино, чудом выжил в той страшной битве. «Отчаянный», — говорили о Зброжке товарищи. Сам он отчаянным себя не считал. Головы не терял, в любой переделке старался заранее просчитать пути отступления для своих ребят, но и трусить не привык. Уж если бил гадов, так насмерть.

После Ленино Рудольф крепко надеялся, что угодить ещё раз в такую передрыгу не доведётся. Какое-то время судьба и впрямь хранила. Лез в пекло без единой царапины, из рядового произведен в офицеры, назначен замполитом. И вот дивизия уткнулась в Одер. На другом берегу фашисты сумели создать мощный оплот, огонь вели днём и ночью. Немало бойцов уже полегло, просто не к месту высунувшись из окопа. Форсировать Одер было необходимо, это ясно. Но какую цену возьмёт война в этот раз...

Глупо говорить, что замполит Зброжек не боялся смерти. Жить хотелось отчаянно, как вдохнуть холодный свежий воздух, как сделать глоток воды. И разве не обидно погибнуть сейчас, когда уже видна наша победа и части Красной армии идут в наступление на Берлин?!

Солнце вставало всё выше. Пробовали провести разведку боем, но на солдат обрушилась вся артиллерия противника. Потрёпанные, изрядно поредевшие роты отползли под защиту наших дзотов. Нет, тут не взять в лоб, нужно снова ждать темноты.

Приказ из штаба прогремел как одиночный выстрел. Начинать атаку, готовиться к переправе. Какая, к чёрту, атака? Невозможно поднять голову, постреляют всех, как голубей. Рудольф закинул винтовку на спину и пополз к командиру батальона.

— Что я, не понимаю, что ли? С начальством не спорят, все под трибунал пойдём! — зло гудел комбат. — Готовься давай, сейчас пойдём.

— Бойцы, в атаку! За Родину! — прохрипел сорванным голосом командир.

Никто не пошевелился. Сквозь грохот обстрела проступала тишина, страшная в своей неподвижности.

— Я приказываю! В атаку! — побелевшие глаза заволокло яростью.

Измученные, оглохшие от воя орудий люди продолжали лежать. Там, за бруствером, была смерть, и комбат не мог

быть страшнее.

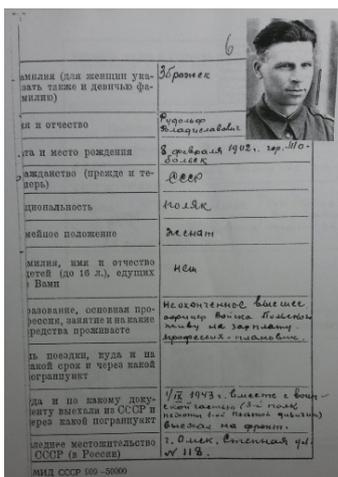
— Зброжек! Ты у нас замполит? Ну вот и бери, веди в атаку. Ишь, раскисли все. Плохо идейную работу ведёшь, товарищ!

Травинка на краю окопа. Надо же, не стоптали... Растёт себе, к небу тянется. А ему поднимать солдат в атаку. Верная смерть, как ни крути. И не выполнишь — смерть: трибунал и расстрел как труса. Рудольф посмотрел на прижавшихся ко дну окопа солдат. Как их поднять, какая сила вообще может сейчас поднять этих людей?!

Замполит Зброжек проверил заряд винтовки. Затем встал, легко перемахнул через насыпь и пошёл в атаку. Первые несколько метров едва одолел непослушными от страха ногами. Потом страх куда-то делся, и он ускорил шаг, побежал.

— За Родину!

Зброжек не видел, что за ним поднялся и пошёл в атаку весь батальон. Он вообще ничего не видел в тот миг, единственной мыслью было — добежать до серой речной полосы. И вот сапоги вспахивают прибрежный песок, стеклянными осколками раз-

летают холодные брызги. Одер! Рудольф успел ощутить сильный толчок в грудь, и наступила темнота.

...Красивая женщина с мягкими каштановыми волосами и изящным станом склонилась над ним. Мама? Горячечный бред, больничная койка. Он в Томске, болен тифом. Вокзал, Рудольф с вещмешком в руках запрыгивает на первую ступень вагона. Скоро на фронт. Битва под Ленино, первые потери в рядах товарищей, первая награда. Рудольф Зброжек очнулся в госпитале и узнал, что 17 апреля 1945 г. советские войска форсировали Одер и одной из первых завершила переправу дивизия Костюшко. За мужество и героизм, проявленные на поле боя, правительство освобождённой

Польши наградило лейтенанта Зброжека «Крестом храбрых». А ещё через несколько дней пришла весть о Победе — долгожданной, выстраданной нашим народом, той, что была действительно «одна на всех». Мой прадед выжил. Соединил свою судьбу с милой медсестрой Ириной, которая выхаживала его после тяжёлого ранения. И потом, в кругу семьи, признавался, что почти не помнит той страшной атаки — память не выдерживала ужаса войны. Рудольф ведь до последнего не знал, пойдёт ли за ним хоть кто-нибудь.

Мне кажется, что совершать подвиги, вести за собой остальных — это и есть крест храбрых, бремя, которое несут герои. И этот долг они не уступят никому.

Никита Сорокин

5 «А» класс, МБОУ
«ЯСШ № 11», г. Ялта.
Руководитель —
Т. Н. Жихарева

История моего рода

Моя прабабушка Костылёва Евдокия Константиновна (по маминой линии) жила в доме в городе Чистополе, где во время войны в 1941–1943 гг. снимал комнату поэт и писатель Б. Л. Пастернак. Сейчас там дом-музей Б. Л. Пастернака. Моя мама, когда была маленькой, приезжала туда зимой. Там много снега, ей давали валенки, и ещё они прорывали проход в снегу большой лопатой от двери до улицы утром после ночного снегопада!

Моему дедушке Перевалову Леониду Ильичу (по маминой линии), когда началась война в 1941 году, было 7 лет. Его папа (Илья) и старший брат (Владимир) погибли на войне. Его мама Фаина Емельяновна работала в то время врачом-инфекциони-

стом в г. Ялта. Был голод. Дедушка вспоминал, что как-то привезли мёд и всем детям давали по ложке мёда в рот. Его старшая сестра Муза уехала тогда учиться в Санкт-Петербург. А когда смогла вернуться в Ялту, не нашла маму и брата, которые переехали в другой дом, думала, что они погибли. И только спустя много лет, когда уже стала старенькой, узнала, что её братик (уже дедушка) жив, и они виделись и беседовали по скайпу, показывали друг другу старинные фотографии родных.

Семья моей прабабушки Архиповой Раисы Егоровны (по папиной линии) работала на нефтепромысле в Дагестане. Её отца Егора Максимовича во время войны в 1941 году отправили на фронт, где он погиб, защищая Севастополь. А прабабушку с её мамой и шестью сёстрами и братиком эвакуировали за Урал. Братик погиб во время переезда. 10-летняя прабабушка Рая с другими учениками школы после уроков помогали в госпитале. А прадедушка Гриша в 14 лет у станка делал снаряды для фронта.

Мне было очень интересно узнать историю своего рода, которую я буду помнить и когда-то поведаю своим детям.

Елизавета Казачинская

5 «Б» класс, МБОУ
«ЯСШ № 11», г. Ялта
Руководитель —
Т. Н. Жихарева

Крымский мост

Историческая память — это то, чего так не хватает нам сегодня. И для меня этой памятью и примером всегда будут мои родители, бабушки, дедушки. И когда только заговорили о строительстве Крымского моста — я вспомнила о своём прадедушке, который был замечательным инженером и проектировал мосты на Дальнем Востоке. Поэтому мне была очень интересна и важна история этого проекта.

А ведь начиналось всё очень давно, а именно в 1068 году, когда князь Тьмутараканский Глеб Святославович впервые измерил расстояние от Тамани до Керчи и сделал это очень оригинально — он прошёл его пешком по льду. Если измерить в современных мерах длину — получится около 30 км. Но о строительстве моста, конечно, в это время не было и речи. Только через много лет, а именно в 1903 году последний русский император Николай II искал возможность соединить Керчь и Тамань и поручил известному инженеру В. Д. Менделееву возглавить проект. Но Первая мировая война и последовавшая за ней Октябрьская революция сделали этот проект невозможным. В 1930 году этой идеей увлёкся И. В. Сталин, был разработан отличный проект, но уже Вторая мировая война помешала его реализовать.

Хотел строить мост и Гитлер во время оккупации Крыма в 1943 году, немцы даже успели соединить берега канатной дорогой, но в 1944 году Крым освободили советские войска, а фашисты в отместку, отступая, канатную дорогу уничтожили. После ухода немцев строительством занялись наши военные, так как новый мост был очень нужен наступающей армии, но из-за нехватки

времени было принято решение строить его в короткие сроки по «облегчённому» варианту, чтобы потом заменить конструкции на более прочные. 24 апреля 1944 года была забита первая свая, а 3 ноября 1944 года по мосту уже отправился первый поезд. Но это решение строительства по «облегчённому» варианту обернулось ужасной катастрофой — в 1945 году лёд из-за суровой зимы тронулся и повредил опоры конструкции, в результате погибло много людей. После этих печальных событий в сентябре 1964 года была запущена паромная переправа, а идея строительства моста так и не была реализована в течение многих десятилетий.

В 2014 году в результате референдума Крым стал частью России. На следующий день после присоединения Крыма к России президент В. В. Путин поставил задачу построить надёжный мост через Керченский пролив. Были рассмотрены более семидесяти проектов, выбраны конструкции моста, и началась колоссальная длительная напряжённая работа. Прежде всего предстояло выполнить огромный объём проектировочных, научноисследовательских и археологических работ, также была создана внушительная инфраструктура для тех, кто принимал участие в создании этого объекта.

И, наконец, в феврале 2016 года началось строительство самого моста, которое было завершено в фантастически рекордные сроки: 15 мая 2018 года состоялась церемония запуска автодорожного моста, а 23 декабря движение по железнодорожному мосту запустил президент России В. В. Путин. Наш Крымский мост стал самым протяжённым в России и Европе, его длина составляет 19 км, он, по мнению специалистов, прослужит не менее 100 лет и способен выдержать девятибалльное землетрясение.

Мост необыкновенно красив, мне очень нравится его архитектурный облик, который стал визитной карточкой Крыма, чего только стоят его знаменитые арки, и очень радостно, что их изготовили не за границей, а на нашем заводе «Воронежстальмост», как и многие другие его части. И перечислить всех, кто внёс бесценный вклад в эту гран-

диозную стройку века — просто невозможно. А я хочу, как и мой прадедушка, стать

архитектором и мечтаю спроектировать такой же красивый и нужный людям мост.

Татьяна Жихарева

Член Союза писателей Крыма,
Российского союза профессиональных литераторов,
редактор альманаха «Белая скала», г. Ялта,
Республика Крым

Ромашковое поле

Посвящается моей маме Лидии

Лида стоит одна в поле. Ноги по щиколотки погрузили в грязь. Она чувствует, как вязкая земля затягивает всё глубже. Её знобит, слёз уже нет, только всхлипы. Холод и страх сковывают тело.

— Ты всё плачешь?

Лида вздрогнула и обернулась на голос. На коленях к ней полз в белой рубашке, белых штанах старец. Белые волосы развевались на ветру, такая же белая борода почти касалась земли.

— Смотри на меня: я калека, но я не плачу. Поддай мне руку.

Лида молча протянула руку.

— Какая холодная! Ледышка! Но ничего, — старец улыбнулся и, опираясь на протянутую руку, начал подниматься. — Вот видишь, я поднялся с колен. Ты тоже поднимешься. Оглянись: какое зелёное и длинное поле! И жизнь твоя будет такой же!

Лида обернулась и увидела вокруг не грязь, а покрытое травой и усеянное белыми ромашками поле.

— Лида, вставай, — тормошила мать, — пора на работу. Корову я уже выдоила. Быстро позавтракаем — и на ферму.

Лида протёрла глаза и с трудом встала с постели. И хоть в доме было прохладно, рубашка прилипла к телу.

— Мама, я не хочу завтракать, с собой чего-нибудь возьму...

— Когда ты там поешь? Времени не будет. Садись за стол. И так вон худая, за ветром

клонишься. Может, сегодня я без тебя пойду?

Лида села за стол и взяла горбушку хлеба:

— Нет, мама, пойду. Надо же твои трудодни обрабатывать...

Лиде пошёл девятнадцатый год. Ещё недавно она успевала и за мать работать, и вечером в клуб сбегать. Она была невысокой, черноволосой, румяной и весёлой. «Кровь с молоком!» — шутили парни. А их, ухажёров, было хоть отбавляй, невзирая, что с матерью-вдовой жили бедно. От ухажёров она отшучивалась, ведь сердце отдала давно чернявому красавцу — голубоглазому высокому Борису. Встречались они уже год. Борис обещал осенью сватов прислать. Но с Лидой начало твориться что-то неладное. Начала слабеть, на шее появились тёмные пятна. Бабы засудачили по деревне: «Ну, всё! Принесёт Фёкле в подоле». Прошло пару месяцев, но живот так и не округлился.

— Нет, не беременная. Болеет.

— Наверное, завидовали на красоту её. Вот и сглазили.

— Ты, Фёкла, свою Лидку к бабе Польке своди. Может, сглазил кто. Пусть пошепчет, — говорили соседки.

Баба Полька шептала, выливая воск на воду, выкатывала болезнь куриным яйцом, но ничего не помогало.

— Борис! Чтобы я тебя возле Лидки больше не видела! Ещё заразу домой принесёшь!

— Мама! Какую ещё заразу?! Ну похудела, ну ослабла... За лето поправится, — оправдывал Борис свою любимую перед матерью.

— Не смей к ней подходить! Говорят, что она чахоточная...

Летом из Воркуты приехала кума Лиды Нюра. Вечером зашла с мужем Петром в гости к тётке Фёкле и своей лучшей подруге.

— Здравствуйте, тётушка, — обнимала и целовала Нюра Фёклу и Лиду, — здравствуй, подруга моя дорогая! Я вам тут подарков привезла.

Нюра достала из сумки тёплый пушистый платок:

— Это вам, тётушка. А это тебе, Лида, отрез на платье. А это к столу колбаса вяленая — ужинать будем.

— У нас как раз борщ только сварился, — суежилась Фёкла у печи, — Лида, неси тарелки.

Пётр достал бутылку «Столичной»:

— Где у вас рюмки? Встречу надо обмыть!

— Да какие у нас рюмки? — улыбнулась Лида. — В кружки наливай.

— В кружки, так в кружки! Мы не гордые, — засмеялся Пётр.

— Лида, сбегай на огород, лучку нарви и огурчики посмотри. Соскучилась я за зеленью нашей, — попросила Нюра.

Когда Лида вышла из дома, Нюра тихо спросила:

— Тётушка, давно это с Лидой? Вы к врачу обращались?

— Да ты же знаешь, Нюра, как в селе: всё некогда. А врач только в районе. Может, само пройдет... Ты же знаешь, какой у нас председатель строгий...

— Работа не волк... Я завтра же с Лидой поеду в район. А председателю скажите, что дочь заболела, лечиться ей надо...

Пожилый доктор склонился над карточкой и что-то писал. Затем подал Лиде листик:

— Это направление в город в тубдиспансер.

— Скажите, доктор, это чахотка?

— Туберкулёз — это и есть чахотка.

— Скажите, я умру?

— Ну, дорогуша, — доктор улыбнулся, — вам о смерти думать рано. Вы обязательно поправитесь. Медицина уже шагнула далеко вперёд. Конечно, придётся полежать в больнице, возможно, даже сделать небольшую операцию. Но на ноги вас обязательно поставят. Правда, и от вас теперь будет зависеть ваше здоровье: нужно себя беречь.

Кстати, вашей матери на всякий случай надо пройти обследование...

Лида вылечилась. Но для односельчан она всё равно была «чахоточной». От неё старались держаться подальше, а все ухажёры переключились на других девушек. Лиде было обидно от такого отчуждения, но в душе всех понимала, пыталась оправдать: ведь это был просто страх только перед одним словом «чахотка». Бориса она тоже пыталась простить. Но не могла.

Время шло. Все подруги-ровесницы давно вышли замуж и нарожали кучу детишек. Некоторые даже взяли Лиду кумой, видя, что она поправилась, слегка располнела и на лице уже играл здоровый румянец.

Мама вышла на пенсию, Лида работала в конторе учётчиком. Фёкла приносила дочке обед на работу, когда была горячая пора в колхозе. Мать замечала, что Лиде оказывает знаки внимания Васька-зоотехник, но он был известным в селе шалопаем и бабником.

Как-то вечером Фёкла завела разговор:

— Доченька, тебе уже почти тридцать лет. Ты и сама понимаешь, что замуж уже не выйдешь. Я старая, болею часто. Вот умру, а ты останешься совсем одна.

— Мама, ну что ты такое говоришь? — взволнованно сказала Лида. — Тебе о смерти думать рано.

— Может, и рано. Но и помнить об этом надо. Тебе покажется странным моё предложение. Не буду ходить вокруг да около.

— Что-то случилось? — Лида насторожилась.

— Ничего не случилось. Но я хочу, чтобы случилось. Я хочу, чтобы ты родила ребёнка. Для себя. А я тебе помогу нянчить, пока будешь на работе.

— Мама, ты что? Какого ребёнка? От кого? Да и в мои-то годы. Да и люди...

— А что люди? Мало ли после войны без мужей рожали? А родить могла бы хоть и от Васьки. Баламут он, но не дурак. А то, что не женится, так муж такой, может, и не нужен.

— Нет, мама, я не буду...

— Так я тебя, Лида, и не силюю. Я же вижу, что Васька тебе тоже нравится. Просто хочу, чтобы ты знала: если так случится, что у тебя

наклонется ребёнок... Не маши на меня руками и не зарекайся! Так вот, я тебя не буду осуждать. Ты заслуживаешь быть счастливой. Хотя бы счастливой матерью.

Васька был действительно ветреным шалопаем. Беременной была и Лида, и семнадцатилетняя Катя, на которой Ваську заставили жениться.

— Топ-топ к маме, — Фёкла за ручки ведёт восьмимесячного Антошку, который улыбается и переставляет ножки навстречу Лиде.

— Моё солнышко! — Лида подхватывает сына и подбрасывает вверх. — Моя радость! Сейчас мама тебя покормит.

Мать целует пухленькие щёчки, щечкочет губами шейку смеющегося малыша.

— А ну-ка, ещё посмотрим, что нам за посылка пришла от тёти Нюры. Мама, открывай.

Фёкла открывает деревянный посылочный ящик:

— Сладости опять. Смотри, Лида, по грамульке только давай. А вот мишка для Антошки. Ой, костюмчик какой хороший! И рубашечки!

— Балует нас тётя, да сынулька? Держи мишутку.

— Дяд-дяд-дяд! — малыш хватает игрушку и тянет в рот.

— Ой, уже пора бежать. Пока, Антошка, слушайся бабушку!

— Лида, а обедать? Ты должна хорошо питаться.

— Некогда. Хотя давай кружку молока быстро выпью.

...За окном выла вьюга. Маленький Антошка не спал всю ночь.

— Мама, он весь горит, — Лида еле сдерживает слёзы.

— Может, это зубки режутся? — Фёкла пытается успокоить дочь и не показать, что и сама очень переживает.

— Возможно, и зубки. Но он кашляет. Быстрее бы утро! Надо везти его в район.

Председатель дал машину, и Лиду с сыном в больницу повёз зоотехник Васька. Ехали молча. Малыш в машине уснул — и Лида тоже немножко вздремнула. Василий поглядывал в зеркало на сидящую на заднем сиденье Лиду и годовалого сынишку. До этого

он не видел малыша и даже не интересовался им, а сейчас что-то сдавило всё внутри и не давало спокойно смотреть на дорогу.

Вот и райцентр.

— Лида, давай помогу пацана занести в приёмное отделение. Скользко. А ты сумки возьми.

Когда Лида зашла на приём к педиатру, Василий вышел покурить, а затем снова вернулся дожидаться Лиду.

— Ну что сказал доктор? — подхватился Василий, когда из кабинета вышла с малышом заплаканная Лида.

— Остаёмся в больнице. У Антошки воспаление лёгких.

— Вот беда. Но ты не переживай, выздоровеет. Может, что надо будет, звони в контору, я привезу.

Медсестра успокаивала Лиду:

— Да что же вы, мамочка, так волнуетесь? Вены на ручках не видно. Не только вашему ребёнку капельницу так ставят. У нас опытный персонал. Над лобиком венки хорошо видно... Не бойтесь. Ничего, что в голову. Не вы первые...

По заснеженному полю шёл Василий. На плечо тяжестью давил маленький лёгкий гробик. Горячие слёзы почти сразу становились кусочками льда на щетине. Сзади под руки вели Фёклу и Лиду, которая уже не кричала, а только выла. На деревянном кресте развеялся от ветра белый рушник, вышитый Лидой пионами и ромашками. Бабы и мужики несли еловые венки с бумажными цветами. Процессия шла по заснеженному полю, которое летом должно было зацвести белыми ромашками.

P. S. Через семь лет в село приехал работать на лето тракторист. Ему было, как и Лиде, 36 лет. С первой женой он развёлся, детей в браке не было. И хоть многие барышни засматривались на чернявого тракториста, но влюбился он в Лиду и в конце лета увёз с собой. Жизнь начиналась с чистого листа. Лида прожила 81 год, дождавшись внуков и правнучку. Она часто говорила, что прожила с мужем долгую жизнь, как ромашковое поле.

Лидия Соловьева

Калининград

Розовый слоник

Жаркое солнце бывает редко в Светлогорске даже в июле. Но сегодня — особенный день, по-летнему тёплый. Бабье лето в середине октября обогрело и порадовало всех, особенно детишек. Вот и маленькая Юля в футболке и шортиках весь день весело бегала вдоль воды, разгоняя вальяжных жирных чаек, и ловко отпрыгивала от набегających волн.

— Я победила! Победила! — каждый раз кричала девочка, ускользнув от волны.

Побеждённое море в ответ умиленно забирало себе крошечные следы её босых ножек и предлагало продолжить игру.

Осенний день быстро подошёл к концу. Солнце безжалостно скатилось вниз и грозило с размаху свалиться за горизонт.

— Прощай, Море! Мне было так весело играть с тобой! Вот тебе на память моя любимая брошка. — Юля отстегнула с футболки булавочку со слонёнком и со всей силы бросила далеко в воду. — А что ты мне подарить? — девчушка хитренько прищурилась.

Море зашумело в ответ и, хлопнув волной по камню, рассыпало в воздухе тысячи хрустальных страз в кружевах пены.

— Я возьму в подарок вот это, — сказала Юля, поднимая с песка выброшенный волной симпатичный круглый камешек с розовыми прожилками, и на прощание поманила морю рукой. — Увидимся следующим летом!

Дома мама чуть было не выбросила этот камешек в мусорное ведро. Но девочка перехватила мамину руку:

— Не выкидывай его, он ко мне из воды вынырнул. Давай, мама, его вернём в родную водную стихию. Это подарок от моря, и я хочу его сохранить!

Юля пошла к себе в спальню и торжественно отправила морской камешек в аквариум к серьёзному усатому сому и золотым рыбкам.

А ночью в аквариуме начали происходить необъяснимые вещи. Оттуда раздавалось бульканье и непонятный шум, похожий на подводный скандал.

— Здесь слонам не место. Это не прерия! — возмущался кто-то.

— Придётся нам всё же как-то уживаться, другого дома у меня нет! — звучал в ответ другой голос.

Пререкания продолжались минут пять. Девочка окончательно проснулась, встала с кровати и направилась к рыбам, чтобы понять, кто устроил шум и тарарам. Возле аквариума она вскрикнула, потому что неожиданно намочила тапочки.

«Откуда здесь эта лужа?» — подумала Юля, включая подсветку аквариума.

И что же она видит через стекло? В ёмкости кроме сома и золотых рыбок плавает новорожденный розовый слоник с крохот-

ными плавничками. Он то и дело высовывает хоботок из аквариума, чтобы подышать и при этом пускает на пол фонтанчик воды. Девочка взяла сачок и достала из воды маленького безобразника.

— Ты откуда здесь взялся?! — недоумённо спросила Юля, насухо вытирая ушастую голову и спинку, на которой оказались вовсе не плавнички, а крылышки.

— Откуда, откуда? Оттуда! Разве дети помнят, как они рождаются. Я просто родился! — бурчал малыш.

— А где твоя мама? — осторожно поинтересовалась девочка.

— Моя мама — ты! Это ты положила меня, когда я был камешком, в воду — значит, тебе меня растить и кормить! И я уже давно хочу кушать, — захныкал проголодавшийся слонёнок.

Юля от материнства не собиралась отказываться. Она пошла на кухню и принесла полную кружку молока и бублик с маком. Слонику еда пришлась по душе. Он погладил свой раздувшийся животик, удобно устроился на мягкой подушке и поведал своей девочке-мамочке о том, что не каждому морскому камешку выпадает счастье ожить. Большинство камней на берегу так и не знает, как это здорово, ходить и бегать, нырять и плавать, вдыхать различные запахи, отведывать вкусности, спать на мягкой подушке. Да и оживать камешки могут только на одну ночь. Брошенный в воду камешек может превратиться или в рыбку, или в конька, или в ежа, или в звёздочку, морскую, конечно.

— А мне посчастливилось стать слоником! Вот какой я большой, умный и красивый! — расхвастался «пухлячок».

Ночь напролёт слонёнок рассказывал Юле морские сказки. Про прелестниц русалок, про уважаемого Нептуна, мудрую Золотую рыбку, композитора-песенника Садко, про несметные богатства затонувших кораблей и охраняющих их призраков пиратов. А потом девочка бегала по комнате со слоником на вытянутых

руках, пытаясь научить его летать. Но всё зря: то ли крылышки были маловаты, то ли слоник после еды стал тяжеловат — только полёт так и не получился. К утру оба, обессиленные, заснули крепко-крепко. А когда Юля проснулась, слоник превратился в маленькую мягкую игрушку и больше не ожидал. Его, розового и мягенького, Юля любила сильнее всех своих игрушек и носила его с собой повсюду.

Прошёл год. 1 сентября, в День знаний, группа первоклассников отправилась на экскурсию в зоопарк, среди них была и наша повзрослевшая Юлечка. Она была одета в новенькую лицеистскую форму, а из кармана рюкзака выглядывал знаменитый слоновий хоботок. Живая слониха так заинтересовалась Юлиной розовой игрушкой, что, забыв про все свои хорошие манеры, стащила её у девочки. Аккуратно взяв игрушечного слоника своим хоботом, слониха удалилась в слоновник и там отдала «пухлячочка» своему захворавшему сыночку.

Про этот случай даже в газетах написали и подытожили, что благодаря Юлиной игрушке зоопарковский больной слоник стал быстро выздоравливать. А по телевизору показали, как он забавляется со сво-

ей маленькой копией, катая её у себя на спине.

Юля совсем не расстроилась из-за дорогой для неё потери, не захныкала и не расплакалась, а даже, наоборот, выглядела счастливой.

— Наконец-то слоник обрёл настоящую слонячью семью! — заключила она. — А мне теперь мамой некогда быть. Я в первый класс пошла. Мне учиться надо!

Иллюстрации Ланы Батенёвой

Жанна Устинова

Могилёв, Республика Беларусь

Шёл Носок Оранжевый

По холмам, по буеракам,
по зелёноспинным ракам,
за своей пропажею
шёл Носок Оранжевый.
По морям не зная страха
плыл на Мудрой Черепахе.
И парил над кручею
на Орле Задумчивом.
Он измазался, помялся,
даже чуточку порвался
на мыске и пяточке
с джинсовой заплаточкой.
Но, минуя все помехи,
прилетел, приплыл, приехал
в комнату знакомую,
где нашёл искомое.

— Как же рад тебя я встретить!
Ты прекрасней всех на свете!
Мы с тобой одна семья,
Ножка Правая моя!

Детские бедки

О, если б могло случиться,
случиться, а не присниться,
чтоб вместо зверушек в клетках
сидели бы... детские бедки.
Приходишь с билетом ярким
к такому вот бедопарку
и смотришь, смотришь без меры,
как мечутся по вольерам:
Раннеутреннее Просыпанье
с Непременно Быстрым Вставаньем,
Завтрак, В Горло Не Заходящий,
Друг, В Футболе Превосходящий,
Нерешаемые Задачки,
Упражнения Хоть Ты Плачьки,
Нестерпимо Ехидные Двойки,
В Дрожь Вводящие Мамины Ойки...
Наконец, самый страшный хищник —
В Руке Папиной Злой Ремнице!

Страницы автора
ok.ru/zhanna.ustinovaminchenko
vk.com/id450565501

Наталья Шарапова

Анапа

Пушистик

Рад и счастлив мальчик Женя —
Получил он в день рождения
Не котёнка, не щенка,
А смешного хомячка!

Перепуганный комочек
Вмиг забился в уголочек...
Пожалев его, малыш,
Взял на ручки: «Что дрожишь?»

Здесь тебя никто не тронет!»
Тот улёгся на ладони,
Будто понял: рядом друг!
В тот же час прошёл испуг.

Стала жизнь зверька, как в сказке,
В полной сытости и ласке...
Женя в дом едва войдёт,
Сразу на руки берёт!

Всюду носит, гладит... Классно...
Но когда не слишком часто!
Хомячку бы бегать, грызть...
На руках... ну что за жизнь?

Только как сказать ребёнку:
«Заведи, дружок, котёнка!»
И зверёк, как мог, терпел...
Но однажды заболел.

И ничто ему не мило,
Всё безрадостно, тоскливо...
Женя к маме со всех ног:
«Захворал мой хомячок!..»

Нужен врач! — взглянул серьёзно,
— А иначе будет поздно!»
С верным другом на руках
Сник мальчонка на глазах...

Прибыл доктор: «Что случилось?
Объясните мне на милость,
Я спешил как на пожар!
У кого-то сильный жар?»

Поднялась температура?
Не волнуйтесь, есть микстура!
Ну, так кто же занемог?»
И услышал: «Хомячок!»

Доктор замер: «Кто, простите?»
Женя в слёзы: «Помогите!
Мой Пушистик не встаёт!
Целый день не ест, не пьёт...

Жил он словно в шоколаде:
Я зверька по шёрстке гладил,
Брал его на руки часто...»
Врач вздохнул: «Теперь всё ясно!

Ты, малыш, своей заботой
Мне прибавил лишь работы.
Быть всё время не у дел...
Тут бы всякий заболел!

Но поправить дело можно! —
Хомячка взяв осторожно,
Подбодрил: — Ты не грусти,
Малыша, дружок, прости!»

Повернулся тут же к Жене:
«Здесь не может быть двух мнений!
Хомячка побереги,
Часто в руки не бери!

Твой Пушистик любит фрукты,
Зелень... разные продукты,
И побегать он готов...
Будет твой дружок здоров!..»

В тот же день хомяк поднялся,
Съесть морковь не отказался,
Горстку семечек, жучка...
Все вкусняшки для зверька!

И теперь с утра Пушистик,
Что ни день, свой домик чистит,
Наведёт везде порядок —
В колесе побегать надо!

Он отныне стал весёлым!
Встретив мальчика из школы,
Погрызёт зерна и спать,
Недосуг ему скучать!

Женя счастлив! Постепенно
Научился он отменно
Обращаться с хомяком,
Слыл он в классе знатоком!

И Пушистик был доволен:
Сытно ест... и быт устроен!
Он заботой окружён
И свободы не лишён!

Я скажу, друзья, вам честно:
Жить в согласии — чудесно!
Так и дружат: паренёк
И пушистый хомячок!

Иллюстрация Алисы Дьяченко

Для авторов

Журнал «Союз писателей» принимает для публикации литературные произведения современных авторов, пишущих на русском языке. Рассматривается проза (миниатюры, рассказы, продолжающиеся повести и романы, а также их отрывки), поэзия (подборки стихотворений, поэмы), публицистика (преимущественно статьи на темы искусства и литературы). Возрастной рейтинг журнального издания — 12+.

Рубрики с авторскими произведениями

- Тема номера (произведения любого жанра в рамках объявленной тематики)
- Поэзия
- Проза и публицистика
- Цветные зонтики (произведения для детей дошкольного, младшего школьного возраста)
- Комната отдыха (юмор, сатира, пародия)
- Неординариум (фантастика, мистика)

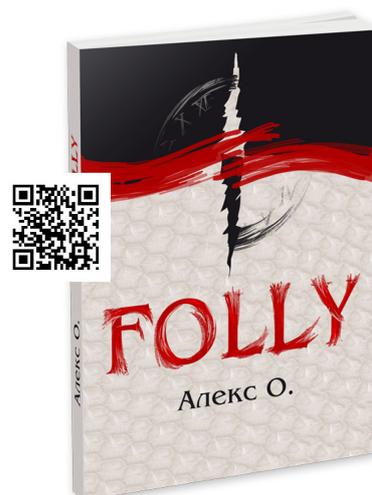
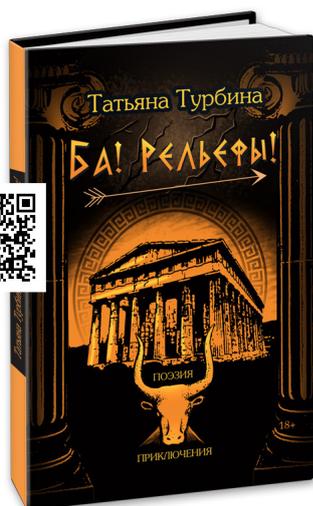
Объем публикации

- Страница поэзии — 80–100 стихотворных строк
- Страница прозы — 3200–3400 знаков с пробелами

Редакция выделяет авторам, прошедшим редакторский отбор, 2 бесплатные страницы под прозу или 1 страницу под поэзию. Минимальный объем публикации — 80 строк для поэзии или 3200 знаков с пробелами для прозы (одна журнальная страница). Всего в выпуске автор может занять до 10 страниц. Есть возможность печатать большие произведения с продолжением из номера в номер.

#КНИГА

Интернет-магазин
современной литературы

knigi-market.ru

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ «СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ»
journalsp.ru

Для писем и предложений
sp@izdat-kniga.ru

Страницы в социальных сетях
vk.com/journal_sp
facebook.com/journalsp

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ»
izdat-kniga.ru